

К 42.9
Д 46
К-38015

В.Д. Димитриев

О чувашском ученом и писателе
середины XIX века

С.М. МИХАЙЛОВЕ

и его сочинениях

о чувашах, марийцах и русских
Волжско-Сурского края

Учебное пособие

Чебоксары 2003

k-038015

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

М т. З 50 1990 г.т. 5000

К

Обязат. экз.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова

К72.9

Д 46

В.Д. ДИМИТРИЕВ

**О ЧУВАШСКОМ УЧЕНОМ И ПИСАТЕЛЕ
СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА**

С . М . М И Х А Й Л О В Е

И ЕГО СОЧИНЕНИЯХ

**О ЧУВАШАХ, МАРИЙЦАХ И РУССКИХ
ВОЛЖСКО-СУРСКОГО КРАЯ**

Учебное пособие

Чебоксары 2003

63.1 (2рос. чув.) а73-1

ББК Т.д(2рос.-бчув.)5я73

Д 46

К72.96:63.5 а73-1

Печатается по решению Ученого совета

Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова

Ответственный редактор
доктор исторических наук, профессор
А.Г. Иванов

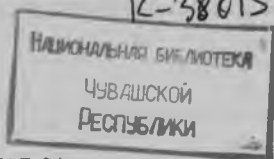
Димитриев В.Д.

Д 46 О чувашском ученом и писателе середины XIX века С.М. Михайлове и его сочинениях о чувашах, марийцах и русских Волжско-Сурского края: Учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 218 с.

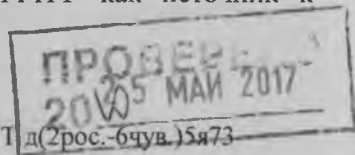
ISBN 5-7677-0717-0

В книге, издаваемой в качестве учебного пособия для студентов факультетов исторического, чувашской филологии и культуры, журналистики Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова и историко-филологического факультета Марийского государственного университета, освещается жизненный путь, служебная и научно-литературная деятельность первого чувашского этнографа, историка, географа, экономиста, статистика, публициста, писателя, фольклориста и просветителя Спиридона Михайловича Михайлова (1821–1861). Подробно и обстоятельно раскрывается содержание его научных и литературных сочинений о чувашах, марийцах и русских Волжско-Сурского края. Книга интересна и для широкого круга читателей.

Книга написана при поддержке РГНФ как источник к проекту 2003 г. № 03-01-00603а/В.

ББК Т.д(2рос.-бчув.)5я73

ISBN 5-7677-0717-0

© Чувашский государственный университет, 2003
© В.Д. Димитриев, 2003

Спиридон Михайлович Михайлов – одна из замечательных личностей в дореволюционной истории чувашского народа. Приступив к научно-литературной деятельности в 1851 году, он за десятилетний период творческого взлета ярко проявил свой многогранный талант: создал неувядающие произведения по этнографии и истории чувашского, марийского и русского народов, по географии, экономике и статистике западных уездов Казанской губернии, написал несколько художественных очерков и рассказов, сделал содержательные, интересные фольклорные записи.

В годы жизни С.М. Михайлова Чувашия входила в состав Казанской и Симбирской губерний. На ее территории в середине XIX века (1859 год) проживало (в границах современной Чувашской Республики) 436 тысяч человек. Жизнь и деятельность Спиридона Михайловича были связаны с Козьмодемьянским, Ядринским и Чебоксарским уездами Казанской губернии. В 1859 году в Козьмодемьянском уезде числилась 81 тысяча жителей, из них 4898 человек горожан. Чуваша составляли 46,2%, марийцы – 36,7%, русские – 16,9%, прочие – 0,2% населения уезда; в Чебоксарском уезде – 85500 жителей (горожане – 4736 человек), из них 70,1% – чуваша, 16,8% – русские, 10,7% – луговые марийцы, 2,4% – татары; в Ядринском уезде – 108400 жителей (горожане – 2513 человек), из них 89,6% – чуваша, 10,4% – русские. Чувашские и марийские крестьяне этих уездов были государственные крестьяне, русские – помещичьи и государственные (бывшие монастырские).

В середине XIX века промышленных предприятий в указанных уездах было мало: в Чебоксарском уезде действовал помещичий винокуренный завод, в Козьмодемьянском – помещичья изразцовая фабрика, в Ядринском – помещичий серный завод. В городах имелись купеческие мелкие кожевенные предприятия, кирпичные сараи, салотопки, в уездах – десятка три лесопилок, поташных “заводов”,

кулеткацких мастерских и смолокурен, принадлежавших купцам и русским крестьянам, и более сотни крестьянских шерстобиток, маслобоен, крупорушек. Купеческие и крестьянские предприятия по характеру своему были капиталистическими.

Наблюдалось некоторое совершенствование орудий труда. Повсеместно стал выращиваться картофель. Росла товарность крестьянского хозяйства. Значительное развитие получили сельские промыслы: кулеткачество, корзиноплетение, бондарное дело, изготовление телег и саней и пр. Многие крестьяне работали на купеческих лесоразработках. Имущественная дифференциация приобрела черты капиталистического расслоения. Возросло количество крестьян, занимавшихся торговлей и отчасти предпринимательством с эксплуатацией наемных и кабальных работников. Немало людей уходило на сторонние заработки: в бурлаки, на промышленные предприятия и сезонные работы в городах и селах.

Развитие капиталистических отношений и углубление географического разделения труда в стране, оживление волжского торгового пути в связи с появлением пароходов (с 1820 года) благоприятствовали дальнейшему вовлечению экономики указанных уездов во всероссийский рынок. Вывоз хлеба и других сельскохозяйственных продуктов, леса и изделий промышленности значительно возрос. В ценностном выражении вывоз товаров из названных уездов в 7-8 раз превышал ввоз. В торговом посредничестве основная роль принадлежала городскому купечеству, по преимуществу русскому: среди городских купцов было лишь несколько чувашей.

Наблюдались первые признаки капиталистического расслоения не только в русской, но и в чувашской, и в марийской деревне. Чувашские и марийские крестьяне являлись крепостными феодального государства, русские – крепостными помещиков. Крепостнический гнет все сильнее давил как на помещичьих, так и на государственных крестьян. Систематически росли размеры подушной подати и оброка. Недоимки по налогам составляли огромные суммы. Лихоимство и злоупотребления чиновников среди чувашских и марийских крестьян не знали предела. Усилилось национальное угнетение.

Причину разорения государственных крестьян правительство видело в несовершенстве органов управления. По реформе министра государственных имуществ П.Д. Киселева, начатой в 1839 году, управление государственными крестьянами было организовано как в удельном ведомстве. В Казани была учреждена палата, в уездах – окружные управления государственных имуществ. Чиновники этих управлений стали руководить всей хозяйственной, общественной и нравственно-духовной жизнью государственных крестьян, осуществлять за ними полицейский надзор. Чиновники новых органов полностью содержались за счет самих крестьян. В 1839 году в государственных деревнях начали насильственно вводить общественные запашки, как было в удельных имениях. В 1840 году власти распорядились возделывать на общественных запашках не только зерновые, но и картофель. Чаша терпения чувашских и марийских крестьян переполнилась. В 1841 году начались их волнения, которые в следующем году перешли в вооруженные выступления. 16 мая 1842 года в дер. Мунъял Ядринского уезда собралось 6 тысяч вооруженных чем попало крестьян. Они требовали отмены реформы. Прибывшие в Мунъял 400 казаков и солдат дали несколько залпов по чувашским крестьянам, троих убили, 11 человек тяжело ранили. Более 400 повстанцев были арестованы. Чувашские и марийские крестьяне Козьмодемьянского и Ядринского уездов собрались в селе Акрамово (ныне Моргаушского района Чувашской Республики), чтобы отстоять перед губернским начальством свои интересы. Но их начали здесь избивать и сажать под караул. 20 мая на выручку сотен арестованных крестьян в Акрамово направилось 10 тысяч чувашских и марийских повстанцев, вооруженных вилами, косами, цепями, изредка и ружьем. Их встретили 478 конных казаков и пеших солдат, открыли по ним огонь, начали их колоть штыками и пиками, рубить саблями. 36 человек было убито, более 250 ранено. Военные суды осудили более тысячи крестьян, из них 34-х главарей восставших сослали в Сибирь, 382-х повстанцев приговорили к крепостным работам и отдаче в рекруты,

остальные были наказаны шпицрутенами (от 100 до 500 ударов каждый).

Царское правительство и крепостники стремились держать чувашских и марийских крестьян в темноте и невежестве, потому что отсталых, неграмотных трудящихся легче было угнетать. Шовинисты разжигали ненависть к нерусским народам, возводили всяческую клевету на них. В 1829 году в газете журнального типа “Казанский вестник” была опубликована статья “Известия о чувашах”. В ней писалось, что “чуваша имеют самое тупое понятие и рассудок самый ограниченный”, что из них не было и не будет ни купцов, ни ученых, ни даже хороших ремесленников [1]. Историк-шовинист Н. Полевой в книге “История русского народа”, изданной в 1830 году, восклицал: “Чуваши – сорная трава, выросшая в поле Российской империи...” [2]. Сенатор П.И. Сумароков в 1839 году писал о чувашах: “Нельзя назвать их людьми... они в нынешнем состоянии мало полезны государству” [3]. Но честные русские люди, беспокоившиеся за благополучие России, доброжелательно относились к судьбе чувашского народа. В 1831 году полковник Маслов докладывал из Казанской губернии шефу жандармов: “Опыты всех времен доказывают, что легче всего управлять народом невежественным, нежели получившим хотя малейшее просвещение истинное, и сколько нужно и должно поселянину; на основании сего правила начальствующие чувашами всеми силами способствуют дальнейшему распространению невежества... Чувашский народ до сего времени погружен еще в крайнее невежество; но он от природы добр, бескорыстен, миролюбив... Трудолюбие его доказывается великим количеством вывозимого на пристани волжского хлеба. С такими качествами народ сей должен бы благоденствовать, если бы не был отдаваем в управление таких начальников, которые не лучшее имеют к нему уважение, как к вьючному скоту” [4]. Люди местной национальности не допускались в аппарат управления. Волостные старшины (головы) из чувашей и марийцев были редким исключением.

В западных уездах Казанской губернии первые небольшие сельские школы были открыты лишь в 40-х годах XIX века.

Одна школа с 20-30 учащимися приходилась на 10 тысяч населения. Обучение велось на русском языке.

Однако тогда же в России вырастали прогрессивные силы, появились передовые общественно-политические и идейные течения, выступавшие за отмену крепостного права, за равноправие народов, за их просвещение.

В такую эпоху и заявил о себе С.М. Михайлов. Если он выучился грамоте и возвысился до уровня высокообразованных людей русского общества благодаря счастливой случайности, то выступление его с научными трудами и художественными сочинениями стало возможно только в условиях оживления демократического движения в России.

* * *

Восторженные отзывы о сочинениях С.М. Михайлова стали появляться с первых же их публикаций. А.И. Артемьев, будучи редактором “Казанских губернских ведомостей”, в 1852 году первым начавший печатать статьи Спиридона Михайловича и поддерживавший его в течение всей его научно-литературной деятельности, в “Списке населенных мест по сведениям 1859 года. XIV. Казанская губерния” в предисловии “Общие сведения о губернии” изложил жизненный и творческий путь чувашского ученого и писателя, высоко оценив его творчество: “Как природный чувашенин, он знал превосходно язык и быт своего племени, и как человек, значительно развитый чтением, мышлением и практической жизнью в среде русской, – он с родственною любовью, но и беспристрастно судил о своих соплеменниках. В этом отношении все его статьи очень замечательны... Михайлов умер в 1861 году еще в полной силе лет” [5].

В собиране сведений о научно-литературной деятельности С.М. Михайлова немало усилий приложил этнограф и историк чувашей В.К. Магницкий, опубликовавший статьи “Спиридон Михайлович Михайлов”, “Дополнительные сведения о Спиридоне Михайловиче Михайлове”, “Чувашин-этнограф Спиридон Михайлович Михайлов” и др. Магницкий выступал за издание сборника трудов Спиридона Михайловича, но не сумел

осуществить свое намерение. Обнаруженные им черновые рукописи С.М. Михайлова он передал казанскому литератору Н.Я. Агафонову. Он поверил сообщению снятого за мздоимство с должности священника села Ишаки и проживавшего в Козьмодемьянске В.П. Громова о том, что фольклорные записи в книге С.М. Михайлова “Чувашские разговоры и сказки” якобы были сделаны им, Громовым. Изучение этих записей показало, что их содержание связано с фактами, людьми и топонимами Юнги-Ядриной сельской общины, куда В.П. Громов не приезжал и, за исключением записи разговора низового чуваша с верховым, не имеет никакого отношения к селу Ишаки и его окрестностям [6].

Большую работу по сбору сочинений С.М. Михайлова выполнил кандидат исторических наук П.Г. Григорьев. Им в 1950 году были опубликованы выявленные им письма и автобиография чувашского ученого и писателя [7]. В предисловии к “Трудам по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов” (Чебоксары, 1972) сделано следующее указание: “Машинописные копии сочинений С.М. Михайлова и некоторые опубликованные и архивные материалы о нем были собраны П.Г. Григорьевым. Однако машинописные копии не были сверены с оригиналами и содержали много ошибок. Произведения, не опубликованные при жизни автора (например, “О Сарые”, “О приходских училищах в чувашских селах”, “Чувашские аристократы” и др.), были скопированы в переизложении. Они в послевоенные годы либо опубликованы, либо использованы в исследованиях по искаженным “копиям” (так, предание “О Сарые” печаталось в хрестоматиях по чувашской литературе и сборниках фольклора много раз в совершенно искаженном, сокращенном переизложении...). Для подготовки “Т р у д о в ” С.М. Михайлова к изданию В.Д. Дмитриевым изготовлены фотокопии всех опубликованных при жизни автора и рукописных произведений ученого и архивных материалов о нем, и включенные в настоящую книгу статьи, полностью соответствующие оригиналам, обработаны им в соответствии с современными требованиями публикации” (14). Ко всем сочинениям

С.М. Михайлова, включенным в “Труды”, были даны обстоятельные комментарии, написанные В.Д. Дмитриевым. После издания “Трудов” были опубликованы в “Марийском археографическом вестнике” (гл. редактор доктор исторических наук, профессор А.Г. Иванов) статьи С.М. Михайлова: Г.Н. Айплатовым “Повесть о пребывании в городе Козьмодемьянске государя императора Павла Петровича с великими князьями Александром Павловичем и Константином Павловичем”, А.Г. Ивановым “Описание быта раскольников в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии”, В.Д. Дмитриевым “Отчего чувашки давятся и какие правительство должно принять меры для предупреждения этого явления” [8].

Во второй половине XX – начале XXI веков опубликовано несколько книг и статей о жизни и деятельности С.М. Михайлова. Отметим некоторые из них. П.Г. Григорьевым в 1946 году в журнале “Тăван Атăл” помещена статья “Чăвашсен чи малтанхи писателĕ Спиридон Михайлов”, в которой дано краткое изложение жизни и деятельности чувашского ученого и писателя. Тем же автором в 1960 году на чувашском языке издана книга “Спиридон Михайлович Михайлов”, всесторонне освещающая его жизненный путь и творчество [9].

Доктор филологических наук, профессор М.Я. Сироткин в 1948 году в своей монографии “Очерки дореволюционной чувашской литературы” посвятил особый раздел анализу художественных произведений С.М. Михайлова [10].

Кандидат педагогических наук, доцент Д.Е. Егоров, защитивший кандидатскую диссертацию о просветительской деятельности и педагогических идеях С.М. Михайлова, опубликовал ряд исследований по этой проблематике, в числе которых выделяется монография “Спиридон Михайлович Михайлов: Историко-педагогический очерк”, изданный в 1968 году [11].

В 1973 году Научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и этнографии при Совете Министров Чувашской АССР был издан сборник статей “С.М. Михайлов – первый чувашский этнограф, историк и писатель”, в котором

представлены статьи В.Д. Дмитриева “Спиридон Михайлович Михайлов. Его жизнь и труды”, Л.А. Иванова “К характеристике историко-этнографических работ С.М. Михайлова”, Г.А. Александрова “О географических и статистических сведениях в трудах С.М. Михайлова”, Г.Н. Айплатова “Козьмодемьянский уезд дореформенного десятилетия в историко-этнографических трудах С.М. Михайлова”, Е.С. Сидоровой “С.М. Михайлов как фольклорист”, В.Я. Канюкова “Творчество С.М. Михайлова как этап утверждения народного сознания в ранней чувашской литературе”, А.В. Васильева “Заметки о литературно-художественных опытах С.М. Михайлова”, К.К. Васина “Творческое наследие С.М. Михайлова и марийская литература” [12].

Кандидаты исторических наук, доценты А.П. Данилов и И.Я. Тенюшев внесли определенный вклад в исследование публицистического творчества С.М. Михайлова [13].

Доктором филологических наук, профессором В.Г. Родионовым выполнена значительная работа по углубленному исследованию литературной деятельности Спиридона Михайловича на фоне развития демократической российской и мировой литературы [14].

Настоящее учебное пособие написано на основе впервые изданного в 1972 году собрания сочинений С.М. Михайлова – “Трудов по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов” (подготовка к печати, предисловие и комментарии В.Д. Дмитриева), не вошедших в собрание статей и писем ученого и писателя, отзывов современников о нем, архивных материалов. В пособии поставлена цель ознакомить читателя с жизненным путем С.М. Михайлова – человека, числившегося всю жизнь казенным крестьянином дер. Юнги-Ядриной Козьмодемьянского уезда Казанской губернии, служившего чиновником, ставшего этнографом, историком, географом, экономистом, статистиком, публицистом, писателем, просветителем; рассмотреть содержание его научных статей и корреспонденций, художественных очерков, рассказов и фольклорных записей, оценить его научное и литературное творчество, просветительские и в какой-то мере политические взгляды. В целях более или менее подробного ознакомления

читателя с содержанием научных и литературных сочинений, фольклорных записей автора мы сочли целесообразным по каждому сочинению приводить цитаты из него и сокращенный пересказ его текста. Такой прием очень необходим в учебных пособиях. Иной раз автор учебного пособия ограничивается перечислением лишь тематики произведений ученого или писателя, вследствие чего читатель ничего нужного не узнает о сущности и характере научного творчества ученого, о конкретном вкладе его в науку, не получает представления о существе художественного творчества писателя, индивидуальности его личности, о новизне его вклада в мировую литературу.

В пособии вслед за “Введением” следует глава I – “Жизненный путь крестьянина-чиновника, ученого и писателя”. Она написана на основе автобиографии, писем и документов, а также в какой-то мере самих сочинений автора, в которых нередко встречаются лирические отступления. Содержательную характеристику научных трудов и корреспонденций С.М. Михайлова за десятилетний период его творческой деятельности автор пособия счел целесообразным изложить в двух главах во избежание получения в итоге одного громоздкого раздела, хотя между первой пятилеткой и второй пятилеткой творческой деятельности ученого существенной разницы нет. Главы названы: II. “Историко-этнографические и географические труды 1851-1855 годов”, III. “Научные труды и корреспонденции 1856-1860 годов”. В главе IV “Художественные очерки, рассказы и фольклорные записи” анализируются произведения, в которых преобладает не логическое, как в научных трудах, а образное мышление, хотя и в научных статьях автора нередко присутствует образное мышление с лирическими отступлениями. В “Заключении” подведены итоги жизненного пути, творчества ученого и писателя.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ КРЕСТЬЯНИНА-ЧИНОВНИКА, УЧЕНОГО И ПИСАТЕЛЯ

Спиридон Михайлович Михайлов родился 28 (16) декабря 1821 года в околке Юнгапоси дер. Юнги-Ядриной Юнга-Ядринской земельной или сельской сложной общины Янымовского общества Орининской (позднее Татаркасинской) волости Козьмодемьянского уезда (ныне Моргаушского района Чувашской Республики), был крещен в селе Чемееве 30 (18) декабря (394)*.

В Юнги-Ядринской сложной общине, по данным Описаний дач генерального межевания земель Козьмодемьянского уезда 1795 года, состояли: дер. Большая Юнга, Ядрина тож (30 дворов), выселки из этой деревни: Чувашкасы (30 дворов), Кубаскасы (19 дворов), Чурмошкасы (13 дворов), Ябольной (14 дворов), Юнгапоси (17 дворов). Всего в общине 123 двора, 371 мужчина, 336 женщин, под усадьбами 171 десятина 2100 кв. сажен, пашни 2956 дес. 1372 кв. саж., сенокоса 370 дес. 2200 кв. саж., леса 1495 дес. 1528 кв. саж., неудобных мест 74 дес. 1168 кв. саж., всего 5069 дес. 1168 кв. саж. "Грунт земли чернозем, местами иловатой" (позднее точнее указывали, что в Юнга-Ядриной общине преобладали темно-серые и темно-бурые суглинки, на скатах "более светлые", земля "на половину покатая к оврагам"). "Лес строевой дубовой вышиною от осьми и до девяти сажен, толщиной в отрубе шести и до семи вершков, между коими дровяной: березовой, рябиновой, калиновой и ареховой, для поташа способной". К лесу Юнга-Ядриной общины относится также указание: "В нем звери: волки, лисицы, зайцы, белки, а иногда бывают и медведи;

* Здесь и далее цифры в круглых скобках означают ссылку на страницы книги: *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972.

птицы: тетерева, рябчики, куропатки и разного рода певчия, в полях перепела, жаворонки, коростели, а по речкам дикие утки и кулики”. “Крестьяне упражняются в хлебопашестве и скотоводстве, землю обрабатывают сами. Женщины сверх полевой работы упражняются в домашних рукоделиях: прядут лен, посконь, овечью шерсть, ткнут холсты и сукна для своего употребления и на продажу” [15].

По данным X ревизии в 1858 году в Юнга-Ядриной общине значатся: дер. Юнга-Ядрина (Большие Чуваккасы) – 56 дворов, 141 мужчина, 157 женщин, околотки: Малые Чуваккасы – 35 дворов, 100 муж., 123 жен.; Большие Кубасы – 51 двор, 148 муж., 147 жен. (здесь старинная православная часовня), Малые Кубасы – 25 дворов, 57 муж., 65 жен.; Юнгапось (при вершине речки Юнги) – 29 дворов, 88 муж., 94 жен.; Яблонь (Ябыльна) – 27 дворов, 74 муж., 89 жен.; Чурмуськасы (Сярмыськасы) – 33 двора, 88 муж., 93 жен. Всего в общине 256 дворов, 696 муж., 768 жен. Все население – чувашаи. За общиной числилось земли 4212,6 десятины, в т. ч. удобной 4067,4 дес., неудобной 145,2 дес. В 1872 году материнская деревня становится селом Юнго-Ядрино (Большие Чуваки, Чёккасы). Приход выделился из прихода села Чемеева Ядринского уезда. В 1783 году в селе Юнго-Ядрине на средства прихожан построили трехпрестольную деревянную церковь. От села до Козьмодемьянска 35 верст, до Казани – 180 верст [16].

Предки С.М. Михайлова в XVII веке были служилыми чувашами “Ядринского полка”. Служилые чувашаи, марийцы, татары, мордва и удмурты во второй половине XVI–XVII веке были освобождены от ясака и других повинностей, обязаны были нести военную службу в русском войске. Служилые чувашаи Ядринского уезда вместе с дворянами, детьми боярскими, сотниками и тарханами, казаками и конными стрельцами привлекались к конной службе в Ядринском полку, сформировавшемся по принципу ополчения. В 1718-1723 годах служилые чувашаи были включены в состав государственных крестьян и уравниены в правах и обязанностях перед государством с бывшими ясачными чувашами, но были приписаны к выполнению лашманской повинности (349, 394).

Спиридон Михайлович в “Автобиографии”, написанной в сентябре 1860 года, сообщает: “Пращур мой Тевель в 1696 году был под Азовом вместе с козьмодемьянскими стрельцами, а прадед Иаков Иванов Яндуш был при Екатерине II поверенным своего общества по земельным делам. Яндуш был человек умный и богатый, оставивший сыну своему, а моему деду Семиону довольно пчел и скота” (349). Яндуш был основателем выселка Юнгапоси, выделившегося из дер. Юнги-Ядриной. В статье “Предания чуваш” Михайлов указывает, что “в дачах деревни Юнги-Ядриной... показывают признаки дома строгого и благоразумного Яндуша, которого чувашаи по кончине его, летом, повезли хоронить на 9 лошадях, запряженных в дровни, дабы на телеге не растрясло прах этого великого их родоначальника. Яндуш помер уже по принятии св. крещения и назывался Иаковом. Об этом родоначальнике чувашаи рассказывают, что он в молодости был беден, находился в работниках у татар за Казанью, но напоследок, возвращаясь на свою родину, поймал дорогою рой пчел, от которого их развелось значительно, так что он имел несколько сот ульев и сделался богачом. Он был всеми уважаем, потому что в рабочее время, разъезжая по полям, наблюда, , кто как работает, и если замечал ленивого, то наказывал плетью сам и таким образом заставлял любить трудолюбие. У него, как говорят, было много дочерей, которые были высокого роста и крепкого телосложения и разъезжали верхами, как воинственные амазонки; жена его была мастерица ходить за дичью, которую наловя, приготавлила для мужа своего кушанье и кричала ему на пчельник: *Киях, Яндуш! Абат янда* “Поди, Яндуш! Пища готова” (28). Отец Михайлова Михаил Семенович Семенов (умер в 1861 г. через два-три дня после смерти Спиридона) был человеком хозяйственным и авторитетным в общине, владел русской речью. В официальных документах все жители выселка Юнгапоси числились государственными крестьянами дер. Юнги-Ядриной, в их числе М.С. Семенов, члены его семьи. Мать, Стефанида Николаевна, происходила из дер. Чиржикасы (близ села Большой Сундырь), была развитой женщиной, знала, кроме родного чувашского языка, по-марийски и по-русски (она

скончалась в 1846 году). От первой жены у Михаила Семеновича были дочери Прасковья и Мария, от Стефаниды Николаевны – сыновья Димитрий, Григорий, Спиридон, Илья, Николай, дочери Татьяна и Пелагея. Дети выросли здоровыми, крупными, сильными, как говорил Спиридон Михайлович, атлетического телосложения. Димитрий и Николай служили в армии (394). В 1852 г. Михайлов писал: “Из здешних рекрут при наборе по большей части поступают в гвардейские и гренадерские полки, по красивой наружности и исполинскому росту. У меня два брата в военной службе, из коих один старшим канониром в гренадерской артиллерии, а другой, младший, в армейском полку в Херсоне” (52). Мария вышла замуж в дер. Тептяево Малокарачкинской волости, Татьяна – в марийскую деревню Шерекеево Виловатовражской волости, Пелагея – в дер. Эчкерени Татаркасинской волости Козьмодемьянского уезда (349, 359, 394).

Заранее сообщим, что С.М. Михайлов с рождения и до смерти числился государственным (казенным) крестьянином дер. Юнги-Ядриной, состоял в семье отца. За ним числился надел. Отец во все годы платил за него государственные налоги и выполнял натуральные повинности. В прошении на имя Козьмодемьянского окружного начальника Министерства государственных имуществ России И.В. Усольцова, поданном в начале 50-х годов (сохранился черновик), С.М. Михайлов пишет, что с 1829 года живет не в родной деревне, но остался “не отчисленным от своего семейства”. “Теперь на родине моей, – продолжает он, – проживает собственным домом престарелый отец мой крестьянин Михайло Семенов с одним оставшимся при нем сыном Ильєю, ибо другой брат мой Григорий проживает особым домом, а другие два брата находятся в военной службе. Местное сельское начальство, пользуясь престарелостью отца моего и его простотою, заставляет его исправлять не только за свои две души, но и за меня все мирские повинности и работы, как-то: подводную гоньбу, починку мостов и дорог, содержание караулов при пикетах, вывозку лесов для стражнических домов и прочие наряды наравне с другими крестьянами”. (Спиридон

Михайлович, как избранный на должность чувашского переводчика, по закону пользовался правами сельских заседателей, но местное начальство не признавало его прав. “И это делается уже не один, не два и не три года, а во всю мою службу. Мало этого, принуждают его (отца С.М. Михайлова. – В.Д.) даже ходить за меня десятником, что самое он и исполняет безропотно, будучи простодушный и кроткого нрава старик. Тогда как я, занимая старшую должность от поселян в присутственном месте, не могу уже быть ни десятником, ни старшиною и ни даже волостным головою, обративши уже долговременною и полезною своею службою внимание господина начальника губернии” [17]. Спиридона Михайловича община хотела даже отправить рекрутом в армию (об этом см. ниже). Так ему суждено было всю жизнь оставаться крестьянином и выполнять все крестьянские повинности.

Спиридон в детстве был красивым, милым мальчиком, рос любознательным. В своей автобиографии, написанной в 1860 году, С.М. Михайлов оставил любопытные, интересные для чувашской этнографии, сведения о своем детстве: “У отца моего довольно было тогда пчел, оставшихся после деда и прадеда и был с ним в дружбе козьмодемьянский купец Тимофей Федоров Михеев (1788–1834. – В.Д.), служивший прежде у нас волостным писарем”. Учитель Юнгинского училища М.Н. Хлебников со слов Дмитрия Михайлова, брата Спиридона, сообщил В.К. Магницкому в письме от 8 ноября 1883 года, что Т.Ф. Михееву отец Спиридона подарил рой пчел, от которого расплодилось несколько семей. Все ульи Михеева стояли на пчельнике у М.С. Семенова. Со времени дарения пчел Семенов и Михеев считались, по чувашскому обычаю, по отношению друг к другу досами – *тус, тос*. “Я был у отца третий сын и во младенчестве был малютка очень миловидный. Купец Михеев, не имевший у себя сыновей, кроме двух дочерей, прельстился в меня и в кураже нередко говаривал моим родителям, что он возьмет меня к себе, либо в дети, либо для воспитания, но однако ж время проходило в одних только обещаниях его, и отец мой пропускал слова его мимо ушей”. Далее С.М. Михайлов пишет, как купец уронил его через плечо, он ушибся об пол и

хворал три месяца, а в четырехлетнем возрасте упал с печи головой на чурбан, “проломил под левым глазом лицевую кость, от чего страдал полгода и едва не лишился левого глаза; до сего времени под ним имеется у меня шрам, оставшийся от раны. Наконец, когда достиг я пятилетнего возраста и стал понимать себя, то явилась во мне сильная страсть к учению грамоте. Не зная сам ни аза в глаза, я любил рассматривать духовные книги у приходского священника в приезд его к родителям моим по разным тревам. Книги мне казались божеством, а буквы в них драгоценностью. За неимением книг я любил чертить мелом на стенах в подражание писарям и малевать разных птичек и зверьков в подражание лубочным картинам, привозимым чувашами с базара. Если играл с мальчиками, то зимою ставил снеговые кучи наподобие церквей, а летом удалялся в горы и там любил лепить из глины разных кукол наподобие птичек, зверьков и солдат, в подражание обыкновенным детским игрушкам, продаваемым на базарах, из белой глины. Клочок белой бумаги почитал за великую находку и, свертывая его тщательно, прятал где-нибудь в щели. Но все эти детские забавы не могли заглушить моей природной страсти к грамотности. Сердце мое рвалось из отеческого дома в святую Русь. Будучи еще только пяти лет, я плакал, чтобы отец отвез меня в город учиться грамоте, в противном случае я намеревался бежать из дому для науки... Но отец мой, будучи простой мужик-чувашин, смотрел неблагосклонно на страсть мою к русской грамоте, относил мои слезы к детской шалости. При том не мог он решиться на это потому, что в тогдашнее время чуваша грамотность считали за великую науку, совершенно недоступную их детям, так как тогда между чувашами грамотных почти никого не было, а если были кое-какие, то волостные писари, и родственники отдавали их в солдаты, для искоренения грамотности между чувашами”. Однажды отец взял было его в город учиться, но с полпути повернул лошадь обратно, так как “через дорогу перелетел коршун, почитаемый чувашами, по суеверию, за зловещую птицу”. “После этого отец опять поехал в город и опять взял меня, но в эту поездку не решился учить меня грамоте сам *дос* (друг) его, купец Михеев, за моим

малолетством, а велел привозить меня в следующий год, когда исполнится мне шесть лет. Досадно было мне возвращаться из города в чуваши. Я городом, его церквями и обитателями был очарован... В ожидании счастливой эпохи я зимою 1828 года помогал матери прясть также, как и другие мои братья, и от осени до Сырной недели (то есть масленицы. – В.Д.) напряжено было мною 9 мотков самой грубой пряжи. Наконец настал 1829 год, самый достопамятный в моей жизни. Родитель мой, по уговору с купцом Михеевым, должен был меня на седьмом году отвезти в город учиться грамоте и отвез на самой Сырной неделе, по миновании которой, с наступлением Великого поста, начали меня учить”. Эти слова Спиридона Михайловича подтверждает и его старший брат Димитрий, сообщивший учителю М.Н. Хлебникову: “Спиридон Михайлов был в детстве очень смиренньким, и из его детства видно было в нем, что у него что-то затаено в сердце. Никогда он не любил, когда жил еще дома до семи лет, сидеть сложа руки без дела – чем-нибудь да занимался. Он больше любим был матерью, потому что он ей услуживал во всем. Не помнят братья никаких его дерзких поступков, и оказывается, что он подобных поступков никогда не делал... Михеев попросил отца его в шутках: “Отдай мне одного сына, которого-нибудь, я его выучу грамоте, и будет он после человеком”. С этого времени у Спиридона Михайлова явилось сильное желание идти учиться к Михееву. Он прежде дома пряд *кунчарлу* (прялку. – В.Д.), а потом, как возгорелось в нем желание учиться грамоте, стал *кунчарлу* кидать в сторону, когда дается прясть, со словами: “Вы все меня обманываете, не отдаете писарю учиться”. Мать его успокаивала, что отец скоро отвезет, но он не успокоился до тех пор, пока не был действительно отдан Михееву” (349, 350, 351, 395).

Дом Т.Ф. Михеева был расположен на нынешней улице Пугачева Гора (дом № 3) и сохранился до настоящего времени. Самому купцу некогда было заниматься ребенком. Но была в доме Михеева жившая у него родственница, купеческая вдова Анна Кузьминична Дворникова, добрая, душевная русская женщина. Она была внимательна к Спиридону и научила его читать и писать. Через год для его учебы нашли репетитора –

писца магистрата, который, ведя разгульную жизнь, с мальчиком занимался мало. Спиридон настойчиво учился самостоятельно. “Живя у него (Михеева. – В.Д.) в доме, – пишет С.М. Михайлов, – я присматривал за работниками, был на посылках и бегал в рыбную лавку. Домашние его, в особенности работники и работницы, обращались со мною грубо, часто обижали меня разными насмешками: называли меня чувашским духом, чувашскою лопаткою и т. п. Тяжко было мне, маленькому, переносить такие наглости, от которых находил себе защиту только в одной своей наставнице, вдове Дворниковой, женщине сердобольной. Не забуду ее благодеяния до конца жизни” (352). После пожара в г. Козьмодемьянске, случившегося в мае 1833 года, когда было уничтожено 418 домов, в дом Михеева перешли на житье погоревшие родственники. Жить Спиридону у Михеева стало еще труднее, прибавилось обид от погорельцев. В конце 1833 года Михайлов оставил дом купца (349-353, 394-395). Сам купец умер в Астрахани в 1834 году, куда отправился с лесом на продажу, “а со смертью расстроилось и благосостояние его” (353).

В 1834 году, в тринадцатилетнем возрасте, Михайлов “вышел в люди”. Четыре года проработал он помощником писаря в волостных правлениях Козьмодемьянского и Ядринского уездов, в частности, в Татаркасинской и Большешатьминской волостях, почти столько же – писцом у чиновников земской полиции в Козьмодемьянске. “В 1835 году, будучи еще 14 лет, – сообщает Спиридон Михайлович в своей “Автобиографии”, – я писал к своим родным из села Большая Шатьма Ядринского уезда, чтобы они не тужили обо мне и что я, когда буду светилом, буду попирать кереметь чувашскую (т. е. злое божество чувашской языческой религии. – В.Д.) и возрадую их. Долго письмо это хранилось у моего родителя, пока оно не затерялось”. В эти годы Спиридон Михайлович непрерывно занимался самообразованием. Однако хороших книг у него не было. Читать приходилось, кроме служебной литературы, религиозные книги, популярные художественные произведения, сказки. А с восемнадцати лет он пристрастился к чтению научной и художественной литературы. Об этих годах

Михайлов вспоминал: “Грамотность ценил я выше всего; только жалею, что цветущие года свои я провел в грязи между дурными людьми; делать было нечего: пробивая себе дорогу без покровительства и средств, мне и грязь казалась добрым путем”. “...Не было у меня решительно никаких покровительств и средств, ползал, как червь, гнулся в дугу и нырял в лужу. В особенности терпел много от людей развратных, под влиянием которых находился и переходил мытарства, но кротость и незлобивое сердце мое все побеждали”. Правда, встречались на его пути и добрые русские люди. Спиридон Михайлович пишет: “Приобыкнув к канцелярскому порядку, я в 18 лет умел уже производить следствие и много в этом обязан был А.В. Писриеву, служившему у нас, в чувашах, становым приставом (в Козьмодемьянске. – В.Д.). Господин Писриев был человек деловой, с здравым смыслом: он в Отечественную войну 1812 года служил в собственной походной канцелярии императора Александра благословенного, был в Париже и имел аттестации от многих вельмож, любил быстроту, правду, а шалости в чувашах терпеть не мог, как другие любят в мутной воде ловить рыбу. Служил я у него ровно три года (1839-1841 годы. – В.Д.), и эти последние три года были порядочною школою для меня. Я после Писриева мог быть уже употребляем на хорошие дела. В конце 1841 года по домашним обстоятельствам он оставил службу и уехал в Петербург” (353, 354, 358-359).

В 1842 году С.М. Михайлов, как образованный человек, в совершенстве владевший русским, чувашским и марийским языками, был принят переводчиком чувашского языка и письмоводителем в Козьмодемьянский земский суд – основной административно-полицейский орган уезда, возглавлявшийся исправником, занимался письмоведением по делам исправника, уездной дорожной комиссии и по другим комитетам. Здесь он проработал до конца своей жизни – девятнадцать лет (354, 357-360).

В 1843 году Михайлов женился на грамотной и культурной русской девушке Екатерине Петровне, дочери прибывшего в Козьмодемьянск из г. Ростова мещанина Петра (сведений о его

фамилии не найдено). В своей “Автобиографии” С.М. Михайлов пишет: “В начале 1843 года я, на 21-м году, женился на ростовской мещанской дочери, отец которой служил в Козьмодемьянске поверенным по питейным сборам у знаменитых откупщиков Мясниковых... Жену я взял хотя и бедненькую, но зато умную, рукодельную и грамотную. Мы с ней принялись читать книги духовные и светские...” Много книг прочитал Михайлов у своего тестя (393). Впрочем, семью тестя Спиридон Михайлович описывает в очерке “Злополучный сын” (355-356, 395, 339-345).

А.К. Дворникова продолжала помогать С.М. Михайлову вплоть до свадьбы и, возможно, после свадьбы. Спиридон Михайлович вспоминал: “..Наставница моего детства, купеческая вдова Анна Кузьминична Дворникова, старушка истинно сострадательная, выручила меня из беды. Поддержавши меня, она снабдила меня на женитьбу деньгами и была благословенной матерью сверх родных моих родителей, бывших и благословлявших меня на браке. Не забуду добродетель Анны Кузьминичны до конца жизни. Бабинька Анна мне вторая мать” (355). С женой Михайлов жил в любви и согласии. Однако детей у них не было. Они взяли на воспитание дочь старшей сестры Екатерины Петровны – Феодосию.

Из записи рассказа Дмитрия Михайлова известно, что Спиридон Михайлович, “как вырос, был даже, можно сказать, ростом велик, также и толщиной. Волосы у него были, также и борода с усами, – рыжие, бороду не носил, брил, лицо и нос были чистые, приятные, только на правой щеке (Дмитрий ошибался: шрам был на левой щеке. – В.Д.), около глаза, был самый маленький рубчик, образовавшийся оттого, что во время игры с пустыми пузырьками поранил как-то нечаянно (см. выше объяснение самого С.М. Михайлова причины появления шрама. – В.Д.); глаза были серые” (395). Портрета С.М. Михайлова не сохранилось. Фото в России распространилось с 1854 года. У Спиридона Михайловича был фотопортрет, но после его смерти фото увезла вышедшая замуж в г. Уржум приемная дочь Феодосия (396). Народный художник Чувашии Н.К. Сверчков написал портрет С.М. Михайлова.

Рисовал он его, наверное, с учителя истории Яндушкина, потомка Михайловых. Он был человеком невысокого роста, не таким, каким описывал Спиридона Михайловича его брат Димитрий. Этому описанию более соответствовал другой потомок Михайловых – уроженец дер. Юнгапоси доцент Чувашского государственного педагогического института Степан Васильевич Васильев (1891-1964).

Димитрий Михайлович вспоминал о брате Спиридоне: “Как вырос, одевался он по-русски, ездил к отцу очень редко, разве когда по делам или по пути, жил постоянно на должности и был занят, так что ему некогда было разъезжаться. А отец ездил к нему часто узнавать о его здоровье; принимал он его каждый раз ласково, не брезговал, что он стал русским, т. е. одевался по-русски по своей учености, а иногда награждал некоторой частью своего получаемого по должности жалованья” (395). Сын не мог не интересоваться жизнью отца и брата Ильи. В конце 40-х – начале 50-х годов XIX века Козьмодемьянское окружное управление Министерства государственных имуществ России начало перестраивать планировку чувашских деревень, где дома располагались кучно, вокруг дома родоначальника, а улиц не было. Окружные власти вводили в чувашских деревнях прямые улицы, часто нарушая материальные интересы одних крестьян и прирезывая за взятки участки земли другим. В прошении, поданном И.В. Усольцову, Спиридон Михайлович пишет: “Отцу моему делает притеснение одножитель его Герасим Федоров, который в числе прочих выстроил себе по плану дом, и отведено было ему место для гумна, под которое отошла некоторая часть загона моего отца, удобренного им самым лучшим образом по близкому нахождению оною от жительства”. Отец должен был занять остальную часть загона, но Герасим Федоров “захватил весь загон и обставил его кольями, чтобы загородить под гумно свое... Этого Федорова я коротко знаю: он человек не очень одобрительный, любит обижать смирных стариков и захватывать... у них же новые загоны. Отец мой без того убит обстоятельствами, которого защищать некому” [18].

Спиридон Михайлович, как уже указывалось выше, всю жизнь, даже когда состоял чиновником земского суда, числился

государственным (казенным) крестьянином дер. Юнги-Ядриной Козьмодемьянского уезда, до 1860 года был прописан в семье отца. Став его женой, Екатерина Петровна была переведена из мещанского сословия в сословие государственных крестьян и числилась крестьянкой дер. Юнги-Ядриной.

И в годы работы в земском суде жизнь Спиридона Михайловича не была сладкой. Человек исключительной честности, он не имел никаких других средств к существованию, кроме жалованья (57 руб. в год). Он с женой и приемной дочерью Феодосией жил всю жизнь в нехватке, арендуя жилье на частных квартирах в Козьмодемьянске. Лишь в начале 1860 года С.М. Михайлов займы приобрел домик, который после его смерти был отобран от вдовы – Е.П. Михайловой [19].

В своей “Автобиографии” Спиридон Михайлович пишет о причине, побудившей его вступить на литературное поле. “В детстве я, – пишет он, – книг почти вовсе не читал, кроме псалтыря, евангелия, священной истории и сказок наподобие “Еруслана Лазаревича” и “Бовы Корелевича” (повести-сказки лубочной литературы конца XVIII–XIX веков. – В.Д.), покупаемых мною у офень (бродячих торговцев-коробейников. – В.Д.) на базарах. Но когда был 18 лет, попадаетея мне в одном селе у священника “Путешествие Трифона Коробейника в Иерусалим, Египет и на Синайскую гору в 1383 году”... Я взял эту книгу себе... занялся чтением этой книги, сидя на телеге. Описанные Коробейниковым места и монастыри св. Палестины, известные мне по псалтырю, евангелию и церковным гимнам, равно жалкое состояние тамошних христиан у турков сильно меня тронули, и я залился слезами. Живописные горы по набережью реки Суры, по которым я тащился, растроганному воображению моему представлялись мне священными палестинскими горами: Сионом, Елеоном, Фажором, Ермоном и Синаем, река Сура, бывшая (в мае. – В.Д.) в полном разливе, – рекою Иорданом, а возвышающиеся из-за нее купола ядринской церкви – градом Иерусалимом... Живя в чувашах и татарах, я не мог себе достать других книг, хотя и появлялась у меня страсть к чтению. Были у меня только басни Хемницера да “Указатель Казани” от 1841 года, сочинения Чернова. С поступлением в

1842 году в переводчики я в архиве земского суда заметил множество “Журналов Министерства внутренних дел”. Стал их перебирать, и к великому удовольствию моему попался мне журнал 1840 года за август месяц, в котором помещена статья Н.И. Второва “Памятники древности в Казанской губернии”. Превосходное описание болгарских развалин, равно и надгробные надписи, переведенные на русский язык, сильно подействовали на меня. Я пламенно перечитывал историю болгар и надгробные надписи, из которых более всех трогали меня: “Вот сад целомудренной, благодарной, чистой Серахи, дочери Гуссейна, сына Мансура Болгарского. О Боже! Умилосердись над нею своим обширным милосердием”. А так как господин Второв чуваш и черемис признает древнейшими обитателями Казанской губернии, то я болгарских царей Силку (прозванного по смерти Абдаллахом) и Айдара, сходных с чувашскими именами, стал понимать за чуваш, тем более, что в Чебоксарском уезде есть даже чувашское селение Айдарово, и убеждался, что с знаменитыми болгарам могли жить и предки моих соплеменников и принимать исламизм. Впрочем, с этим мнением могут согласиться и ученые умы. Таким образом, я в свободное время любил перечитывать старые журналы земского суда.

... У тестя я прочитал “Полные анекдоты Петра Великого”, “Потерянный рай”, “Смерть Авелеву”, “Тысячу и одну ночь” и прочие книги; потом брал книги у других людей и читал все, что ни попало мне. Притом, к немалому удовольствию моему, с этого времени началась издаваться при “[Казанских] губернских ведомостях” неофициальная часть их, и я с любопытством перечитывал “Губернские ведомости” в земском суде; в особенности мне нравились статьи исторические и этнографические” (354-356).

В дальнейшем, в 50-х годах, С.М. Михайлов регулярно читал не только “Журнал Министерства внутренних дел” и газету “Казанские губернские ведомости”, но и “Журнал Министерства просвещения”, журнал “Москвитянин”, официальные правительственные газеты. Им были прочитаны многие труды по истории, этнографии и археологии Поволжья.

Особенно внимательно изучил он “Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии” (Казань, 1840) и печатавшиеся в “Казанских губернских ведомостях” в 1849-1850 годах “Заметки о чувашах” В.А. Сбоева, изданные затем, в 1851 году, в Казани отдельной книгой под названием “Исследование об инородцах Казанской губернии, ч. 1. Заметки о чувашах”. Часть томов “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина Михайлову удалось приобрести самому, другие тома подарил ему в 1852 году редактор “Казанских губернских ведомостей” И.Н. Березин. “История государства Российского” стала настольной книгой чувашского ученого. В своих сочинениях Михайлов делает ссылки на десятки книг научной и художественной литературы, в том числе на книгу Н.М. Карамзина и на “Историю Пугачева” А.С. Пушкина. Постоянно занимаясь самостоятельно, Спиридон Михайлович стал высокообразованным человеком и приобщился к русской и западноевропейской культуре.

Чтение исторических, этнографических и статистических трудов и общение с народом, глубокий интерес к жизни, быту, прошлому побудили его попробовать писать самому. Вначале он, подражая хроникальным статьям, публиковавшимся в “Казанских губернских ведомостях”, писал своему тестю, переведенному на службу в город Яранск Вятской губернии, письма, в которых подробно и красочно излагал хронику козьмодемьянской жизни. Долго он собирал, беседуя со старожилками, материалы для своей первой статьи “О пребывании в городе Козьмодемьянске государя-императора Павла Петровича с великими князьями Александром и Константином Павловичами...”. В начале статьи автор приводит сведения о возникновении Козьмодемьянска и его описание, после чего излагает воспоминания мещанина Е.М. Ермолаева, сына бывшего главы города, о пребывании царя и царевичей в Козьмодемьянске, высказывает недоумение: “Почему досель никто из коренных козьмодемьянцев не составил описания этого достопамятного события... И рад я, что исполнить это удалось мне, инородцу по происхождению...”. 8 декабря 1851 года эта статья была послана в редакцию “Казанских губернских

ведомостей”, а 7 января 1852 года она была опубликована. Редакция газеты сопроводила данную статью следующим примечанием: “Эта интересная статья доставлена была в редакцию при письме, в котором автор говорит, что к составлению ее побудило его в особенности обращение, сделанное редакцией к уездным писателям о доставлении сведений о различных достопримечательностях (“Каз. губ. вед.”. 1851. № 48). Редакция считает долгом благодарить господина Михайлова как за эту “Повесть”, так и за обещание его доставить и еще несколько статей, относящихся до Козьмодемьянска. Смеем уверить, что все подобные статьи важны при изучении истории и географии края, и, следовательно, автор “Повести” напрасно боится за неуспех их. Повторим также желание, чтобы старожилы уездные не скупились на сообщение редакции того, что им известно из прошлого и настоящего. Правительство прилагает столько забот о собирании большого числа точнейших сведений об отечестве и сохранении памятников старины, и каждый из нас по мере возможности обязан споспешествовать этому великому предприятию” [20]. Публикация статьи с примечанием редакции газеты вызвала у автора огромное творческое рвение. Редактор газеты Александр Иванович Артемьев [21] писал С.М. Михайлову теплые, душевные письма, советовал продолжать писать, оказывал поддержку молодому автору. Первое письмо Артемьева о принятии статьи Михайлова в печать вызвало в нем неопиcуемый восторг. Отвечая на это письмо, Михайлов 29 декабря того же года писал: “... Сердце мое заговорило [во] мне. Не бойся отныне, финн! Теперь ты не презренный, не бойся, чуваш”. Он здесь же сообщает, что некоторые козьмодемьянские учителя “заочно говорили обо мне, не знаю с какой целью: “Может ли быть, чтобы человек чувашского происхождения и не учившийся в высших учебных заведениях, стал писать дельное?” Конечно, сии слова можно скорее отнести к похвальности, нежели к унижению меня, ибо и патриарх русской словесности, Михайла Васильевич Ломоносов, был сын рыбака, как говорит писатель Жуковский в прозе, от деда получил липовую цевницу, а внукам своим передал

пальмовую...”. Далее он приводит биографические сведения о Ломоносове, об унижениях его во время учебы в академии... “Но все сие от наук не отвратило его, – продолжает Михайлов. – Почему и я, хотя сам и подножие Ломоносова, не хочу отстать от начатого...”. И Михайлов – Ломоносов в чувашском масштабе – твердо решил посвятить себя науке. В этом же письме он сообщает своему патрону программу исследовательских работ на ближайшее время: обещает выслать в редакцию описание часовни около дер. Юнги-Ядриной Козьмодемьянского уезда с историческими сведениями, затем – “полное описание о чувашах, равно разговоры и песни их”, весной заняться “собираением вернейших сведений об одних древних укреплениях, находящихся в здешнем уезде, существовавших, вероятно, в эпоху владычества татар, у которых непременно должно быть мне самому на месте, и сделать верный образ с получением сведений от местных жителей и других источников...” [22].

В письме А.И. Артемьеву от 16 января 1852 года Михайлов, касаясь публикаций своих статей, сообщает о своей жизненной цели: “... Вся моя мысль и все мои желания клонят к тому, чтобы несколько своих единоплеменцев повлечь за собою. Будет уже жить им в невежестве!” [23].

В первых числах марта 1852 года А.И. Артемьев выехал на работу в Петербург. Проезжая через Козьмодемьянск, он встретился с С.М. Михайловым, душевно поговорил с ним и попрощался со словами: “Трудитесь в пользу изучения любезного нашего отечества” (356).

Видный востоковед профессор Илья Николаевич Березин [24], сменивший Артемьева в должности редактора “Казанских губернских ведомостей” и редактировавший газету до 1855 года, так же благожелательно относился к Михайлову, как и его предшественник, направлял исследовательскую деятельность краеведа. Спиридон Михайлович в “Автобиографии” указывает, что И.Н. Березин, “по примеру Артемьева, написал ко мне письмо, чтобы я не оставлял начатые труды литературные, и стал дарить меня книгами и беспрестанно ласкать письмами, которые я соответствовал разными статьями, помещаемыми в

“Губернских ведомостях”. Из них “Сундырская гора” (о месте бывшей горномарийской крепости первой половины XVI века. – В.Д.), помещенная в №№ 29 и 30 1852 года, нравилась многим, в особенности нравились чувства мои: “Долго блуждал я по горе, она напоминала мне о минувшей жизни и славе моих единоплеменных народов... Сердце мое говорило мне: вот финн! Где прежде происходила брань у твоих единоплеменных народов с московскими героями... теперь ты видишь одни искаженные следы их могущества. Святая Русь победила, и все покорилося державе русского царя! Покорилося! И ты наконец сделался русским, попираешь теперь твердыню сию ногами и передаешь о подвигах мятежных некогда соплеменников” (356, 357).

В письме к историку М.П. Погодину от 25 апреля 1860 года С.М. Михайлов пишет: “Благодетели мои Александр Иванович Артемьев и Илья Николаевич Березин не забывают меня, много я им обязан. Артемьев первый начал печатать мои статьи, пробудив во мне врожденную страсть к литературе, а Березин продолжал помогать мне в этом деле, издавши в 1853 году мою первую книгу “Чувашские разговоры и сказки” на свой счет. Не забуду благодеяний их до конца жизни!” [25]. Только благодаря покровительству прогрессивных представителей русской культуры С.М. Михайлов сумел проявить свой талант и осуществить свои мечты.

За десять лет научной и литературной деятельности, начиная с 1851 по 1860 год, Спиридон Михайлович опубликовал в газетах “Казанские губернские ведомости”, “Русский дневник”, “Русский инвалид” и журнале “Москвитянин” 34 работы, оставил в рукописях около двух десятков трудов. Его труды посвящены изучению географии, экономики, статистики, демографии Козьмодемьянского уезда, а отчасти и соседних уездов, истории примечательных населенных пунктов Козьмодемьянского, Ядринского, Свияжского уездов, истории и этнографии, материальной и духовной культуры чувашского, марийского и русского народов. По документам и трудам Спиридона Михайловича можно проследить, что по служебным делам и научным целям он посещал все населенные пункты

Козьмодемьянского уезда, города Ядрин, Цивильск, Чебоксары, Казань, Свияжск, Яранск (к тестю), многие селения Ядринского, Чебоксарского и Цивильского уездов, село Подберезье Свияжского уезда.

Первые опубликованные статьи и книга С.М. Михайлова получили в печати высокую оценку. Казанский литератор А. Невзоров в статье “Из Казани”, опубликованной в журнале “Москвитянин”, писал: “Из числа сотрудников этой газеты (“Казанских губернских ведомостей”. – В.Д.) обращает на себя особенное внимание писатель-самоучка из чуваш Спиридон Михайлов, о котором мы намерены сказать кстати несколько слов. Известно, что чувашки принадлежат к числу неграмотных наших инородцев, и доселе человек образованный между ними, а тем более писатель, был неслыханное чудо...”

На литературное поле выступил С. Михайлов в... 1852 году в “Казанских губернских ведомостях”, где была напечатана (в № 2) его первая статья – “Повесть о пребывании в городе Козьмодемьянске императора Павла Петровича”. За этой повестью последовали этнографические статьи о чувашах и о древностях козьмодемьянских, а в последнее время господин Михайлов доставил в редакцию “Губернских ведомостей” этнографическое описание чуваш с большим собранием песен, пословиц, загадок, разговоров и поговорок чувашских, что все вместе составляют толстую и очень интересную книгу. Ученые, преимущественно филологи, будут здесь иметь случай познакомиться с чувашскими текстами, которых донныне в печати почти не показалось.

Те, которые читали статьи господина Михайлова, невольно удивляются его оригинальному, но простому и выразительному складу мысли и слова; в молодом еще чувашском писателе заметно даже умение обращаться с учеными предметами ученым образом, а в “Чувашских свадьбах” он является с русскими стихами” [26].

Как указывает С.М. Михайлов в своей “Автобиографии”, в конце 1853 года он был избран членом-сотрудником Императорского Русского географического общества (РГО), в 1856 году утвержден министром внутренних дел членом-

корреспондентом Казанского губернского статистического комитета. “Правитель дел Статистического комитета В.П. Траубенберг, что ныне синдик Казанского университета (то есть лицо, представляющее университет в других учреждениях. – В.Д.), – пишет Спиридон Михайлович, – любил меня не менее профессора Березина и тоже возбуждал к деятельности своими письмами, наполненными благородною искренностью. Получая почетные звания члена ученых обществ, я торжествовал и родителю своему напоминал тогда, что мое детское предсказание сбылось, что я между чувашами теперь светило”. 4 декабря 1859 года С.М. Михайлов царем был награжден серебряной медалью за 18-летнюю усердную службу переводчиком чувашского языка при Козьмодемьянском земском суде, а 16 декабря того же года Русское географическое общество удостоило его серебряной медалью “за доставление Обществу в течение многих лет любопытных этнографических и статистических сведений о чувашах Казанской губернии и о русском населении Козьмодемьянского уезда. “Медаль по должности переводчика, – сообщает Спиридон Михайлович, – получил я недаром. Служба моя ознаменована была важными подвигами, засвидетельствованными в свое время губернским начальством и министром внутренних дел. Говорю нележно, что за два замечательных моих подвига один чиновник награжден был начально коллежским асессором, а потом орденом св. Анны 3-й степени, но я, как тогда, так и после, долго оставался без награды, пока не явилось время благоприятное. В 1858 году вступил в начальники Казанской губернии Петр Федорович Козлянинов, обрагил на труды мои особенное внимание: вытребовав меня в Казань, генерал торжественно обласкал меня в присутствии многих чиновников, выдал мне 25 руб. серебром и велел не оставлять своего стремления к благородным трудам, давши слово представить меня к медали, которую, наконец, я и получил... Царскую медаль получил я 2 апреля 1860 года... я сильно был взволнован, и токи слез полились у меня ручьями, и на груди медаль с изображением царя Александра II представилась растроганному выражению моему светло блистающею. Тогда пришли на мысль мою все мои благодетели:

и генерал Петр Федорович, А.И. Артемьев, И.Н. Березин и другие, которым я был обязан в познании истинного света, блистающего и во мраке...” (357, 358).

С этнографическим отделением Русского географического общества С.М. Михайлов установил связь еще в 1852 году, сразу же после переезда А.И. Артемьева в Петербург. В отделение он представлял оттиски своих печатных трудов и рукописи новых работ. После избрания членом-сотрудником РГО Спиридон Михайлович переписывался с крупным востоковедом-арабистом, археологом и нумизматом, другом Н.Я. Бичурина, Павлом Степановичем Савельевым (1814-1859), принимавшим деятельное участие в руководстве РГО. П.С. Савельевым в 1851 году была опубликована в “Журнале Министерства внутренних дел” рецензия на книгу В.А. Сбоева “Записки о чувашах” в виде статьи “Казанские чуваша” [27]. В письме от 11 февраля 1855 года Михайлов писал П.С. Савельеву о представлении в РГО своих опубликованных работ за 1854 год и получении от РГО задания составить список чувашских, татарских и других инородческих селений, городов, гор и рек. Спиридон Михайлович сообщает, что он по возможности займется этим делом, “но собрать эти сведения по всей губернии без особенных издержек и содействия со стороны местного начальства никак невозможно, ибо надобно тогда объездить все города и получить сведения из присутственных мест, иначе цели никто не достигнет; сам я денег не имею, получая 57 рублей серебром в год, веду жизнь самую философскую. Конечно, если бы Географическое общество выделило мне на экстраординарные цели по крайней мере 100 рублей серебром, я сделал бы это очень скоро и отчетливо... Писал я об инородцах без руководства, чутьем. Мне непременно следует получить Вашу программу для описания инородцев казанских, о которых раньше писали весьма плохо” [28]. Финансирование не было открыто, ввиду чего им поручение не было выполнено. В письме-некрологе от 8 июня 1859 года С.М. Михайлов писал о П.С. Савельеве: “... Я лишился в нем одного из благодетелей и покровителей моих. Не зная меня лично, но зная заочно, по моим литературным занятиям, Павел Степанович удостаивал

меня иногда своими письмами, как любимого им обрусевшего инородца-писателя, вызывая, направляя и поощряя меня к просвещенной деятельности. Светлый его ум и чистая и бескорыстная любовь к науке не отказывались сблизиться с людьми низшего слоя, хотя труды мои не заслуживали, может быть, такого внимания. Будучи мужем истинно просвещенным, Павел Степанович в сношениях своих со мною не рассчитывал моего звания, ни племени и дальнего своего расстояния, как рассчитывают в том мелочные люди, скитающиеся во мраке невежества, а признавал меня за такого же человека, каков есть и сам он, исполняя тем святую заповедь – “люби ближнего, как самого себя”. В высшей ученой сфере Павел Степанович старался оценить меня и сблизить с тем ученым обществом, которое впоследствии удостоило меня избрать своим членом, званием лестным в особенности для меня, как доказательство перед иноплеменным народом в целой Русской державе, что деятели народного просвещения не пренебрегают ими, сколько бы не казались маловатыми в глазах людей недалековидных стремления русского инородца по пути гражданственности. Сама истина говорит: “Грядущего ко мне не иждену вон”. Так покойный Павел Степанович не отвергал меня, финна, в своих благодеяниях, а, напротив, ласкал, как юношу, любящего Святую Русь. Вот его незабвенные слова в одном из его писем ко мне в 1855 году: “Мне приятно было получить письмо ваше (то есть мое) от 12 ноября, свидетельствующее, что Вы не перестаете с усердием заниматься и службою, и учеными делами, с моей стороны я постараюсь создать для Вас что можно”. Хотя предположения свои в отношении меня Павел Степанович не мог вполне совершить в жизни, но зато успел их передать своим близким, стоящим на высокой ступени и имеющим ко мне такое же сочувствие, как именно и сам покойный, собственно для того, дабы не загородить у меня благословенного пути. Он знал, что жить и действовать человеку с прямым воззрением, в кругу невежества, трудно без передовых личностей... Он не забыт и в далеких улусах казанских чувашей, которых изучал Павел Степанович: я вечно буду прославлять и вспоминать его как благодетеля и покровителя!” [29].

В “Автобиографии”, подписанной в сентябре 1860 года, С.М. Михайлов сообщает: “Теперь мне от роду 38 лет, в продолжении которых я довольно испытал горького”. Он вспоминает о мытарствах в детстве и юношеские годы. Далее пишет: “Когда же я стал приходить в совершенный возраст, то стали нападать на меня родные за то, что я не богат, не волостной писарь, не разъезжаю на тройках с колокольчиками, не бью и не терзаю чуваш, подобно властям их. Точно я был им бесполезен. Не имея у себя ни гроша, а чуваша деньги любят более всего на свете, и вследствие этого хотели отдать меня в солдаты при первой рекрутской очереди. Было нас пять братьев. В 1838 году за малолетством моим и других братьев взят был старший брат Димитрий и кончил службу в гвардии молодцом. Теперь в отставке, женился и живет хорошо... (В 1830-х годах 25-летний срок рекрутской службы был сокращен до 15 лет, а в 1860-х годах был установлен 6-летний срок солдатской службы. — В.Д.). В 1848 году взят по жеребьёвой системе четвертый брат Николай, служащий также в гвардии. Один чиновник, который управлял у нас чувашами, по питаемой ко мне злобе за то, что я не поступил на службу под его влияние, сильно напал на меня и взялся во что ни станет отдать меня в солдаты; но я был уже переводчиком и служил третье трехлетие. Завелась переписка, и продолжалась она целый год. Делать было нечего. Я решился лично явиться в Казань и жаловаться губернскому начальству на притеснения. Начальство узнало, что я человек дельный, а мой враг бездельник. Я остался служить переводчиком, а злодей был уволен от службы за дурные дела. Родные мои раскаялись в соблазне, узнавши во мне прок и добрую мысль мою, что я готовлю себя не в писари, не к богатству, а к трудам полезным, за которые дается истинная награда. Так оно наконец и сбылось, и отец мой лобзает ныне мои медали. В 1856 году хотя и располагались некоторые лица вновь напасть на меня, но по служению моему переводчиком нельзя было уже тревожить меня, и притом я по распоряжению правительства вовсе исключен из работников в семействе отца моего на основании высочайше дарованных прав. Здесь я не говорю о мелочных неприятностях, какие претерпевал я в жизни

своей: от лжебратий, мирян, граждан, мнимых благодетелей с черствой душой и прочей челяди, равняющихся с содомным плодом (слово *содом* означает безнравственность, распущенность. – В.Д.). Да простят меня за осуждение и да простят, что я не пристал к ним душой, умея отличить белое от черного. Благодарю их за то, что они дали мне способ проникнуть в их черную душу и увидеть лютото змия, изрыгающего яд на сынов христовых” (358-360).

Сохранились три письма С.М. Михайлова видному историку Михаилу Петровичу Погодину (1800-1875), издателю ряда литературных журналов, в том числе журнала “Москвитянин”, написанные в 1860 году. В письме от 25 апреля Спиридон Михайлович сообщает, что “приискал в городе Козьмодемьянске чистенький и светленький домик с садиком и уже поселился в него, но недостает у меня 100 рублей серебром для уплаты за дом, потому что я человек бедный, живу и дышу одними своими трудами, жалованье мое небольшое, которого едва достает мне с семейством на дневную пищу, а квартиры и содержание дороги по случаю квартирования у нас резервных войск”. С.М. Михайлов предлагает М.П. Погодину книгу “Чуваши: историко-этнографический очерк” с условием выплаты ему гонорара. “... Я написал о чуваших любопытную книгу и желаю оную представить для издания в распоряжение вашего превосходительства с покорнейшею просьбою выдать мне за труды денег сколько вам заблагорассудится. Мне деньги нужны к августу месяцу сего года, чтобы уплатить долг за дом, других средств решительно я не имею, живя на правилах благонамеренных.

Ваше превосходительство Михаил Петрович! Помогите мне в этом деле. Книгу свою я представляю по получении Вашего уведомления и надеюсь, что она будет чего-нибудь стоить в литературе как первый плод чувашского писателя-самоучки. Не оставьте меня милостивым снисхождением, уведомьте меня о согласии Вашем оказать содействие мне, бедняку, в издании моего сочинения, отдельно или в журналах” [30].

Вероятно, Спиридон Михайлович такое же письмо написал директору комитета и редактору издававшегося с 1860 года

журнала “Сельское хозяйство” ботанику Николаю Ивановичу Анненкову. 20 июля Спиридон Михайлович получил письмо М.П. Погодина, отправленное с курорта Боржоми, что в Грузии. По-видимому, Погодин просил Михайлова выслать ему рукопись книги “Чуваши”. Михайлов в письме от 5 сентября отвечает, что этот очерк выслал в июле (до 20-го числа) в Москву Н.И. Анненкову, поскольку он согласился издать ее и выдать за нее гонорар. Напомнив М.П. Погодину, что имеет “большую крайность в деньгах для уплаты за дом”, Спиридон Михайлович обещает послать ему “статью о своей жизни” (то есть “Автобиографию”. – В.Д.). В письме он высказывает известному всей России и Европе историку сокровенные мысли о своей судьбе: “Счастлив по крайней мере тем, что ныне имею Ваше драгоценное письмо, служащее залогом Вашего ко мне снисхождения. Когда не будет меня на свете, может быть, все письма ученых мужей будут у меня рассматривать и скажут: вот с кем имел связи наш Спиридон Михайлов, писатель-самоучка? Спасибо им и за это. Готов я идти по избранной стезе до могилы, но увы! Бедность сильно гнетет меня с семейством: имею жену, дочь-невесту, престарелого отца и брата в гвардии. Оставить все это и идти куда глаза глядят – не хочется. Я уже не ребенок, близ 40 лет. Теперь трудно ломать натуру, да и не должно мне переменять жизнь свою, когда из миллиона чуваш и черемис я первый еще писатель в России. Следует и из них кому-нибудь писать для общей пользы. Простите меня за откровенность и осчастливьте меня известием о Ваших распоряжениях по статье о моей жизни” [31].

Из письма Михайлова М.П. Погодину от 31 октября 1860 года узнаем, что Н.И. Анненков книгу “Чуваши”, направленную им вначале из редакции журнала “Сельское хозяйство” в редакцию журнала “Русское слово”, передал редакции “Библиотеки для чтения”. “Теперь я очень нуждаюсь в деньгах, – пишет Спиридон Михайлович, – и если не получу вознаграждения за статьи, то я должен буду лишиться и домика своего, а с ним и последнего своего крова. Сделайте отеческую милость, Михаил Петрович, помогите мне, как Вы сами знаете, чтобы редакция “Библиотеки для чтения” оказала мне пособие

за мою статью (здесь С.М. Михайлов рукопись книги называет статьей. – В.Д.) о чувашах. В противном случае я предоставляю взять статью в Ваше распоряжение с выдачею мне за труды. Статья моя не красна, но справедлива. Чуваши ученья еще не знают.

Ваше превосходительство, простите за отвагу, но я правдив и нелицемерен.

Остаюсь с глубоким моим к вам уважением и преданностью Вашего превосходительства покорнейший слуга Спир. Михайлов” [32].

Книга “Чуваши: Историко-этнографический очерк” – наиболее крупное исследование С.М. Михайлова. Как свидетельствуют отрывки черновика книги, в ней были исследованы история, материальная и духовная культура чувашского народа. Книга так и не увидела света. А.И. Артемьев указывает, что она представляла собой “самое обширное и обстоятельное исследование о чувашах, отправленное им в редакцию одного из столичных журналов, к сожалению, осталось ненапечатанным и, сколько известно, вовсе утратилось” [33]. Возможно, рукопись сохранилась в каком-либо архиве. Историкам и этнологам чувашского народа следует продолжать поиски этой уникальной рукописи.

Автобиографический очерк, который мы много раз цитировали, был написан С.М. Михайловым в 1860 году. Рукопись очерка под авторским заголовком “Спиридон Михайлов (Писатель-самоучка из чуваш)”, за подписью “Спиридон Михайлов”, с пометами “6 сентября 1860 года, г. Козьмодемьянск Казанской губ.” была направлена М.П. Погодину – в журнал “Москвитянин”. Рукопись не была опубликована и сохранилась в фонде М.П. Погодина в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Москва) [34]. С некоторыми сокращениями она опубликована в 1950 году в “Записках” ЧНИИ, в полном виде в 1972 году в “Трудах по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов” С.М. Михайлова [35].

Жизнь Спиридона Михайловича оборвалась в расцвете его творческих сил: 15 (27) января 1861 года он скоропостижно

скончался. Учитель Юнгинского училища М.Н. Хлебников, ссылаясь на сообщение Д.М. Михайлова, писал В.К. Магницкому 8 ноября 1883 года: “Спиридон Михайлович помер от скоропостижной смерти. В новый год получил он награду какую-то от высшего начальства (серебряную медаль за службу ему вручили в Казани 2 апреля 1860 года; в начале 1861 года ему доставили, по-видимому, серебряную медаль Русского географического общества. — В.Д.), и поэтому делали ему визит другие лица, также и он, по обычаю. В один из таких вечеров он лег спать дома довольно выпивши, а к утру скончался. На его похоронах были братья Димитрий и Григорий” (396).

Как сообщает В.К. Магницкий, “свои литературные труды С.М. Михайлов надеялся выпустить особым изданием еще при своей жизни и с этою целью, после безуспешных сношений с А.И. Артемьевым, И.Н. Березиным и М.П. Погодиным, препроводил все свои очерки, с приложением объемистой рукописной автобиографии, к московскому миллионеру В.А. Кокореву (бывший козьмодемьянский винный откупщик); но появления их в свете особым изданием не дождался, безвременно скончавшись в г. Козьмодемьянске... Обо всем этом мне устно сообщил в 1867 году проживавший в г. Козьмодемьянске заштатный священник села Ишак В.П. Громов (он был лишен сана священника за вымогательства от прихожан. — В.Д.)... В видах расположить В.А. Кокорева издать труды С.М. Михайлова, особенно же опубликовать его “Автобиографию”, я поместил в “Справочном листке г. Казани”, издававшемся в 1867 году под редакцией профессора С.М. Шпилевского, в №№ 103 и 120 две заметки под заглавием: 1) “Спиридон Михайлович Михайлов” и 2) “К статье: Спиридон Михайлович Михайлов”, но отклика с чьей-либо стороны не вызвал” [36].

По-видимому, С.М. Михайлов установил связи через посредство М.П. Погодина. Екатерина Петровна Михайлова 2 февраля (21 января) 1861 года написала М.П. Погодину следующее письмо: “При несчастном моем положении имею честь, милостивый государь, Вас уведомить, что присланное на

имя мужа моего Спиридона Михайлова, за сочинения его, из конторы Кокорева в Москве по почте деньги пятьдесят рублей серебром, за смертью оного мне, несчастной, из Козьмодемьянской почтовой конторы не выдают, то слезно Вас, милостивый государь, прошу: повелеть оные деньги мне, сироте, выдать, чем по гроб моей жизни заставите меня молить за Вас Бога и вечно благодеяния Ваши памятовать, с чем вместе и имею честь быть Вашею, милостивейший государь, покорнейшею слугою. Екатерина Петровна Михайлова” [37]. На письме есть помета М.Н. Погодина: “Получено: 5 (то есть 17. – В.Д.) февраля 1861 г.” По-видимому, Екатериной Петровной перевод не был получен, иначе она не лишилась бы дома, сумела бы возместить долг И.П. Арканову (см. ниже).

В конце своей “Автобиографии” С.М. Михайлов пишет: “В заключение приношу мою истинную благодарность господину бывшему козьмодемьянскому исправнику надворному советнику и разных орденов кавалеру Илье Петровичу Арканову за то, что он не пренебрег моею службою, рекомендовал меня везде с отличной стороны и дал мне свободу подышать чистым воздухом в моем доме, приобретенном мною чистыми трудами” (360). Теперь выяснено, что деревянный дом, принадлежавший купцу 3-й гильдии Г.М. Масленникову, был куплен, вероятно, в начале 1860 года, “государственной крестьянкой деревни Юнги-Ядриной Екатериной Петровой по мужу Михайловой”. Во время покупки дома Е.П. Михайлова проживала в доме мещанина В.И. Красильникова по ул. Вознесенской (ныне ул. Советская). После смерти С.М. Михайлова Козьмодемьянское городническое правление обратилось в Уездный суд с отношением: “Вследствие прошения, поданного в Городническое правление надворным советником Ильею Петровым Аркановым о взыскании с проживающего в городе казенного крестьянина деревни Юнги-Ядриной Спиридона Михайлова по заемному письму денег 70 руб. серебром, Городническое правление покорнейше просит Уездный суд приостановить совершение купчей крепости на дом и место, купленные им, Михайловым, у козьмодемьянского купца Григория Михайлова Масленникова”. Вслед за этим

отношением Городническое правление сообщает Уездному суду: “В Городническом правлении производится дело о взыскании надворным советником Ильей Петровым Аркановым с крестьянки деревни Юнги-Ядриной Екатерины Петровой должных покойным мужем Спиридоном Михайловым по заемному письму денег 70 руб. серебром, по коему господин Арканов обнаруживает, что дом, проданный козьмодемьянским купцом Масленниковым крестьянке Екатерине Петровой, куплен на деньги, занятые у него, господина Арканова, мужем ее... Спиридоном Михайловым, посему правление, сим уведомляя о сем оный Уездный суд, просит впредь до окончания дела сего совершение купчей крепости на проданный купцом Масленниковым крестьянке Екатерине Петровой Михайловой дом приостановить”. Дело тянулось до 1864 года и завершилось лишением Е.П. Михайловой дома и возвратом его Г.М. Масленникову [38]. Вероятно, Г.М. Масленников вернул И.П. Арканову 70 руб. серебром. В “Автобиографии” С.М. Михайлов поспешил поблагодарить И.П. Арканова за “свободу подышать чистым воздухом” в его доме, “приобретенном” им “чистыми трудами”.

В письме учителя М.Н. Хлебникова В.К. Магницкому от 8 ноября 1883 года указывается, что “Екатерина Петровна скончалась в г. Козьмодемьянске после смерти С. Михайлова (хорошенько не знают) спустя десять приблизительно лет. По ее смерти наследство досталось приемной дочери Феодосии, которая была дочь старшей его свояченицы, или, просто сказать, дочь старшей сестры его жены. Она, Феодосья, вышла замуж в Вятскую губернию (160 верст от Козьмодемьянска) за почтмейстера назад тому годов 15”, то есть примерно в 1868 году. В письме от 16 января 1884 года М.Н. Хлебников уточнил, что Феодосья вышла замуж за почтмейстера в г. Уржум (396).

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТРУДЫ 1851–1855 ГОДОВ

В данном учебном пособии признано целесообразным анализировать статьи и корреспонденции ученого не по направлениям и отраслям науки (география, экономика, статистика, этнография, история, археография), поскольку в некоторых статьях представлены все указанные отрасли, а по хронологической последовательности их создания и публикации, рассмотрев научные сочинения в двух главах (II, III) по периодам их создания: 1851–1855 годов и 1856–1860 годов. Художественные очерки и рассказы, фольклорные записи анализируются в IV главе.

Над своими научными статьями С.М. Михайлов начал работать в 1851 году. В том году им были собраны сведения для нескольких сочинений, написана первая статья.

Как уже указывалось, **первая статья**, написанная молодым автором в 1851 году и опубликованная в начале следующего года, **была посвящена пребыванию в Козьмодемьянске Павла I** в мае 1798 года по пути в Казань для осмотра Оренбургской дивизии. “На том самом месте, где ныне расположен этот город (Козьмодемьянск. – В.Д.), в царствование царя Иоанна Васильевича Грозного, в 1583 году, воеводою князем Турениным устроена была крепость (точнее, острог. – В.Д.) для защиты от набегов черемис, издревле здесь обитавших. Сначала здесь поселились жители из внутренней России, стрельцы, однодворцы, а потом крепость обращена в город, и все ее обитатели, исключая однодворцев, переименованы гражданами, и им жаловались пашенные и пойменные земли. Впоследствии черемисы подчинились владычеству России; вместе с ними поселились в здешнем краю многие русские, и ... селения их сделались многолюдными... После бывшего в 1833 году пожара, истребившего в нижней части города

418 домов, Козьмодемьянск много улучшился: постройка домов была произведена в нем по плану, высочайше утвержденному 1 марта 1835 года, с полным соблюдением чертежей и фасадов. Улицы получили надлежащую широту и вытянулись в прямые линии, а теперь они еще более украшаются правильной постройкою домов при попечительном нашем градоначальнике. После пожара в нижней части города осталось довольно и старинных домов, в том числе уцелел и тот дом, в котором изволил останавливаться государь император Павел Петрович с великими князьями. В нагорной части города есть старинное земляное укрепление с валом, ныне едва уже заметным от древности (остатки острога. – В.Д.). Екатерина II, проезжая по Волге в сопровождении 10-тысячной флотилии в Казань в 1767 году, в Козьмодемьянск не зашла. Она ночевала на своей галере выше города в трех верстах. Вначале Павла I и царевичей встречали жители Троицкого посада, “в котором экипаж императора посадские жители внесли на гору на руках, а женщины своими платками очистили с него пыль”. В Козьмодемьянске, выполняя распоряжение городничего и градского главы купца М.А. Ермолаева, “все граждане, как мужского, так и женского пола, от мала и до велика, ожидали государя императора на горе у собора, вместе с казанскими депутатами, и все были одеты в самые лучшие платья. Весь этот народ был расставлен по обеим сторонам первой от собора улицы... И когда государь въехал в город, в церквах начался звон, и народ кланялся, громко восклицал: Ура! Махал и бросал в восторге шляпы и платки...”. Квартира для Павла I и царевичей была приготовлена против Успенской приходской церкви на 2-м этаже двухэтажного деревянного дома купца Ф.П. Колесникова. Здесь градской глава купец М.А. Ермолаев преподнес монарху на серебряном блюде хлеб и соль, после чего Павел I “изволил допустить к себе казанских депутатов и почетнейших граждан Козьмодемьянска. Государь был очень весел и милостиво разговаривал”. По его просьбе привезли с середины Волги майскую, еще не совершенно чистую воду. “Государь изволил кушать эту воду и нашел ее вкусною”. Перед квартирой собралось много горожан. Царь подозвал купца

И.М. Загороднова, “долго изволил его расспрашивать о том, куда отправляется хлеб на росшивах и в чем в особенности состоят промыслы козьмодемьянцев”. Утром следующего дня император с великими князьями присутствовал в Успенской церкви на ранней обедне и литургии. “После обедни, возвратившись на квартиру, государь пожаловал хозяина квартиры своей купца Колесникова золотыми часами, обсыпанными жемчугом. За тем, милостиво простившись с гражданами, отправился в город Чебоксары, где изволил обедать” [39].

12 января 1852 года С.М. Михайлов направил А.И. Артемьеву письмо, в котором писал: “При сем честь имею к Вашему высокоблагородию препроводить одну чувашскую песню с русским переводом на благоусмотрение и распоряжение Ваше. Я намеревался и больше кое-чего послать, но, поверьте, теперь занимаюсь составлением годовой отчетности по земской полиции... Недели через две, а может быть и ближе представлю одно весьма любопытное описание, а далее, как я и прежде смел к Вам писать, буду высылать помаленьку свои труды...” (236). К письму была приложена запись текста чувашской песни “Чим, чим, кăсăя, а́ста каятăн кăсăя?”. В том году эта песня не была опубликована. Она была напечатана в “Казанских губернских ведомостях” в 1853 году как приложение к статье “Краткое этнографическое описание чуваш” (92) и в том же году в книге С.М. Михайлова “Чувашские разговоры и сказки”.

Через три дня, 15 января, Спиридон Михайлович написал А.И. Артемьеву следующее письмо с просьбой опубликовать в газете приложенную статью **“Верноподданическая любовь к государю, оказанная крестьянином-рыбаком Труневым”**. Однако она не увидела свет. Ее рукопись обнаружена в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) в фонде А.И. Артемьева (№ 37). В статье сообщается, что во время путешествия императора Николая I по Волге в 1836 году козьмодемьянский крестьянин-рыбак из бывших ямщиков Петр Андреев сын Трунев (1796-1846) наловил корзину свежих рыб и решил передать их императору, пароход которого не останавливался в Козьмодемьянске. Трунев

на лодке вместе со своим другом Фирсовым приблизился к пароходу императора. Николай I, увидев лодку, крикнул: “Мужичок! Пароход тебя зальет, спустись ниже и пристань потом к гордкоуту... Там тебя примут и помогут”. Гордкоут (с него при остановках парохода палили из пушек) следовал за пароходом. Трунева приняли на гордкоуте. “Император затрубил сам в руперт на гордкоут, чтобы у него рыбу взять и выдать ему 50 рублей. Бывший на гордкоуте чиновник принял от Трунева рыбу и, согласно высочайшей воле, выдал ему деньги 50 рублей, которых хотя Труневу и не хотелось взять”. С.М. Михайлов считает, что этот факт свидетельствует о “русской любви к царю” [40].

В начале 1852 года Спиридон Михайлович направил в редакцию “Казанских губернских ведомостей” статью “Старинная часовня около дер. Юнги-Ядриной Козьмодемьянского уезда”. Но она не была опубликована. В 1856 году Михайлов вторично представил рукопись этой статьи под названием “Часовня в деревне Юнги-Ядриной” в Русское географическое общество. Ее содержание нашло отражение в следующей статье Спиридона Михайловича – “Описание обретения иконы Святителя и Чудотворца Николая в дачах деревни Юнги-Ядриной Козьмодемьянского уезда в 1777 году”, датированной 1 марта 1852. года и также направленной в “Казанские губернские ведомости”. И эта статья не увидела свет. Ее рукопись сохранилась в фонде А.И. Артемьева в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки [41]. Мы располагаем ее фотокопией. Следует сказать, что сокращенное изложение статей “Старинная часовня около дер. Юнги-Ядриной Козьмодемьянского уезда” и “Описание обретения иконы Святителя и Чудотворца Николая в дачах деревни Юнги-Ядриной Козьмодемьянского уезда в 1777 году” С.М. Михайлов включил в статью “Село Чемеево в Ядринском уезде”, опубликованную в “Казанских губернских ведомостях” в 1858 году (228-232).

В статье “Описание обретения иконы Святителя и Чудотворца Николая в дачах деревни Юнги-Ядриной Козьмодемьянского уезда в 1777 году” автор указывает, что в

церкви чувашского села Архангельского, Чемеево тож, Ядринского уезда имеется замечательный образ Святителя и Чудотворца Николая, вырезанный на камне или аспиде с изображениями на другой стороне ликов святых Бориса и Глеба. “Камень сей квадратный, около полувершка, темного цвета, точно такой же, какой у образов святых Жен Мироносиц в Царевококшайской пустыни и в селе Ишаках Козьмодемьянского уезда Святителя Николая, прославившихся чудотворениями... Поклонников оному (чемеевскому. – В.Д.) образу бывает тоже немалое число, а в особенности из Нижегородской губернии и из города Козьмодемьянска в день Святого Николая весною 9 мая, привлекаемых бывшими чудесами и оставшимися в преданиях народных...”. Образ этот явился при возделывании земли чувашами дер. Юнги-Ядриной Козьмодемьянского уезда (7 верст от села Чемесва). “На том месте, где случилось явление образа, по сие время существует маленькая часовенка, складенная из кирпичей обыкновенно столбом. Кирпичи старинного формата. Часовня расположена близ околка Кубас, ее чувашаи называют *Кубас ой* “Кубасово поле”. От него околодок *Юнга-бось* “Вершина Юнги” примерно в трех верстах”. В Юнгапоси в середине XIX века жил крестьянин Трофим – престарелый сын одного из чувашей, обнаруживших образ. От него и чемеевского священника Константина Ямбакова С.М. Михайлову стало известно, что “назад тому более 70 лет, в царствование государыни императрицы Екатерины Алексеевны II однопоселенский их чувашенин Анисим Терентьев сын Лява вместе с одножителем своим Иштуаном (а по-русски как его звали – неизвестно) и третьим чувашениным, родственником Иштуану, по имени уже вовсе неизвестным, поступившим наконец в военную службу, производил, где ныне находится часовня, весною пашню под яровой посев сабаном (чувашским плугом), запряженным в пять лошадей, но пашня у них шла неуспешно по неизвестным им причинам. Вот они смотрят на сабан всячески, улаживают его, перепрягают лошадей, чтобы пашню направить как должно, но безуспешно. Удивляются и сами: какая бы тому могла быть причина, ибо плуг их наконец стал уже останавливаться,

несмотря что пять лошадей в ярме. Напоследок стали смотреть внимательно: нет ли в земле каких камней или корней, препятствующих пашне? И при этом-то случае видят выпаханный небольшой камешек. Поднявши его и очистивши от земли, усматривают изображение каких-то ликов. Но что это за камень, не догадываются. Однако же они не бросили его впредь до показания грамотным людям. А приступавши опять к пашне, пошла она очень успешно, так что успешнее сего прежде и не бывало. Тут вновь приходят они в удивление и предполагают, что найденный ими камень заключает в себе что-нибудь чудесное”. Легенда эта характерна и для других подобных находок. Ценно в ней указание на использование чувашами в XVIII веке плуга агабусь (сабан), запряженного пятью лошадьми. Плуг обслуживали трое хлебопашцев.

В это время мимо пахарей проезжал в околосок Сярмуськасы верхом на лошади содержатель мельницы на речке Юнге чебоксарский купец Федор Григорьевич Кологривов, живший “на мельнице собственным своим домом”. Купец объясняет пахарям, “что это не простой камень, а образ Святителя Николая и других угодников на обороте”. Купец взял камень на мельницу. Он поставил образ в устроенную киотку с украшениями. Через некоторое время нашедшие камень пахари одновременно заболели, “впавши в какое-то расслабление”. Пахари ужаснулись, полагая, что Бог их наказывает за пренебрежение к найденному ими образу Святителя и Чудотворца Николая, посылают немедленно гонца к купцу Кологривову, чтобы он отдал им его. Кологривов не отдал образа пахарям. Но тогда заболело все его семейство вместе с ним. Новообретенной иконе отслужили молебен, и больные выздоровели. Образ установили в церкви села Чемесво. “По постановлении в храм сего явленного образа, – пишет С.М. Михайлов, – были и другие чудеса, но остались они в безызвестности”.

В этой же статье Спиридон Михайлович сообщает, что “шайкою бунтовщика Пугачева чемесвские священно-церковно-служители были умерщвлены злодейски, и церковь оставалась праздною без служителей алтаря на некоторое время”.

Чуваши дер. Юнги-Ядриной намеревались построить церковь на месте явления образа. Но этого не произошло. Впоследствии священник чемеевской церкви Николай Иванович (фамилия не указана) обещал построить часовню, но долго не исполнял обещания. Построил только тогда, когда был наказан за это болезнью. К часовне верующие кладут деньги, молясь за выздоровление. Деньги идут в пользу Чемеевской церкви [42].

Эта статья, как и статьи “Верноподданическая любовь к государю, оказанная крестьянином-рыбаком Труневым” и “Старинная часовня около дер. Юнги-Ядриной Козьмодемьянского уезда” в “Казанских губернских ведомостях” не были опубликованы. По-видимому, редакцию более интересовали статьи этнографического, археологического, исторического, географического и статистического характера. Именно такие статьи и стали поступать в редакцию газеты от вдохновленного первым успехом переводчика чувашского языка при Козьмодемьянском земском суде. 1852 год был для Спиридона Михайловича весьма плодотворным: кроме упомянутой первой статьи, в том году было напечатано в “Казанских губернских ведомостях” шесть историко-этнографических его работ и началось печатание седьмой статьи – “Чувашские свадьбы”.

Первые исторические сведения о родном народе Спиридон Михайлович нашел в его преданиях. В статье **“Предания чуваш”** освещены представления чувашей о народах и языках мира, о прибытии их предков на Волгу “из-за черного моря и из-за дальних гор”, о происхождении их от древнего предка Чуваша, о родственных связях между деревнями (*ял*) и околodkaми (*касă*), о хозяйстве и быте чувашей в старину. Он отмечает такие пережитки кочевнического быта чувашей, как прием транспортировки поклажи вьюком, выход летом жить в лачуги (по-чувашски – *лаç*). Ныне установлено, что на территорию, которая позже вошла в Козьмодемьянский уезд, болгаро-чуваши переселились с территории Ульяновской области и Закамья лишь во второй половине XIV – начале XV веков. Имея в виду этих чувашей, Михайлов пишет: “... Они были у татар в подданстве и жили почти в непроходимых лесах,

выбирая себе по произволу для жительства или готовые чишобы, или сами расчищая для себя вновь понравившиеся им в лесу места. Единственное вооружение их состояло в стрелах, которыми они убивали мелких зверей и своих неприятелей, а дичь ловили петлями. Имели довольно пчел по жительству в лесных местах: мед был у них в изобилии... У жителей лесных хлебопашество было в незначительном виде; не было у них и гумен, а молотили хлеб в поле, как ни попало, который отправляли на продажу не на телегах, как ныне, а навьючив мешки на лошадей..." (26).

"По рассказам здешних чуваш, – пишет Михайлов, – в древние времена были у них особые наездники, называвшиеся торханами, которые, будучи вооружены стрелами, разъезжали верхами, как у русских казаки, нападали на неприятелей и прогоняли их из своих пределов" (30).

Автором зафиксированы предания, правдиво отображающие невыносимо тяжелую жизнь чувашского народа в Казанском ханстве: "О взятии Казани московским царем Иоанном Васильевичем Грозным рассказывают сами чуваша таким образом: цари казанские, у которых они были в подданстве, взымали с них большие налоги; посылаемые от них вельможи для поборов теснили чуваш и будто бы увозили к царям в неволю девиц их. Чуваша, будучи не в состоянии переносить таковых угнетений, решились наконец искать покровительства у московского царя. Он их принял ласково, обещал им покровительство. Потом собрался воевать в Казань, и они, чуваша, при сем случае содействовали войску во взятии этого неприязненного для них царства: указывали воеводам русским дороги и секретно устроенные татарами укрепления" (26).

Интересны сведения о языческих верованиях чувашей (в частности: о культе Валем-хозя), их крещении и степени распространения православия. Говоря о двух этнографических группах чувашей, Михайлов замечает, что "верховые к низовым имеют какое-то особенное уважение и называют их старинными, или коренными, чувашами, так как низовые чуваша и до сих пор костюм свой не переменили, одеваются так же, как будто и в

старину; но верховые переняли манеры у черемис, по обычаю коих одеваются и живут” (25-31).

Эту же статью, несколько переработав, дополнив и назвав “Исторический взгляд на чуваш”, Михайлов в 1853 году направил А.И. Артемьеву. Она сохранилась в рукописи [43]. В ней автор цитирует из статьи крупного востоковеда, археолога и нумизмата П.С. Савельева “Казанские чувашаи” из “Журнала Министерства внутренних дел” (1851, декабрь): “Кто же они, чувашаи, такие? ...В тех местах, где ныне обитают чувашаи, лет тысяча тому [назад] известны были три народа: хазары, болгары и буртасы.* Чувашам, по всей вероятности, принадлежало одно из этих собственных имен. Господин Сбоев полагает, что они буртасы, основываясь главнейше на этимологии этого слова, ибо *буртасы* по-чувашски значит “оседлый” (В.А. Сбоев не прав: слова *буртас* в чувашском языке нет, оно не означает “оседлый”. – В.Д.). *Чуваши*, или *чиваши*, по его мнению, не что иное, как татарский перевод того же слова от *джив* (дом), то есть “домовитый”, “оседлый”. По-чувашски же слово *чиваши* доселе значит “мирный” (чувашское слово *ййваш*, а не *чиваши*, означает “тихий”, “мирный”. – В.Д.). Гипотеза остроумная, но не имеющая силы решения в историческом вопросе!”

В статье “Исторический взгляд на чуваш” С.М. Михайлов пишет: “В “Журнале Министерства внутренних дел” за 1840 год, при описании памятников древностей в Казанской губернии, на 200 странице выказана одна старинная грамота, данная городу

* Буртасы, как народность, известны в письменных источниках с VIII в. Отдельные упоминания о буртасах сохранились в русских источниках до 70-х гг. XVII в. Буртасы занимали территорию Подонья и верхней Оки, занимались земледелием, скотоводством, охотой. Археологи В.В. Гольмстен и А.П. Смирнов, антрополог Б.Н. Вишневецкий отождествляют буртасов с мордвой, историк А.Н. Насонов считает буртасов лишь родственной мордве народностью, археолог А.Г. Алихова сближает их с кавказскими народами, археолог П.Н. Третьяков, историк М.Г. Сафаргалиев и этнолог Б.А. Васильев относят буртасов к тюркам, историк П.Н. Черменский видит в буртасах угров, близких к венграм, филолог И.Г. Добродомов – ассов, оссов (сармато-аланов, позднее – осетин).

Биярску, в которой, между прочим, сказано: “В прошлом 1677 году били челом великому царю мурзы и ясашные татары всего Казанского уезду: в прошлых де годах, до Казанского взятъя, изстари построил басурманский город Булымерский, за Камою рекою, а в нем был царь Балым-хозя, и он де умер; да в то же время был царь татарский Сафаралей, и того де Балымерского царя похоронил и построил над ним палату каменную”. В Козьмодемьянском же уезде в одном лесу на горе существовала у чуваш киреметь, называемая Валим-хозя, имя Булымерского царя, означенного в вышеприведенной грамоте”. С.М. Михайлов склонен считать болгарского царя Валим-хозя чувашским.

В следующей статье – “Сундырская гора”, – появившейся в печати в июле 1852 года, С.М. Михайлов уже обращается к археологической тематике. В ней он дает прекрасное описание и толкование городища времен Казанского ханства при с. Малом Сундыре Козьмодемьянского уезда, сообщает о разгроме “черемисами” в 1524 году русской флотилии Палецкого, направлявшейся на Казань, приводит новые сведения о борьбе русских и горных марийцев против Казанского ханства (32-37). Содержащееся в этой статье утверждение о подчинении мари “русскому владычеству” только после построения Козьмодемьянска не соответствует исторической действительности. Горные марийцы вместе с чувашами мирно, по челобитью, вошли в состав Российского государства в 1551 году, луговые марийцы были присоединены к России в 1552-1557 годах. В этой и других своих статьях, а также в письмах Михайлов, следуя неверно установившейся к тому времени традиции, называет себя финном. Чуваша относятся к тюркской группе алтайской семьи языков и народов. В среду верховых чувашей, особенно сундырских, вошли в некоторой степени ассимилированные чувашами марийцы, относящиеся к финно-угорской группе уральской семьи языков и народов. Эту статью почти полностью цитирует С.М. Шпилевский в своей книге “Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии” (Казань, 1877. С. 531-540). В эту работу Михайлов внес дополнения в опубликованной в том же году

статье “Еще о Сундырской горе”: здесь он еще раз сообщает о разгроме “черемисами” в 1524 году флотилии Палецкого, пишет об аресте и отправке в Москву мятежного марийского сотника Мамич-Бердея, за что царь облегчил горных людей в налогах (43-44).

Вслед за “Сундырской горой” появилась статья “О музыке чуваш”. “Музыка, – пишет автор, – у всех народов и на все времена составляла неотъемлемую принадлежность увеселений и забав, с тою разницею, что каждый народ, более или менее придавая ей оттенки своего народного характера, любил выражать в ней внутреннюю жизнь и тем обнаруживал степень своего нравственного образования” (38). С.М. Михайлов считал, что у чувашей самым древнейшим музыкальным инструментом является пузырь – *шибыр (шăпӑр)*. “... В старину были у них пузыри не с оловянными стволами, как ныне, а с кленовыми и даже с тростниковыми; были они небольшие и играли на них хуже нынешних музыкантов, потому что устроены они были не более как с четырьмя или пятью ладами... Ныне же есть пузырьники, умеющие играть на восьми ладах, и таковые считаются у них первыми пузырьниками” (39). “Пузырник у чуваш – волшебник. Во время свадеб больше всех отличается он, и если музыкант холост, то он совершенный победитель красавиц: ему они все подчинены и покорны... Когда на свадьбе случится два или три музыканта, то они стараются победить друг друга своею игрою и тем заслужить уважение общества” (38). “... Если случится пузырьнику бурлачить на судах, то он и музыку свою берет с собою... для утехи товарищей своих, подобных ему чуваш; а когда бежит судно парусом мимо отеческих пределов музыканта, то он непременно начинает играть на пузыре, взлезши на мачту (райну), и там продолжает утешаться и выражать грусть по родине, пока не минует свою сторону... Чувашские красотки, стоя на высоких горных берегах Волги, провожают ненасытными взорами своего Орфея с тоскою, воображая себе, что он к ним не воротится, что он беден, употребил себя на такую тяжкую работу, пошел в бурлаки” (40-41).

“... А где пир дома без содома, заступают место пузыря гусли, называемые по-чуваши *кюсле*. Здесь, в Козьмодемьянском уезде, отличные делают чувашские гусли, не стыдно их представить и на выставку сельских произведений. Мастера таковые находятся в селе Малом Оринине и дер. Большой Орининой. Делаются ими гусли по заказу и на продажу в 25 и 35 струн, с прекрасною отделкою... Есть гусли самые маленькие в 15 струн... Довольно много из чуваш и хороших игроков на гусях, в особенности из числа грамотных молодцов; они, последние, играют на гусях почти все русские плясовые и хороводные песни и даже вальсы, экосезы и прочие тому подобные штуки. Если игрок хорош да хорошие гусли, право, беспристрастно говоря, музыка не уступает торбану. Носятся слухи, что теперь есть уже в Москве один игрок на этих гусях и получает жалования от хозяина одного заведения до 500 руб. ассигнациями... На гусях много игроков и простых неграмотных чуваш, которые умеют играть русскую “Барыню”, “Не шуми” и “Чижик”, но только они слова коверкают по своему... Умеют играть такие песни и некоторые из девиц чувашских” (41-42). В Козьмодемьянске на русских девичьих вечеринках на гусях играли, пробуждая душу красных девиц, чувашские молодчики. “Кроме гуслей, есть у чуваш и скрипки, и балалайки...” (41). В статье “Чувашские свадьбы” С.М. Михайлов описывает и чувашский “барабан с двумя для битья палочками: это – деревянные лукошки, обтянутые с обоих концов собачью или бараньюю шкурою, дающие весьма резкий звук, как турецкий барабан, но гораздо его меньше; навешивается бечевкою через плечо” (50).

В большом труде “Чувашские свадьбы” (печатание завершено в 1853 г.) с глубоким знанием вопроса прекрасно анализированы свадебные обряды верховых чувашей, их одежда, украшения, пища, средства передвижения. Статья явилась первым обстоятельным описанием свадьбы верховых чувашей (*вирьял*). Она свидетельствует о том, что чувашский свадебный ритуал был выработан веками, проводился публично и являлся значимым обрядом, цементирующим семейные устои и укрепляющим не только семейную, но и общественную

мораль. Как указывает автор, чуваши свадьбы проводили преимущественно после *синзи*, *семика* и Петрова дня перед сенокосом. Синзя продолжалась недели три, пока цвел хлеб. Во время синзи (*сёр сийёнче юлнӑ* “земля беременна”, рожь цветет) не разрешалось рыть для чего-нибудь землю, “ударять по ней палкою или обухом топора”; можно было драть лыки и заниматься лаптеплетением. В течение синзи совершались моления *ой чук* (полевое моление) или *мун чук* (главное моление), когда чуваши починали “свои мартовские пива” и проводили “пир на весь мир”. В семик устраивались народные, в особенности молодежные, гульбища на полях, при лесах или больших дорогах, где “женихи больше выбирают себе невест” (45-46).

Распространено мнение, что у чувашей подготовка к свадьбе начиналась с отбора родителями жениха невестки без взаимного знакомства последних. С.М. Михайлов свидетельствует, что дело происходило не так. “Если холостяк задумает жениться, то он и сам невесту искать не ленится”. Полагалось брать жену из других деревень, “потому что каждый чувашский околодок происходит от одного родоначальника”, в нем люди состояли в близком родстве между собою (“наш околодок Юнгапось, – пишет автор, – в котором считается до 25 дворов, происходит от одного родоначальника Яндуша”). Брачные связи внутри одной деревни могли привести к кровосмешению, вызывающему уродство, слабоумие детей. Жених на семиках-гульбищах уговаривал девушек из своей деревни, преподнося им подарки, завлечь в свою компанию красавицу из дальней деревни, которая ему по нраву. В компании, в беседах и увеселениях, с песнями и плясками, жених изучает красавицу чужедеревенскую, заводит с ней знакомство. Иногда “желающий жениться холостяк высматривает себе невесту тогда, когда он нарочно приедет в дом ее под видом покупки хлеба или чего-нибудь другого... Бывают случаи, что невест находят особые сватуны, занимающиеся этим ремеслом, не из родственников, и даже из других деревень мужчины и женщины” (46-47).

Высмотрев невесту, жених объявляет своим родителям, “что по нраву ему дочь такого-то старика, из такой-то деревни, и просит их сватать ее по его назначению”. Отец жениха, взяв с собой ближайшего родственника и сына-жениха, отправляется на паре или на одной хорошей лошади в дом невесты, прихватив с собой угощение для невестиных домашних. Жених одет в щегольской кафтан, в шляпе и сапогах. Отец невесты, чтобы получить больше калыма, долго торгуется. Дочь его через мать объявляет о согласии или несогласии выйти замуж за сына свата. “Впрочем, чувашки не очень смотрят на несогласие дочерей и выдают их против воли, прельщаясь только калымом”. “Чем богаче невеста, тем более требуется калыма, который бывает до 300 руб. ассигнациями и даже больше, а малый калым от 10 до 50 руб.”. Когда приходят к согласию о калыме, то в доме невесты клали на стол каравай хлеба и ставили соль в солонице, а отец жениха клал на каравай кошелек (*еньчик*) с калымом. Сумма калыма обычно равнялась сумме приданого невесты. Невестин отец, взяв “каравай с калымом и оборотаясь с новым своим сватом к дверям, конечно, на восток, молятся, держа под мышкой шапки и произнося свои слова (чувашские слова передаем в нынешней транскрипции):

Хёрис кёруне, турă, ан пăс! “Дочь с зятем, господи, не порушь!”

Хёрпе кёруне, сын халап хыççăн, турă, ан яр! “Дочь с зятем на людские речи, господи, не попускай!”

Ан вăрçтар, ан янлаттар, турă, вёсене! “Храни в благонравии и мире, господи, их!”

Пёр кавар, пёр шутлă пурăнма, турă, пулăш! “В единой дружбе, в едином согласии жить, господи, помоги!”

Как видим, у чувашей родители жениха и невесты высказывали брачующимся наставления и пожелания высокой нравственности так же, как у всех народов мира разных конфессий.

Пока родители жениха и невесты угощаются, невеста при своих сестрах и подругах в амбаре или клети показывает жениху свое приданое: башмаки, сурбаны и платья, вышитые шелком

разными узорами самой невестой, *шулкеме* (нагрудное украшение из бисера, монет и раковин ужовок) и другие наряды.

После сватовства через три дня жених один, верхом, ехал к невесте с вином и положенными в *такмак* (кожаную суму) гостинцами *чыгыт* (сырник из творога) и *сюю* (лепешка из кислого теста), поит отца и мать невесты, самую невесту; здесь решают, когда быть свадьбе. “Эта поездка жениха называется *кумул сиол*, то есть “приветная дорога” или “приветствие”.

Невеста вместе с сестрами и подругами продолжает шить себе в приданое платья и прочее.

Жених вместе со своими родителями избирал для свадебных церемоний следующие лица в основном из родственников: *той бось* “свадебный голова”; *хыйматлых* “посаженный отец”, также распорядившийся свадьбой; *мун крю (ман кёру)* “старший зять”, “старший дружка”; *мун крю арым* “старшего зятя жена”; *кизинь крю* “младший зять”, “младший дружка”, избирался из холостяков; *плююхсе* “служитель” из молодых мальчиков для присмотра за лошадьми жениховой стороны и других поезжан; “одного или двух пузырников и им в помощь одного или также двух холостых молодцов с бубнами, называемыми барабанами” (50).

В день свадьбы у жениха, также у невесты двор чисто выметался. “... Известно, – пишет автор, – у чуваш дворы обширны и покрыты летом зеленою муравою. Среди двора устраиваются как здесь, так и у невесты, для свадебной церемонии, четвероугольные места из досок, положенных на чурбашках, вышиною в аршин, с обширною в середине площадкою для плясок. Лавки эти, называемые *шилик*, точно такие, как у фигляров (то есть скоморохов, фокусников. – В.Д.) на балаганах для зрителей, и со входом, с одного угла на площадку, на которой ставят два стола с пивом, вином и разными кушаньями, а к одному столу привязывают березку для вешанья подарков” (50-51). Полдружка верхом, с подвязанным на шею лошади колокольчиком, созывает родственников и знакомых жениха в деревне и дочерних околodках на свадьбу. “... Поезжане собираются к жениху в дом верхами и на телегах с кибитками и колокольчиками: на хорошей свадьбе бывает

подвод до 60. Верхами являются больше холостяки, у которых на шею лошадям подвязаны или колокольчики, или бубенчики; сами же они одеваются на свадьбу в красные кумачные или синие пониточные кафтаны (*каптал*), а у кого нет такого парадного кафтана, то остается в простом кафтане; но, само собой разумеется, бывают они тогда все вообще в сапогах и в щегольских шляпах с кистями... В Козьмодемьянском уезде чувашские холостяки одеваются отлично, у них есть даже кафтаны, обшитые сурком или хорьком” (51).

“У женщин наряд весьма примечателен и заслуживает особенного описания. Во-первых, женщина одевает суконный или пониточный синий кафтан (*хыс*) с четверугольным воротником, лежащим назад, шириною в четверть и обшитым по краям разными шелковыми тесьмами или лентами. Подпоясывает она этот *хыс* шелковым вязаным широким поясом с прекрасными наконечниками из золотого или серебряного позумента; у которой же нет подобного кафтана (*хыса*), та надевает на себя *сара* (желтянку), похожую на дамскую визитку или бурнус. Она бывает с рукавами и вышита вся вычурными узорами шелком как по канве. Желтянкой называется этот наряд потому, что узоры его все желтые. Во-вторых, назади к поясу подвешивается *туваткал* “четверугольник” (по случаю его четверугольной формы), вышитый подобно *саре* и покрывающий весь зад. В-третьих, на голову надевается *хошна*, иначе называемая *вал ами*. *Хошна* у низовых чувашских женщин высокая, как бурак, а у здешних – красивая низенькая. Покрывает едва лоб и виски, как широкая лента; шириною она меньше ладони, с простирающимся книзу до поясницы концом, вроде ленты такой же ширины. На голове *хошна* украшена серебряными старинными мелкими монетами, а конец ее назад унизан нынешними монетами, от полтинника до пяточка постепенно; у бедных же в числе монет много находится медных небольших блях с изображением разных всадников на конях. В-четвертых, надевается через плечо вроде солдатской португепи лента, шириною в ладонь, украшенная по краям разными шелехами и корольками, а посредине – старинными серебряными мелкими и крупными монетами до полтинника.

Это называется *ама*, т. е. “женщина”. В-пятых, на шею одевается *теветь* вроде ожерелья, унизанное разными старинными монетами от четвертака до гривенника. Оно бывает только по грудь, как у татарок ворот рубахи, и шириною пальца в два. В-шестых, на груди две большие *шультгамы*, из них первая, верхняя, длиною и шириною в четверть, а нижняя длиною четверти в две, шириною в четверть. Они унизаны в несколько рядов плотно, как будто чешуей, на толстой коже, серебряными старинными мелкими монетами, а по краям – нынешними монетами от пяточка до четвертака, и сверх того нижний край унизан белыми корольками, называемыми иначе змеинными головками. Эти шультгамы у чувашской молодки покрывают всю грудь. В-седьмых, сверх всего описанного наряда накладывают женщины на себя *шобыр* вроде большой шали. Он бывает из холста, кругом с кистями, а по углам с вышивками. Наконец, в-восьмых, в ушах вместо серег на подвесках находятся деньги от четвертака до гривенника и круто согнутые серебряные или под серебро проволоочки, называемые *алга* “серьги”. На ногах толсто наверхены онучи с подвязками наверху и маленькие красивые с небольшими головками лапти (такие лапти называются *шырча пусьла сюбада*, т. е. “с бисерными головками лапти”, хотя бисеру на них вовсе нет), а на кисть одной руки навязывают женщины *сарпан*, вроде полотенца, вместо платка, которым они машут, когда поют песни. На пальцы, само собою разумеется, навздевают множество перстней серебряных и медных с дешевыми камешками, а на поясе рубахи развешиваются по бокам *лаптак*, коротенькие вроде лент украшения с разными узорами, вышитыми шелком и с кистями на концах. Сверх того навязывают на пояс кожаные кошельки с деньгами и разные корольки.

Когда женщина готовится ехать на свадьбу, то серебряные свои украшения все вычистит мелом, чтоб блеснуть в обществе. И, действительно, в таком наряде она производит эффект в своем кругу. У богатой женщины весь наряд стоит более ста рублей серебром...” (52-53).

Одевание жениха происходит в амбаре или клети. “Надевает он хороший кафтан, подпоясывается шелковым кушаком, а

сзади подвязывают ему *туваткал* “четвероугольник”... Наперед надевается фартук *запон*, вышитый на груди разными узорами, равно и по краям, и на конце; запон надевается на шею. На голову жениху надевают красную парадную суконную шапку с сурковым или хорьковым околышем и навязывают на нее бумажный или шелковый красный платок, распутивши один конец; на ноги надеваются сапоги с чулками или онучами; а рубаха на женихе бывает с воротником, унизанным деньгами, гривенниками или пяточками; на руки надевает он черные кожаные перчатки или маленькие рукавички, а в руку берет казацкую нагайку” (54).

Из амбара полдружка три раза ходит с ковшом пива к родителям жениха, “сидящим чинно в избе за столом”, с вопросом: что они пожертвуют своему сыну. “Родители отвечают полдружке, что если-де сын будет добронравен, то они ничего для него не пожалеют, намерены отдать весь дом ему в наследие”. Эти слова родителей полдружка передает жениху, выпивая с ним “по ковшу пива, поднеся друг другу” (54).

Полдружка с женихом выходит во двор, но по велению *той бося* (главы свадьбы) предлагает пузырям и барабанщикам начинать играть. Заиграет оркестр, “поезжане начинают бить в ладоши с присвистом, а полдружка пляшет”, за ним по очереди пляшут два из холостых молодых. Затем все поезжане и жених шумно, с песней, идут в избу к родителям (54).

“В избе для жениха приготовлен особый стол, и за столом на лавке разостлан войлок или кошма *собанчик*. ... Жених трижды переверотит войлок и ударит его тут же три раза нагайкою, чтобы дурное с места его удалилось”. Отец кладет на войлок серебряный рубль. Жених берет его и садится. Полдружка потчует жениха и всех поезжан пивом и вином. “... И когда всех подпойт, надевает на одно плечо лук, навязавши на верхний конец его для красы холста аршин шесть, вложив стрелу в кожаные ножны (по-чувашски *кистень*), которые подвешивает себе на кушак как шпагу”, еще раз пляшет под звуки пузырей и барабанов. За ним пляшут поодиночке двое или трое из парней.

По зову полдружки отправляются к невесте жених, дружка, жена его (сваха), полдружка, пузырник и прочие поезжане:

холостые верхами, другие мужчины, из женщин все – на телегах с кибитками. “... На иной телеге сидит иногда человек до 10-ти и более. “*Той бось* (глава свадьбы) повесит через плечо четыре *такмака* (кожаные сумки) с гостинцами, то есть сырниками (*чигыт*) и печеными на масле лепешками (*сюгю*), а дружка – два токмака с такими же гостинцами. Женщины в своих нарядах едут стоя, держась за кибитки” (55).

За воротами деревни жениха *той бось* останавливает поезд и удостоверяется, все ли выехали, командует снять шапки мужчинам и молиться Богу. “При молении *той бось*, держа под мышкою шапку свою, говорит: “Господи, помилуй, господи, не оставь, господи, помоги нам, не введи в стыд или в посмеяние”. По дороге женщины поют песни, выражая мысли: невесту непременно увезем, была бы она хороша, угодлива свекру и свекрови, жила бы с мужем в согласии, не ленива бы была, а работающая, не вертлявая, с нами вежливая, во всем добропорядочная. А мужчины подпевали им: “Эй-ре-ре-рай... ой-ра-ра!”

В невестину деревню свадебный поезд жениха заезжал шумно, исполняя песни (до ста голосов), игрой на пузырях, боем в барабаны, звоном колокольчиков. Едущая впереди группа парней-всадников была похожа на военный отряд. “развевающийся у жениха на шапке красный платок представляет вид какого-то шлема, а с женихом скачет полдружка с луком через плечо, и на конце лука развевается навязанный белый холст, как знамя или флаг”. Парни-всадники хотят “показать свою удаль молодецкую и удивить красавку”, которая заранее приготовилась к встрече поезда и вместе со всеми жителями невестинной деревни вышла на улицу смотреть свадебный поезд. Примечательно данное Спиридоном Михайловичем описание праздничного наряда чувашских девушек: “Здесь девицы чувашские – красотки и весьма грациозны. Они головы свои моют горячею водою пополам с квашенным молоком, называемым *ойран*, и стараются, чтобы волосы у них блестели как можно ярче... Одеваются весьма опрятно: рубаха белая как снег, грудь и ворот вышиты разными узорами, а последний унизан белыми раковинами, бисером и

мелкими серебряными деньгами; через плечо узоры наподобие лент с серебряными или поддельными позументами, на шее на цепочках оловянные кресты и разноцветные ленты; на груди одна большая шульгама, как и у женщин, напереды белый фартук (*запон*) с вышивками на конце, под плечи подпоясано шелковым вязаным поясом, а по самой пояснице – тесьмяным, на котором висит множество корольков, кистей и непременно маленький кошелечек (*еньчик*) с деньгами и медная гребеночка, сделанная коньком; на конце косы черная кисточка с медными трубочками, называемая и у девок, и у баб *хоря*, т. е. “хвостик” (56-57).

Родители невесты приготовились к свадьбе: сварили два-три барана в больших котлах, запаслись пивом и вином, устроили *шилик* во дворе. Жениха и поезжан встречает *вий* (игра) *киль* (дом) *бось* (глава) – “глава домовеселья”. Въезжая во двор невесты, женихов *той бось*, дружка и полдружка вместе с женихом объезжают верхами три раза по солнцу кругом *шилика*, после чего невестин *той бось* предлагает жениху слезть с коня, и “дружка с полдружкой чинно принимают его с лошади. Лошадей передают под присмотр *плюлюкси* “смотрителя”. Родственник невесты подает жениху ковш пива и, когда он выпьет, говорит ему: *Лар вырна* “Садись на место”. Когда жених войдет в *шилик*, переворачивает разостланный на скамейке войлок, три раза ударяет по нему нагайкою, а невестины родители кладут на войлок рубль. Жених берет рубль, садится на свое место за особый стол вместе с дружкой и свахой. На стол жениха поставлены целый каравай хлеба, масляные лепешки *сюгю*, яичница, приготовленная на молоке, другое молочное кушанье (их смысл: “дабы жених наслаждался как сыр в масле”). За другим столом садятся на подушки *сидар* свадебные главы *той бось* с жениховой и невестиной сторон. У них на столе – пиво, вино и все гостинцы, привезенные в такмаках жениховыми свадебным главой и дружкой. К их столу привязана березка, на вершине которой развеивается, вроде флага, белый *сарпан*. К свадебным главам присоединяются отец и мать невесты, потчуют сидящих за столами. Здесь “все поезжане и стекшийся из соседственных околодков обоего пола

народ, окруживши *ШИЛИК*, где сидят жених и свадебные головы, сильно шумят и гайкают, поют песни, бьют в барабаны, пузырники наперерыв играют в пузыри, и холостяки, в новых своих рукавицах, бьют в ладоши, причем поочередно все пляшут, кроме жениха и голов свадебных *ТОЙ БОСЬ*, начиная от дружки и до последнего человека. В народе стоит и большая толпа девиц, пришедших из окольных деревень для смотра свадьбы и себе женихов. Холостяки, по окончании своих танцев, берут девиц поодиночке за руки и влекут в середину шилика плясать... Тут девице подают ковшик пива. Таким образом холостяки перебирают поочередно всех девиц, сколько бы их ни было". Женщины, приехавшие с женихом, поют на дворе песни, восхваляя жениха и утверждая, что невестку увезут в свою деревню (57-58, 61-62).

С прибытием жениха в амбаре или клети начинали "убирать невесту подруги ее, называемые *ХИР СИОМ*, то есть "помощницы". Эти девицы одеваются сами как можно чище и для отличия от прочих надевают через плечо *АМА*, наряд вроде широкой ленты, унизанный мелкими монетами и разными шелехами, которые побрякивают во время ходьбы". На невесту надевали *ХЫС*, через плечо *АМА*. Тем временем невестин *ВЫЙ КИЛЬ БОСЬ* ходит три раза с ковшом пива к родителям ее в шилик и "спрашивает каждый раз, что они дарят дочери в приданое? Родители скромно отвечают ему, что если она будет хороша, то дадим и лошадь, и корову, и овец, и всего, что ни пожелает дочь". *ВЫЙ КИЛЬ БОСЬ* сообщает невесте волю родителей, поздравляет ее и предлагает выпить ковш пива. "Когда невеста выпьет, то подружки накрывают ее длинным белым покрывалом *ПЮРГЕНЧИК*, с вышивками на углах и по краям, но невеста три раза отмахивает от себя покрывало, не желая быть под ним; наконец, она с печальным видом опускает покрывало на свою голову". Пузырник начинает играть, сначала пляшет *ВЫЙ КИЛЬ БОСЬ*, а за ним поодиночке две подруги невестины. Затем невесту под покрывалом ведут в избу, где для нее поставлена перина за занавесом, приготовлен стол с закусками (*СЮГЮ*, *ЧИГЫТ* и пр.), пивом и вином. "... Невеста садится на перину *ТЮЖЕК*, отдернув несколько занавес

чадыр. Рядом с нею садится замужняя сестра ее или другая родственница и учит, как выть, повывши сама раза с три. Выть по-чувашки говорится *хюхь*, а воет – *хюхлять*”. Невеста встает и начинает “привывать родные поля, леса, воды, колыбель своего младенчества, воспитание родителей, благодеяния их, свои труды, далее горькую разлуку с родиной и родными, будущую участь в кругу потомков другого родоначальника... Невеста, продолжая выть, обнимает каждого из подходящих к ней поочередно, начиная с родителей и прочих родных, всех однодеревенских с нею мужиков, женщин, девиц и даже ребятишек, причитая каждому из них приличные слова, и плачет во весь голос неутешно. Она при том подносит подошедшему ковшик *корга* пива, в который тот кладет ей грош или пятак, а другие кладут по гривеннику, четвертаку и даже по полтиннику, смотря по достатку. Деньги сии называются *хюхь окси* “вытн ле деньги”... Церемония эта продолжается несколько часов, пока не увезут невесту к жениху”. При плаче невесты многие присутствующие не могли удержаться, чтобы не заплакать. В ходе этой церемонии, вперемежку с плачем невесты, ее подружки *хир сиом* в избе исполняли песни, восхваляя невесту и деревенских девиц и “обличая” жениха и парней из его деревни, плясали (58-61).

Как подойдет время, в избу заходит группа поезжан с музыкой и песнями, и невеста вместе с посаженным отцом жениха *хыйматлых* выходит во двор. Служитель жениха *шюлюхся* подает две или три пары лошадей с повозками, в которые подружки невесты укладывают приданое, сложенное и запертое в одной или двух кадах *шобашка чиряс*, перину *тюжск* и подушки *сидар*. “Подушки у чуваш длинные как мешки, весьма удобные для выючения на лошадь, что, самое вероятное, и делали в старину” (при кочевом быте. – В.Д.). *Хыйматлых* дает подружкам невесты за труды деньги. Невеста возвращается с плачем в избу. Служитель *шюлюхся* подводит к крыльцу оседланную лошадь, приведенную от жениха. *Хыйматлых*, войдя в избу, вежливо, за руки выводит невесту в шилик к сидящим свадебным главам *той бось* и жениху, и она раздаст прощальные дары родителям своим, родственникам,

пузырникам. Потом в сопровождении пузырников она возвращается в избу, “где со всеми прощается, обнимая почти каждого и горько рыдая при звуках пузырей, в которые музыканты невестины нарочно играют тогда заунывно и протяжно, а со стороны родственников ее вопль и плач происходят в избе неописанные...” (63-64).

“Во время такой печальной церемонии жених поднимается с своего места со всеми своими поезжанами и садится на подведенную служителем *пюлюхся* лошадь свою, точно грозный богатырь, также садятся на лошадей дружка и полдружка...”. Они объезжают по солнцу трижды кругом *шилика*, и когда объедут, полдружка пускает на восток стрелу, за которой бросаются ребяташки. Мальчик, нашедший стрелу, приносит ее к женихову голове свадьбы, который, подержав стрелу, возвращает ее мальчику, спросив, далеко ли она упала. “Если стрела упала далеко, то значит невеста долго проживет, а если близко, то, по чувашскому суеверию, недолго”. Родственники жениха кладут свадебному голове в зго четыре суммы *такмак* лепешки *сюгю* и сырники *чигыт*, “чтобы у невесты хлеб и соль не переводились, и она жила бы счастливо с мужем своим”. Свадебный голова прощается с невестиними родителями и свадебным ее головою *той бось*, выезжает с женихом и со всем поездом со двора на улицу (64-65).

Хыйматлых, не выезжая со двора, идет за невестой в избу, а жених с поездом дожидается невесты за воротами. “Невеста с горькими рыданиями наконец выводится *хыйматлыхом* из избы и сажается под покрывалом на поданную служителем *пюлюхся* лошадь верхом”. *Хыйматлых*, сидящий тоже верхом, выводит невесту со двора. “... И как только она выедет, жених ударяет ее три раза по спине нагайкою, для того, чтобы она забыла девичью волю, чтобы удалилось от нее все дурное и чтоб она привыкла к чужой стороне”. До полевых ворот поезд провожают родители невесты и все деревенские жители. “Посаженный отец *хыйматлых*, держа повод невестиной лошади, едет с нею рядом, а по другую сторону едет жена дружки сваха”. Поезд возвращается в деревню жениха шумно – с песнями и музыкой. В доме жениха невесту принимает с лошади *хыйматлых* на

разостланную во дворе кошму *собанчик* или войлок *кизе*, куда родители жениха положили деньги. “Невеста наступает на деньги и берет их себе”. Поезд обычно возвращается с невестой к вечеру. “... Запирают невесту спать в клеть с золовками или другими родственницами жениха”. Утром невеста в том же наряде, жених, *хыйматлых*, дружка с женой, другие родственники отправляются в приходскую церковь на венчание. После венчания, по приезде в дом жениха, сваха снимает покрывало с новобрачной и “голову у нее убирает по-женски сарпаном и масмаком, в уши вдевает проволочные серьги *алга* и наряжает сверх того молодую в *хошпу*” (женский парадный головной убор) (65-66).

Свадебный пир продолжается в доме жениха еще два дня. С.М. Михайлов описывает еще семь церемоний продолжения свадьбы и четыре визита новобрачных с родителями в дом родителей невесты (66-67).

Содержание описания свадьбы свидетельствует о том, что идейный смысл и ритуал чувашской свадьбы сложились более чем за тысячу лет, еще со времен кочевого быта предков нашего народа. В ритуале сохранилось немало элементов кочевого быта (чувашский сыр, лепешки, пуск стрелы, невеста на коне и пр.). Свадебный ритуал чувашей был очень сложным, нравственно и идейно значимым, духовно насыщенным, воспитывающим. В те времена разводов среди чувашей не наблюдалось.

Все другие этнографические труды С.М. Михайлов писал так же обстоятельно, как статью “Чувашские свадьбы”.

В течение первой половины 1853 года “Казанские губернские ведомости” печатали замечательный труд С.М. Михайлова “**Краткое этнографическое описание чуваш**”. В том же году он вошел в изданную в Казани книгу С.М. Михайлова “Чувашские разговоры и сказки”. В нем глубоко исследованы хозяйство, материальная и духовная культура чувашского народа.

Указывая, что о расположении чувашских селений и о домашних их строениях достаточно сказано В.А. Сбоевым, Михайлов в разделе “Ж и л и щ а” отмечает, что у чувашей после избы и жилищ необходимым в их быту строением является

пивоварня *лабас* – род навеса между житницами, глухого со всех сторон. Здесь пивоваренный котел *сыра хорань*, повешенный на крючьях *секле*, которые привязаны к перекладине *калита*. Здесь же отверстие в погреб *нюхребь*. “Летом чуваша живут не в избах, а в лачугах *лась*”, в избах пекут только хлеб *сюкур*, но у некоторых и в лачугах есть печь *кумага*, где также пекут и жарят, а избы не топят до холодов. В простой лачуге посередине очаг *вочаг*, над ним устроен железный крюк для вешания котла для приготовления пищи *яшки* (супа) и *салмы*, кругом лачуги лавки *сак*, стулья *поган* или чурбашки деревянные, к одному углу, ближе к двери, поставлен стол *стель*, а к задней стене устроена перегородка *чулан*, где хранятся хлебные чашки *тирыс*, деревянные блюда *чашка*, в лычной плетушке *сюбала*, ложки *кажик*, сковороды *сятма*, разные для квашения молока кадушки *чиряс*, в числе которых есть длинная кадь *ойран сюпси*, в которой пахтают масло длинною палкою с приделанным на конце кружком с дырами, как у насосов. Лачуга устроена из бревен без мха и без пола (вместо него земля уколочена), покрыта драньем или деревянною корою *хол*, с отверстием для выхода дыма *тюдюм*, дверь с деревянным замком *сюрасси*. “Жизнь лачужная, – пишет С.М. Михайлов, – походит с некоторой стороны на кочевую” (70-72).

В разделе же “Жилища” автор замечает: “По вечерам долго горит в лачуге огонь, и чуваша в свободное время любят сидеть у огня на чурбашках с трубкою в зубах *чилиим*, рассказывая друг другу разные повести, как-то: кто что видел во время бурлачества на Волге; что слышал в городе, на мирской сходке; что делал в лесу, на базаре, кого там видел, с кем говорил, что продал, что купил и т. п., а красноречивые сказывают иногда сказочки... У богатых разговор касается, само собою, более торговли и прибылей, ожидаемых от нее. У сих последних и очаги опрятны, чисто выметены, посуда в лучшем виде и в одном углу киот с образами *личехри тора...*” (72).

В разделе “Пища” автор указывает, что “едят чуваша в день три раза...: завтрак *ирьги абат*, обед *кундурги абат*, ужин *касьхи абат*”. “Любимое кушанье чуваш – *яшка*,

приправленная сквашенным молоком *ойран* и даже сметаной *хыйма*". Яшку варят из говядины, накрошенной капусты, нарезанного комочками ячневого теста *салма* или ячневых же лепешек *сюмах*. О пище сказано и в других разделах.

Интересен раздел "Рождение и воспитание детей". Рожают чувашки при пособии бабок *карчик*. Дитя завергивают в пеленки *пельче*, посыпавши мелко истолченной древесной гнилушкой *сюрю*, укладывают его в небольшой лубочек *вастаче*, чтобы у младенца ноги и руки были прямые. Лубочек с верхней стороны. "Зыбки *сыпка* у чуваш вовсе не походят на русские. Они у них делаются круглые, из лубков, в поларшина". Дно переплетено веревочками, на что кладется солома, на нее старая рубаха. Сюда кладут зашнурованного ребенка. Зыбка качается. "Мать питает свое дитя сначала грудью, а не соскою, как у русских". Через несколько месяцев начинает кормить его хлебной жевкою пополам с молоком или яйцами. Как прорежутся у ребенка зубы, его сажают кушать за общий стол, он ест суп *яшку*, сыр *чигыт* и яйца; хлеб со сливочным маслом *услам сю*, сыр в топленом масле *сив сю*. Отцы привозят часто маленьким детям с базара калачи, богатые и пряники (73-75). Ребенка моют часто, в ночвах *тагана*.

Когда дети начинают выходить на двор, шьют им суконные кафтаны *сухман* и обувают в лапти *сюбада*, с онучками *тыла*. Девочкам, кроме кафтанов, шьют еще балахончики *шобыр*. В семействе, в котором нет девочек прях, мальчики от 7 до 10 лет помогают матери пряхь *арлама*. "Где же есть кому пряхь, там мальчики и девочки от 7 до 10 лет более играют на дворе. на улице, катаются зимою на салазках" весь светлый день, не мерзнут в одних кафтанишках или худеньком полушубке. "Весною ребятишки находятся почти постоянно на дворе, около журчащих ключиков, на которых ставят мельницы и тому подобные игрушки". Они же весною выпускают из берез сок и пьют. И взрослые собирают сок и хранят его до весеннего сева. В летнюю рабочую пору малолетние дети остаются домовничать *киль пыхма*, резвятся, поют песни, как на свадьбах, играют в дудочки; занимаются и дельным: дают корм проходящим с реки утятам и гусятам, собирают роняемые гусями и курами перья

тлюкь для продажи закупщикам, под вечер встречают стадо и загоняют скотину во двор (75-76).

“Маленькие девочки у чуваш делают куклы для игры не из тканей или материй каких-либо, а из разноцветных листьев... Куклы... занимают во время игры места женихов, невест и свадебных персон...” (82).

В разделе “Занятия вообще” автор отмечает, что “от 10 лет мальчики у чуваш начинают плести лапти и боронить, а 14 и 15 лет выезжают и пахать... Зимой таковые мальчики ездят за дровами в лес, ходят за скотиною... почти исправляют всю домашнюю работу... некоторые ходят ловить зайцев тенетами, гнут на продажу дуги, делают салазки, а лет 18 считаются у них совершенными работниками” (76). Многие из живущих близ больших дорог служат ямщиками, близ Волги – рыбачат, бедные уходят в бурлаки. Чуваша – мастера делать телеги, сани и гусли. “Девки лет 12 помогают матери в рукоделии, вышивают... а с 15 лет начинают и ткать холсты... собирают снить *сэрде* и борщ *балдран*... шьют рубахи и прочее белье для домашних и для приданого” (76-77).

В статье подробно охарактеризованы основные занятия чувашей – земледелие, земледельческие орудия, виды хлебов, уборка хлеба и сена, овощеводство, животноводство, уход за скотом и птицами, пчеловодство, охота. Автор считает земледельческую культуру чувашей высокоразвитой.

В разделе “Платье” С.М. Михайлов указывает, что в старину костюм у чувашей был “более с вышивками, а у женщин головные уборы были такие, какие ныне у низовых чуваш Цивильского и Чебоксарского уездов. Девы на голове носили остроконечные *тохьи*, унизанные бисером и мелкими серебряными деньгами, с подвязкою под шею, как у солдатских киверов. Здешние чуваша в последствие времени переняли костюм от черемис, но однако ж у иных и поныне хранятся старинные наряды, такие, какие употребляются у низовых чуваш. Жившие в лесах носили еще на поясе в кожаном чехле нож, а девы и теперь носят здесь на поясе гребни, сделанные коньком. Старинные девы *тохьи* ведут к такому заключению, что они охраняли их головы во время брани, как рыцарские

шлемы, и, может быть, *тохьи* эти были металлические, да и свадебный наряд у чувашских женщин более походит на воинственный костюм, в особенности так называемая ими *сара*, то есть “желтянка”, вроде длинного корсета” (86).

О постелях чувашей С.М. Михайлов пишет: “Спят чувашаи в летнее время в разных местах: либо в амбарушках, либо в лачугах, или где-нибудь под навесом на сене, а девки вообще спят в амбарушках на перинах *тюшек* с длинными, как мешок, подушками *сидар*, приготовленными в приданое. Молодые мужчины спят с женами тоже на перинах, а прочие на войлоках *кисе*, кошмах *сабылчык* или на разостланных кафтанах *сухман*. Бедные чувашаи спят и на голых досках, потому что у другого во всем доме бывает один только кафтан. Грудные дети спят с матерями, а прочие девицы с сестрами, а мальчики с братьями; случается, что иные спят где ни попало, в особенности в рабочую пору, в которую некогда присматривать за ними” (78).

Раздел “Праздники и увеселения” начинается с описания празднования рождества: “В рождество или перед рождеством дня за два холостые и девицы, собравшись в одно место, вместе с ребятишками обоего пола ходят вечером по домам с гуслиями и пузырями, и в каждом доме, в который придут, кричат *сорых оры* (то есть “овечья нога”, потому что в это время ягнятся овцы) и кидают по горсти орехов, а за неимением их дубовые желуди *иггель* или горох... домохозяева, принявши гостей, угощают их пивом и пирогами с полбяною крупую... некоторые из холостых или из девиц пропляшут под звуки гуслей или пузыря...” (80). Надо заметить, что в старину чувашский зимний праздник в пору, когда ягнятся овцы, назывался *сурях ырри* “овечье божество” или “овечий дух”. По времени языческий праздник совпадал с православным рождеством.

“Масленица по-чувашски называется *сю арьи*, то есть “масляная неделя”: тогда у здешних чуваш происходит так же, как и у русских, катанье *катать чобас*. Холостые и девицы разъезжают тогда на саях с колокольчиками по остальным деревням, заезжают к своим родственникам и пьют пиво, потому что тогда у всех чуваш пир на весь мир. Ребятишки катаются с

гор на салазках *сьонаска*". Девицы, собирая с каждого дома хлеб и солод, варят пиво и устраивают, приглашая парней, в одном из домов *хирь сыры* "девичий пир", где пьют пиво, пляшут под звуки гуслей. "Стол на масленице у чуваш заключается, как и везде, в блинах *иггерч* и яйцах *сюмарда*" (80).

Как в рождество, так и на масленице чувашаи "ездят с женами к своим родственникам в гости с пивом в бочонке, а другие и без пива, но непременно жена берет с собою гостинцев *костяначь* (*кучченеç* – В.Д.): испеченных на сковороде на масле из кислого теста больших лепешек *сюгтю* и сырников круглых из творога *чиггыт*... Все эти гостинцы чувашская женщина... укладывает в кожаную сумку *такмак*, похожую на русскую кису... Хозяева тотчас расстилают на лавке войлок и сажают гостей на оный, но женщины редко садятся на войлок, а более сидят на больших нарах *тюбельди сак*, то есть на "передней лавке". Первоначально гостей угощают своим пивом, а на другой день поутру починают привезенное ими пиво. При этом случае, взявши по ковшу пива и обратившись на восток к двери, молятся, произнося: *Тора сирлах, тора анбрах, тора перегеть бар, чиберь поррынма польши*, то есть "Господи, помилуй, господи, не оставь, господи, избыток дай, хорошенько жить помоги"... В продолжении питья, как будто у англичан, беспрестанно поздравляют друг друга сими словами: *таву сана*, то есть "за здоровье твое", и тот, которого поздравили, должен выпить... В тот дом, в котором происходит пир, стекаются по зову и без зова все соседи, иные с лянгусом пива, и сильно пьют; когда же довольно наберутся хмельного, начинают запевать песни... чувашаи воспевают при том иногда родителей своих, либо друзей, либо отличных лошадей и даже несчастные свои приключения, произнося разные трогательные выражения, отчего многие из женщин плачут... Во время пирушки в избе играют на гуслях, под звуки которых мужчины и женщины поочередно пляшут, а сидящие бьют в ладоши как на свадьбах; у богатых чуваш во время пира бывает довольно и вина, а у иных и сладкая водка из питейного дома, с которою варят они пиво в медных котлах, вместо чаю, подслащивая медом. Этим

напитком, по-чувашки *пылла сыра* “медовое пиво”, а по-русски *взварец*, угощают почетнейших гостей и ближайших родственников” (81-82). К пиру готовили, особенно богатые, лучшую пищу: вроде супа гусятину, курятину, баранину или говядину вроде русских щей, пироги *коккыль* с гусятиной и курятиной, каравайцы *хоплю*, колбасу *ширдан* из баранины, который подавали гостям, накрошивши, и кусками сыра *чиггыт* и разогревши в масле на сковороде (82).

В разделе “Игры” автор рассказывает о девичьих посиделках *олах*, где девицы “прядут *арлать*, распевая песни, а молодцы плетут лапти, вьют веревки, другие же курят трубки да играют на гусях”. Поработав, принимаются играть в лычки *ложытла* (раздают концы лычков девушкам и парням, и если концы лычков сходятся, парень и девушка должны целовать друг друга), в жмурки (один или одна с завязанными глазами ходит с кушаком *лизихи*, хлеща по всем сторонам, и если ударит кого-нибудь, то тот занимает место ходящего с кушаком), в перетягивание палок (играют парни). Парни, нарядившись чудовищем или пугалою, пугают ребятшек. Парни же представляли девицам разные фокусы (78-79).

Летом молодежь выходила на хороводы. В летние ночи мальчишки и девки, пасущие конские табуны, пели песни, как на свадьбах, и плясали под звуки маленького пузыря (79-80).

В разделе “О прятность” С.М. Михайлов сообщает, что чуваша стараются соблюдать в избах и посуде чистоту. “Многие избы строят по-русски и по плану с изданных Министерством государственных имуществ проектов об устройстве казенных строений. Бань у верховых, то есть козьмодемьянских, чуваш весьма мало, а более они летом купаются в речках *сирма*... зимою... при перемене белья моют голову в избе горячею водою из ночвов *тагана*” (83).

“Известно, – пишет автор, – что чуваша живут хуже татар, имеющих свою грамоту; но я не знаю, как прежде живали сами татары: лучше ли, хуже ли нынешних чуваш, у которых, по их выражению, грамоту съела корова? Впрочем, скажу по справедливости, что татары, когда еще Казань не была взята, брали у чуваш себе жен, то есть женились на их девицах и даже

селились к ним” (83). В последней трети XX века наукой выяснено, что во второй половине XIV – начале XV веков Болгарская земля, охватывавшая территорию нынешних Самарской, Ульяновской, северо-восточной части Пензенской, закамской и юго-западной частей Татарстана, юго-восточной части Чувашской Республики, была полностью опустошена, 32 города и около двух тысяч болгаро-чувашских поселений были снесены с лица земли грабительскими походами золотоордынских ханов и эмиров, Тамерлана в 1391 и 1395 годах, русских князей, новгородских ушкуйников, главным образом, правителя Мангытского юрта князя Едигея в 1391-1419 годах. Вся эта территория была превращена в дикое поле – кочевья ногайцев. Болгарская (древнечувашская) народность, сформировавшаяся в XII веке, лишилась почти всей своей элиты, горожан и преобладающей численности сельского населения. Оставшиеся в живых болгаро-чуваши перебежали в Приказанье, Заказанье (в Чувашскую, Ногайскую, Арскую и другие даруги), на р. Чепцу в среду марийского и удмуртского населения, в центральные и северные районы территории нынешней Чувашии, где ранее были расположены редкие селения горных марийцев. На всей этой территории татар до 1438 года не было. В том году на эту территорию вторглось 40–50-тысячное войско бывшего золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда и образовало Казанское ханство. В дальнейшем сюда прибывали большие группы татар из Сарая, Астрахани, Азова, Крыма, Ногайской Орды. Сама татарская народность, имеющая славную историю, сформировалась в Золотой Орде в XIV – начале XV века путем объединения тюркоязычных татар, известных в Тюркском каганате с 552 года и прибывших в Восточную Европу в 1236 году вместе с войсками хана Бату, и западных кыпчаков (половцев), вторгшихся на Нижнее Поволжье, Северный Кавказ и в причерноморские степи, Приднестровье в середине XI века. Почти 40% “худых болгар” – чувашей, сохранившихся от опустошения Болгарской земли, оказались в левобережной части Казанского ханства. Здесь их обращали в мусульман. В их селения подселяли татарских музр и служилых татар (казаков).

В XV–XVI веках многие левобережные чувашы были отатарены. В XVII веке часть левобережных чувашей переселилась в Закамье и сохранила этническую идентичность. Это было известно и С.М. Михайлову.

В последнем разделе “Краткого этнографического описания чуваш” С.М. Михайлов рассматривает вопрос о происхождении чувашей, пользуясь преданиями и теми доступными ему в то время историческими сведениями. Вначале он приводит известные ему данные о правителях Волжской Болгарии, тарханах, черных и серебряных болгарях, взаимоотношениях чувашей с татарами, указывает, что чувашы делятся на низовых и верховых (*вирьял*), что слово чуваш происходит не от *юваш*, т. е. “мирный”, как говорит В.А. Сбоев, а “от главного их родоначальника” Чуваша, “ибо у них в старину довольно было подобных имен, как-то: Тумаш, Бурнаш, Кубас, Чураш, Кудаш, Кожваш, Шербаш, Байраш, Буртас, Абац, Шумшваш, Штанаш, Орбаш, Моргаш, Олгац” (87-89). Указывая на сведения о брачных связях между татарами и чувашами, марийцами и чувашами, С.М. Михайлов пишет: “При строгом исследовании найдется в Казанской губернии довольно татар, происшедших из чуваш, и, наоборот, сих последних, происшедших от татар, а также и черемис, смешавшихся с чувашами, потому что они друг у друга брали дочерей в замужество, но, по принятии крещения, чувашы стали татарами пренебрегать” (90). Это высказывание имеет отношение преимущественно к XVI–XVIII векам. В конце раздела С.М. Михайлов пишет: “Я могу лишь предположительно сказать, что чувашы происходят от разных племен, так же, как и все народы царства Болгарского: конечно, в них есть и болгары, и финны, и монголы, но отличились они уже после падения древнего царства Болгарского от грозящей орды монголов, падения, сопровождавшегося кровопролитием; тогда они стали самыми беднейшими жителями, утратив первоначальное свое могущество, так что, наконец, стали чуваш дразнить “*чуваш юваш*”, то есть “чувашы робкие” (91). Как видим, С.М. Михайлов основными предками чувашей считал болгар. О происхождении чувашей он высказывается и в других статьях.

К рассматриваемой статье приложены тексты четырех песен на чувашском языке и перевод их на русский язык, 34 пословицы и приметы на чувашском и русском языках.

В “Чувашских разговорах и сказках” труд “Краткое этнографическое описание чуваш” занимает первую половину книги – 40 страниц. Вторую половину книги, имеющую отдельную пагинацию (1-63 с.), составляют: 1) Разговор анатры, т. е. низового чувашина, с вирьялем, т. е. верховым чувashiном; 2) Сборы на Балдран-базар; 3) Старик Павел Фролов рассказывает молодому своему свату приключения, случившиеся с его отцом в 1769 году; 4) Рассказ дедушки Фрола о Пугачеве; 5) Рассказ дедушки Ивана о жизни в прошлом и происхождении названия вирьяль; 6) Выговор Матрены дочери Ольге за отлучку к пузырнику; 7) Чувашские сказки; 8) Загадки чувашские; 9) Чувашские прибаутки. Эти записи будут нами рассмотрены в главе “Художественные очерки, рассказы, фольклорные записи”.

И.Н. Березин высоко оценил этнографический очерк С.М. Михайлова: “Чувашский быт, которым занимается первая половина книги, описывается автором очень рельефно... Очень любопытна глава о происхождении чуваш... Вопрос, поднимаемый господином Михайловым, очень занимателен: он получает еще более интереса, когда мы прибавим, что в сохранившихся болгарских надписях является при употреблении слова “сын” вместо обычной тюркской формы *угул* или *огул* странная форма *ул*, которую можно читать и *ивыл*, а по-чувашски “сын” говорится *увыл*” [44].

В своих этнографических трудах о чувашах С.М. Михайлов старался глубже осветить те вопросы, которые были обойдены в книгах А.А. Фукс и В.А. Сбоева. В отличие от многих своих предшественников, распространявших этнографические сведения, полученные лишь в одной местности, на весь чувашский парод, Михайлов всегда указывал, что он пишет о верховых чувашах.

Еще в начале 1852 года, ознакомившись с опубликованной в “Казанских губернских ведомостях” программой статистического описания уездов, С.М. Михайлов задумал сам

составить такое же описание своего уезда. Его “**Статистическое описание Козьмодемьянского уезда за 1852 год**” (97-126) печаталось в упомянутой газете в течение всей второй половины 1853 года. Продолжение его труда, в виде особой статьи “**Статистические очерки Козьмодемьянского уезда**” (149-157), опубликовано в той же газете в следующем году.

В первой статье указывается, что, согласно плану Генерального межевания 1793-1804 годов, площадь Козьмодемьянского уезда составляет 465721 десятина, в том числе городской земли заселенной, незаселенной и выгонной – 1936 десятин, принадлежащей к Троицкому посаду – 1937 десятин, неудобной 16503 десятины (в одной десятине 11197,44 кв. м).

Волга протекала через уезд протяженностью 58 верст (в версте 1066,8 м). По ней ежегодно проходило в оба пути (вниз и вверх по реке) несколько тысяч машинных, или коноводных, судов, шитиков, кладнушек и разных лодок, нагруженных хлебом и различными товарами. С 1820 года по Волге начали ходить пароходы (97-98, 374).

С левой стороны в Волгу впадает Ветлуга. “В апреле и мае месяцах по Ветлуге сплавляются разного рода плоты, беляны, барки, полубарки и еще небольшое количество обрубков и гусянок. На барках и полубарках доставляются отсюда вверх по Волге до города Рыбинска и Нижнего Новгорода рогожи, лубье, кулье и тому подобные изделия; вниз же по Волге до низовых ее пристаней: деготь, смола, осиновая зола, лубья, рогожи, сторожки, уголья, дрова, лучина, корье и прочее” (98, 374).

По Суре “в последних числах апреля и в продолжение мая месяца сплавляются разные ходовые суда, нагруженные жизненными припасами, спиртом, полугарным вином, салом и корабельным лесом” (98).

Внутри уезда текут менее замечательные реки: *Рутка* в левобережье, при самом устье Рутки находятся лесопильная и мукомольная мельницы Евсевьевых; *Кундыш* выходит из Яранского уезда Вятской губернии, протекает по Чесбоксарскому уезду, по ней иногда сплавляются леса,

заготавливаемые на Луговой стороне; на *Арде* “находится лесопильная штатная мельница козьмодемьянской купчихи Свешниковой и несколько мукомольных однопоставных мельниц других содержателей”; по реке *Парат* построены четырех- и шестипоставные мукомольные мельницы; *Большая Юнга* на горной стороне, на ней двух- и трехпоставные мельницы; *Унга* начинается близ села Киняр, владает в реку Цивиль. “Река Унга, изобилуя массою воды, имеет много мельниц, по близости же хлебородных земель при мельницах этих производится закуп” (98-99). Кроме перечисленных рек, в уезде насчитывается 57 речек, до 180 ручейков, 61 озеро (большие: Ахмылово, Жидовинец, Криуша, Долгое). На луговой стороне много болот, покрытых мхом, болота есть и на горной стороне. В статье дана физико-географическая характеристика рек, озер и болот. Автор замечает, что “обитающие близ этих болот черемисы луговые употребляют воду из них в пищу, и едва ли не это служит причиною их малого роста, глазных болезней, шейных наростов, так часто у них случающихся... колодцев устроено очень немного... В нагорной стороне весьма ощутителен недостаток в воде в чувашских деревнях Изанбаевой, Янымовой и Яргейкиной Татаркасинской волости, в которых никаких речек нет, а довольствуются жители водою из дурно устроенных колодцев, совершенно не удовлетворяющих жизненной потребности, так что в летние жары вычерпывается вода до грязи; но чуваша об устройстве хороших колодцев, по беспечности своей, мало думают” (100).

Характеризуя местоположение уезда, автор указывает, что на луговой стороне поверхность плоская, покрыта лесами хвойной породы, только в просеках леса встречается несколько марийских селений, “раскиданных друг от друга на расстоянии от 15 до 60 верст”. На горной стороне поверхность прорезана во многих местах речками, большими оврагами. Произрастает дуб и черноельсье, имеются кустарники орешника.

Почва на луговой стороне “большею частию сливной супесок; в западной части горной стороны суглинок, а в юго-восточной – неглубокий чернозем”, который в теплые дни скоро

сохнет, а при изобильных дождях не позволяет полеглим хлебным растениям дозревать. На болотах – солончаки, где пасется скот. По берегам Волги и Суры – значительные луга. “Между оврагами при реках и в особенности на правом берегу Волги находится значительное количество известкового и бутового камня” (101).

Уезд, “защищаемый горами и лесами, имеет климат умеренный. Снега выпадают до двух аршин (ок. 144 см. – В.Д.), весной они сходят медленно, осень дождлива и несколько туманна... весна не всегда благоприятствует произрастанию хлебов и трав. Месяц май нередко бывает холоден; в это время дуют наиболее северо-восточные ветры; ночные морозы часто повреждают хлебные и огородные растения и цвет садовых деревьев”. Дожди бывают наиболее в июне и июле, во время сенокоса, нередко при уборке ржаного хлеба; сухая и теплая погода не продолжительна – начинается на исходе июля. Еще до уборки овса начинаются дожди и росы, которые портят его. В середине сентября начинаются осенние морозы. Сильные морозы с середины декабря до февраля. В марте в полдень тепло доходит до $+4-5^{\circ}$, но ночью $-10-12^{\circ}$. Иногда сильные морозы бывают и в марте. Неурожайными были 1833, 1834, 1835, 1841 и 1842 годы.

Автор очень подробно характеризует времена года. Описывая зиму, указывает, что в 1844 и 1852 годах после морозов в ноябре были оттепели. “В нагорной части уезда в половине мая сады бывают уже в полном цвете, а рожь в начале июля месяца”. Летом сенокосы начинаются около 2 июля, рожь поспевают в начале августа, а яровой хлеб в половине и начале сентября... около этого же времени созревают яблоки и снимаются с деревьев, вырывается картофель, свекла и другие овощи. Чуваши и марийцы капусту и огурцы возделывают недостаточно. Осень начинается с сентября. Иногда (например, в 1852 году) снег выпал, когда не были убраны яровые хлеба (102-104).

В разделе “Воздушные явления” автор сообщает о природных явлениях и стихийных бедствиях. 3 сентября 1807 года “в 8 часу пополудни ощущаемо здесь было

землетрясение, имевшее направление от севера на юго-запад и продолжавшееся 2½ секунды так сильно, что поколебало в Волге воду и выбросило на берег несколько небольших судов, но вреда не причинило. 30 сентября 1835 года “в 7 часов пополудни показалась Галлеева комета, которая видима была только ночью в продолжение трех суток”. 16 июля 1851 года “видимо было... солнечное затмение”. “Воздушные явления”: ночью на 8 февраля 1828 года шел крупный дождь, сопровождаемый грозой; в сентябре 1830 года с запада на север промчался ураган, вырывая из земли сосновые и дубовые деревья; ночью 6 января 1834 года и 17 апреля 1836 года после полуден шел сильный дождь с громом и молнией; в середине августа 1836 года “ночью видно было северное сияние, имевшее вид огненных столбов, беспрестанно движущихся”; в апреле 1847 года были сильные грозы с молнией, в июле была буря с градом, которым в домах выбило окна и опустошило огородные овощи; 9 и 12 июня 1852 года были “сильные бури с крупным градом от лесного до грецкого ореха, которыми вырвало в нагорной стороне уезда дубовые деревья” и побило у крестьян Кожваш-Сигачкинской, Большеюнгинской, Козьмодемьянской и Первопихтулинской волостей огородные овощи и в полях “озимого и ярового хлеба на 1616,5 десятинах, от чего крестьяне понесли убытки на 17940 руб. 90,5 коп. У них же сорвало бурей и раскидало со многих домов крыши”. Сильные грозы и от них пожары в лесах, гибель людей случались часто, “а истребление градом хлебов бывает почти ежегодно”. В течение 8 лет в уезде выбито градом: в 1845 году озимого хлеба на 468 десятинах; в 1846 году озимого 1100, ярового 115 и огородных овощей 60 десятин; в 1847 году озимого до 787, ярового до 493 десятин; в 1848 году озимого до 40, ярового до 96 десятин; в 1849 году озимого до 408, ярового до 555 десятин; в 1850 году разного хлеба и конопли до 585,5 десятины; в 1851 году разного хлеба до 894 десятин; об ущербе в 1852 году сказано выше (104-105).

В разделе “Естественные произведения” автор выделяет ряд подразделов. Под заголовком “Царство ископаемых” он указывает, что в уезде “в изобилии только находится глина, годная для кирпича, и по берегу реки Волги

камни для жжения извести и бутовый. При селе Покровском-Пихтулине в овраге находят тяжелые камни, содержащие, по-видимому, свинец” (105).

“Царство растений”. Уезд изобилует лесами, которые разделяются на два лесничества. 1-е на луговой стороне, где леса занимают 276513 десятин 1508 кв. сажен, в том числе корабельных роц морского ведомства 4642 десятины 1334 кв. сажени, казенных 128186 десятин 683 кв. сажени, крестьянских и заказных роц 143684 десятины 1891 кв. сажень. Во 2-м лесничестве на горной стороне лесов 56187 десятин, в том числе выделенных для флота корабельных роц 13689 десятин 2360 кв. сажен, казенных 2455 десятин 2368 кв. сажен, крестьянских 40041 десятина 104 кв. сажени, помещичьих по планам Генерального межевания 2067 десятин 1755 кв. сажен. На горной стороне произрастает дуб, ясень, клен, вяз, осина, береза, липа; на луговой в местах песчаных: сосна, ель, пихта и изредка лиственница, а по влажным местам: ольха, ветла, калина и жимолость. На обеих сторонах встречается орешник, яблоня, рябина и черемуха, из кустарников: розовый шиповник, смородина, малина, ежевика и др. Дуб заготавливается в большом количестве к портам Архангельскому и Петербургскому. Заволжские мачтовые сосны также доставляются к Петербургскому порту для флота. “Леса эти обыкновенно вырубаются осенью, зимою же вывозятся конными лашманами. Для складки и вывоза леса учреждены в уезде три казенные пристани: 1) составляющие одну – две пристани при селе Ахмылове; 2) при дер. Шешкарах; 3) Красноселищенская при реке Суре. Вырубаемый на луговой стороне за попенные деньги лес сплавляется Волгою в Казань и другие низовые города до Астрахани (105-107).

Среди дикорастущих трав есть лекарственные: тысячелистник, лапушник, цикорий, одуванчик, буковица, зверобой, донник, душица, чабер, дикая заря, чернобильник, чемерица и др. На лугах растет клубника, в лесах – земляника. Есть болотные и кормовые травы (107).

Садовые растения. На горной стороне жители, в особенности марийцы, разводят яблони, вишни, сливы, красную

малину, белую, красную и черную смородину, отчасти крыжовник, из лекарственных растений – мяту и ромашку. Всего в уезде 1250 садов, в них 10000 яблонь, деревьев вишневых 8000, грушевых 100, сливных 500, кустов смородины 1300, кустов крыжовника 100. Яблоки закупаются жителями Яранского уезда, распродают на базарах в городе и уезде (107-108).

Огородные растения: морковь, свекла, картофель, капуста, горох, бобы, редька, огурцы, тыква, мак, подсолнух и др. Огородов в уезде 10100, огородных гряд засеваются: капусты 40000, свеклы 1000, огурцов 5000, бобов 500, моркови 3500; картофеля 5000 четвертей, репы 300 четвертей (в четверти – 1200 кв. сажен) (108).

Полевые растения: озимая рожь, овес, ячмень, полба, пшеница, овес, горох, репа, лен и конопля. Пшеницу больше сеют русские и марийцы, чувашаи – мало. “Гречи, по причине неудобной земли, вовсе не засеваются”. “Картофель здесь сажается в огородах, и до него большие охотники чувашаи. У них довольно разводится картофеля, для чего есть у многих обширные огороды в селениях, в особенности у больше-семейных и неленивых. Русские крестьяне прежде считали за грех употреблять в пищу картофель, но ныне и они, постепенно, начинают его сажать в огородах... Табаку и кормовых трав не разводится” (108-109). Надо заметить, что в связи с восстаниями чувашских и марийских крестьян в 1842 году против реформы П.Д. Киселева, введения параллельного аппарата управления ими за их же счет, отбирания у них участков земель под общественные запашки на запасной хлеб и картофель якобы на случай неурожая для хранения в казенных магазинах (чув. *макасей*) или в ямах при них, царское правительство и чиновники клеветнически назвали восстания картофельными бунтами, намекая, что повстанцы выступали против распространения правительством среди них разведения картофеля. Утверждение С.М. Михайлова о том, что чувашаи начали разводить картофель раньше русских крестьян, опровергает клеветнические вымыслы. Один из нынешних журналистов в выходящей в Чебоксарах бульварной газете в 1998 или 1999 году повторил наглуго ложь, опубликовав статью

о восстании чувашских крестьян в 1842 году якобы против разведения картофеля.

В подразделе “Царство животных” сказано, что в уезде “водятся медведи, волки, олени, лисицы, зайцы, куницы, белки, норки, выдры, горностаи, выхухоли, рыси, сурки, барсуки”. Великое множество крыс и мышей наносит большой вред хлебу на корню, в скирдах и амбарах, портит луга. Волки истребляют овец и свиней. Луговые марийцы ловят оленей, зайцев и белок для употребления в пищу, но волков и медведей ловят редко (109).

В подразделе “Птицы” С.М. Михайлов отмечает уменьшение количества как зимующих, так и перелетных птиц. В уезде тетерева, рябчики, куропатки, перепелки, коростели, вороны, сороки, ястребы, соколы, совы, дятлы, голуби, галки, синицы, воробьи, подорожники и др. Весною прилетают беркуты, коршуны, грачи, жаворонки, щуры, соловьи, чижи, щеглы, зяблики, малиновки, коноплянки, пеночки, крапивники, иволги, дрозды, скворцы, кукушки и др. Встречаются озерные и болотные птицы: небольшие чайки, утки разных родов, гагары, лысухи, водяные курицы, пигалицы, горлицы, бекасы, дупеля, вальдшнепы. Пролетают гуси, лебеди, журавли, цапли, кулики разных родов (109-110).

Насекомые в уезде: пчелы, осы, шмели, оводы, стрекозы, бабочки разных пород, мухи обыкновенные и испанские, жуки, пауки, комары, мошки, блохи, тараканы, муравьи. На луговой стороне летом так много комаров, слепней и мошек, что марийцы защищаются от них надеваемыми на голову холщовыми тюриками (сороками), а лицо у них от укушения комаров и мошек распухает до того, что едва видны глаза. Они находят также спасение от комаров в непрерывном курении. От слепней страдает и их скот. Зеленые и темноватые черви иногда съедают листья дуба и ветлы, всходы яровых хлебов, листья капусты, смородины и других растений (110).

Из пресмыкающихся водятся ужи и змеи, ящерицы разных цветов. Есть лягушки многих пород (111).

Рыбы. В Волге, Суре и Ветлуге водятся стерляди, осетры, белуги, белая рыба, сомы, судаки, щуки, налимы, окуни,

ерши, голавли, язи, сорожки, лещи, подлещики, в мелких реках – караси, пескари, гольцы. Рыб ловят посредством неводов, волокушек, жаков, вантелей, бредней, плетеными из прутьев вандами. “В озерах и болотах ловятся караси, лещи, лини, шуки и многих родов мелкая рыба. Для первых ставятся нереды, ботальные сети и жаки, а последняя ловится бреднями и другими снастями”. Главными рыбаками считаются жители села Ильинской пустыни и горные марийцы. “Рыбы против прошлых лет в реке Волге гораздо уменьшилось, по отзывам рыбаков, будто бы от пароходов, шумно и часто проходящих по Волге” (111).

В разделе “Основание города и учреждение уезда” С.М. Михайлов выясняет, что Козьмодемьянск основан в 1583 году воеводой князем И.С. Турениным для подавления “бунта... в земле луговых черемис”. 4 апреля 1583 года Иван Грозный “послал... на Волгу в плавных к[нязя] Ивана Самсоновича Туренина, Дм. Андр. Замыцкого, к[нязя] Ив. Андр. Солнцева-Засекина... и они шед в Козьмодемьянском острог поставили”. Действительно, в Козьмодемьянске был сооружен не срубчатый кремль, а острог (тын). По преданию, Иван IV, возвращаясь из Казани в Москву, 1 ноября 1552 года, в день святых бессребреников Космы и Дамиана, имел ночлег на месте будущего города и распорядился основать город. Автор указывает, что в Козьмодемьянске в церкви Богоявления господня есть икона Божией матери, приобретенная козьмодемьянскими стрельцами в 1580 году. В документе о возведении острога в 1583 году говорится: “В Козьмодемьянском острог поставили”. Автор полагает, что острог поставили на месте существовавшего поселения (111-113).

В разделе “Город Козьмодемьянск” вначале сообщается о его достопримечательностях: 1) в нагорной части старинное земляное укрепление, оставшееся от острога; 2) обширная каменная часовня, построенная козьмодемьянскими стрельцами в 1697 году; 3) курган в трех верстах западнее города; здесь, по преданию, был “главный сторожевой маяк для наблюдения за движениями неприязненных горных черемис” (114-116).

С.М. Михайлов пишет: “Самый город Козьмодемьянск... чувашаи именуют *Чикме холы*. *Чик* значит “граница”, а *хола* – “город”. Следовательно, по выражению чуваш, Козьмодемьянск есть пограничный город или крепость”. К сожалению, значение слова *чикме* автор объяснил неверно. “Граница” по-чувашски – *чикё*. Слово *чикме* – диалектный вариант слова *тёкме* “тын”, “частокол”. В словаре Н.А. Ашмарина есть слова *тёкмек* “тын” и *чикмек* “столб частокольный”, “столбы для загородки” (*Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1941. Вып. XV. С. 26*). Можно считать также, что *тёкме* (*тёкмек*) и *чикме* (*чикмек*) – не варианты одного слова, а два самостоятельных слова: первые от глагола *тёк* “прикасаться” (следовательно, *тёкме* (*тёкмек*) – “впритык, вплотную поставленные столбы”), а второе от глагола *чик* “всадить”, “вставить”, “воткнуть”, “вонзить” (*чикме* (*чикмек*) – “всаженные столбы”).

Нагорная часть города, находившаяся вне острога, называлась Загородною слободою. “Строение города прежде состояло из сплошных почти, малых деревянных домов, крытых драницами; многие из них были с одними волоковыми окошками и даже с деревянными трубами... в Загородной слободе и доньше есть несколько старинных домов, которым, полагают жители, около ста лет”. В 1775 году в Козьмодемьянске считалось 464 двора. Город подвергался неоднократным пожарам. Пожары были в 1758 году, в начале XIX века, в 1833 году, когда в нижней части города сгорело 418 домов. В 1835 году был утвержден царем план застройки города. “Улицы получили надлежащую ширину и вытянулись в прямые линии”. В середине XIX века город разделялся на 24 квартала, в нем три площади, всех улиц 19, переулков 21. Внутри острога находились две деревянные церкви, одна из которых была снесена, вторая сгорела в 1767 году. В 1853 году в городе действовало пять каменных церквей: 1) Соборная (построена в 1733 году); 2) Богоявленская (построена в 1736 году); 3) Успенская; 4) Вознесенская (строилась в 1750 и 1779 годах); 5) Во имя Тихвинской Божией матери (построена в 1827 году тщанием прихожан); часовен три. Всех домов граждан 800, в числе которых 10 каменных, остальные – деревянные. Казенных зданий 7, из них каменных три: тюремный

замок, уездное казначейство, винный магазин; деревянные: дом духовного правления, провиантский магазин, пороховой погреб, амбар уездного училища. Городским обществом выстроены: градская больница на каменном фундаменте, на 15 человек, дом для хранения пожарных инструментов, три полицейские будки, два торговых корпуса с 55 номерами лавок. На Торговой площади устроены весы с амбаром и 24 ярмарочные лавки. Присутственные места (то есть государственные учреждения), почтовая контора, уездное училище помещались в частных домах по найму. Трактиров 1, водочных магазинов с харчевой (столовой) 1, питейных домов 4, штофных лавочек 1, ренских погребов с винами 1, кирпичных заводов 5, ветряных мукомольных мельниц частных 2 (117-120).

В 1853 году в Козьмодемьянске числились: 2201 мужчина, 2373 женщины, всего 4574 человека, в том числе:

Сословия	мужчин	женщин	всего
дворян потомственных	18	20	38
дворян личных	21	24	45
разночинцев	13	9	22
священнослужителей (служащих: протоиерей 1, священников 5, дьяконов 3)	23	20	43
церковнослужителей (служащих 7)	16	17	33
отставных солдат, их жен и семейств солдаток, коих мужья находятся на службе, и их дочерей	-	21	21
кантонистов* на воспитании у родителей и родственников	38	-	38

* Кантонисты – солдатские сыновья, числившиеся со дня рождения за военным ведомством. В 1721 году для подготовки солдатских детей к военной службе были созданы гарнизонные школы, которые в 1798 году были переименованы в военно-сиротские отделения. Их воспитанники с 1805 года назывались кантонистами. Впоследствии школы кантонистов были причислены к ведомству военных поселений, где все мальчики с 7 до 18 лет считались кантонистами. С 1836 года их небольшая часть обучалась в школах, готовивших унтер-офицеров для кавалерии, артиллерии и инженерных войск. Основная масса кантонистов зачислялась в солдаты. Категория кантонистов упразднена в 1856 году (Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 6. Стб. 966.).

Сословия	мужчин	женщин	всего
бессрочноотпускных нижних чинов внутренней стражи в инвалидной и этапной командах	5	-	5
купцов 3-й гильдии	125	-	125
мещан	36	47	83
крестьян государственных	747	849	1596
крестьян помещичьих дворовых людей	1118	1324	2442
	7	8	15
	10	14	24

В городе размещена инвалидная команда, составляющая внутреннюю стражу: обер-офицер 1, унтер-офицеров 7, барабанщик 1, рядовых 110, нестроевых 2, на казенном содержании 4, всего 125 (120).

В городе числятся ремесленников: серебряников 2, столяров 5, сапожников 10, портных 7, медник-оловянщик 1, слесарь 1, кузнецов 15, каменщиков 6, штукатуров 9, печников 19, плотников 32, бондарей 6 (в том числе помещичьих дворовых людей 6, крестьян казенных 15, удельных 1, солдат 2, прочие все мещане) (120).

Городские угодья, приносящие доход, составляют: пахотной земли 874 десятины, сенокосной 1026 десятин, под усадьбами и выгонами 221 десятина, под лесами владения мещан и государственных крестьян 6789 десятин, под реками, дорогами и болотами 1064 десятины, всего 3863 десятины. Рыбные ловли по реке Волге и по озерам (121).

“Градская сумма (то есть бюджет. – В.Д.) составляется с оброчных статей, с весов и мер, с купеческих капиталов, с трактирного заведения, с питейного откупа, с городских и ярмарочных торговых лавок, за протест векселей, заемных писем и прочих актов, что со всех сих предметов составляет 2362 руб. 54 коп. серебром. Почти вся сия сумма расходуется, по составляемой ежегодно и утверждаемой господином начальником губернии смете, на содержание магистрата, думы, сиротского и словесного судов, городнического правления, градской больницы, пожарных инструментов, тюремного замка, мостов, будок, на починку дорог в городских дачах, поправки городских и ярмарочных лавок, заведение образцовых клейм, гирь и другие непредвиденные расходы” (121).

В году проводились две Никольские ярмарки: с 1 по 15 мая и с 1 по 11 декабря. Базар бывает один раз в неделю по воскресеньям. Капитал купцов и мещан, обращающийся в торговле, простирается до 150000 руб. серебром (121-122).

В разделе “Народонаселение” (113-114) С.М. Михайлов указывает, что в 1853 году в уезде и городе числилось 37529 мужчин, 40373 женщины, всего 77902 человека, в том числе:

Сословия	мужчин	женщин	всего
дворян потомственных	20	23	43
дворян личных	23	25	48
разночинцев	13	9	22
священнослужителей и семейств их	164	218	382
церковнослужителей и семейств их	164	247	411
отставных солдат, их жен и семейств	449	530	979
солдаток, коих мужья находятся на службе, и их дочерей	-	683	683
кантонистов на воспитании у родителей и родственников	302	-	302
бессрочноотпускных нижних чинов внутренней стражи в инвалидной и этапной командах	367	-	367
казаков при земской полиции	171	-	171
купцов 3-й гильдии	8	-	8
мещан	37	47	84
крестьян государственных	1533	1806	3339
в т. ч. русских	33949	36474	70423
марийцев	2695	3176	5871
чуваш	13654	15414	29068
крестьян помещичьих	17245	18239	35484
дворовых людей	319	297	616
	10	14	24

В Козьмодемьянском уезде, не считая городских, 19 церквей, из них 18 каменных, 1 деревянная (126).

Еженедельных базаров в уезде семь: в Троицком посаде, Еласах, Малом Сундыре, в выселке Сундырке, в дачах дер. Хоракасов на открытом поле, в селах Ишаки и Пихтулино (126).

“Мельниц мукомольных водяных, казне принадлежащих, 37, обывательских 201, владельческих лесопильных 2... ветряных 16, а всего 256. На лесопильных мельницах распиливается лесу в

год до 2300 бревен, на сумму 1500 руб. серебром. Существует один поташный завод в сельце Сурском в имении помещика Макулина, на котором вырабатывается поташу 1200 пудов в год, на сумму до 1500 руб. серебром” (126).

Главных почтовых трактов в уезде было четыре: Московский (61 верста), Вятский (67 верст), Ядринский (25¼ версты), Козьмодемьянский, выходящий на Московский тракт (18¾ версты) (126).

В особом разделе даны сведения о замечательных местечках и селениях уезда. Первый из них – Троицкий посад, расположенный в 7 верстах от Козьмодемьянска. Население – русское. В нем в 1853 году проживало 810 мужчин, 977 женщин, всего 1787 человек, которые распределялись по сословиям: дворяне личные – 4, священно- и церковнослужители и их семейства – 15, купец – 1, мещан – 1743, отставных солдат и их семейств – 9, кантонистов на воспитании у родственников – 10, солдаток и их дочерей – 5. В 1831 году в посаде была учреждена ратуша. В нем каменная церковь была построена в 1763 году; деревянных домов жителей – 288, под ратушей – один; один питейный дом, одна торговая лавка, в неделю один раз собирался базар, где продавались съестные припасы. В числе жителей в “прежние годы... было немало купцов, занимавшихся судопромышленностью; но в настоящее время здешние мещане едва в состоянии уплачивать казенные повинности. Теперь числится здесь по 3-й гильдии один только купец, занимающийся торговлею в Кяхте на значительный капитал. Посадские мещане ничем не отличаются от простых крестьян: немногие из них занимаются торговлей коренной астраханской рыбой и мясом, а прочие все вообще уходят по весне в судовую волжскую работу, которою и содержат себя, по малоземельности. Причиною упадка посадских жителей были частые пожары... (следует добавить: резкое сокращение судопромышленности в связи с развитием пароходства. – В.Д.). Училища в посаде нет” (123-125, 375-377).

Русское казенное село Покровское, Большая Юнга тож, которое отделялось от Троицкого посада одним только устьем

реки Большой Юнги, впадающей в Волгу, находилось в лучшем, чем посад, положении. Каменная церковь была построена вместо деревянной в 1814 году на средства прихожан. С.М. Михайлов полагает, что оно основано одновременно с Козьмодемьянском, в конце XVI века, и являлось первоначально вотчиной епископов суздальских, затем нижегородских. В 1764 году жители стали экономическими, в конце XVIII века – государственными крестьянами. По 9-й ревизии 1850-1851 годов в селе в 157 дворах числилось 393 мужчины и 540 женщин, всего 933. Люди здесь жили зажиточно. У них земли усадебной 68 десятин, пахотной 1074, сенокосной 150, лесной 43 десятины 1480 кв. сажен, неудобной 79, всего 1414 десятин 1480 кв. сажен. На каждую душу обоего пола приходилось 1,5 десятины. “Главнейшее занятие здешних жителей состоит, кроме хлебопашества, в судовой промышленности и постройке судов и разных лодок... Судохозяев 45 человек, которые все вообще получают годового дохода приблизительно от 15000 до 22000 руб. Сверх того, 12 человек занимаются здесь мелочною судопромышленностью на кладнушках и паромах, которые получают чистого дохода от 30 до 100 руб. серебром на человека. 50 человек, считая плотников, занимающихся постройкою судов, кладнушек и разных лодок”. Покровская ярмарка открыта в 1825 году, проводилась с 1 по 5 октября. Для нее устроено 4 деревянных корпуса с 120 лавками. Торговцы съезжались, кроме козьмодемьянских, из Казанской, Нижегородской, Костромской и Вятской губерний. “Предмет торговли составляют суконные, шелковые и бумажные материи, сахар, чай, фрукты, посуда фарфоровая, глиняная, хрустальная, стеклянная и деревянная, железные, москательные и разные мелочные товары, всего привозом на сумму от 53000 до 83000 руб. серебром; продается от 6000 до 10000 руб. серебром. Сбор с лавок простирается до 400 руб. серебром, и сумма эта поступает в пользу церкви, по согласию самих жителей” (125, 377-378).

К числу замечательных относились также русские села Спасское и Ильинское. Чувашское село Ишаки, Байзарино тож, – пишет С.М. Михайлов, – является замечательным

“каменную церковь, построенную еще в 1754 году усердием чебоксарского купца Микулина. Здесь, 9 мая, в день Святителя Николая, бывает ежегодно большое стечение богомольцев не только из Козьмодемьянского и прочих уездов Казанской губернии, но из губерний смежных” (125-126).

Продолжение данной статьи было опубликовано в “Казанских губернских ведомостях” в 1854 году (№ 40, 41) под названием “**Статистические очерки Козьмодемьянского уезда**”. Здесь автор рассматривает ряд вопросов.

Судоходство и сплав леса производятся по реке Волге в продолжение всего лета до самых заморозков. Всех судопромышленников в уезде до 50 человек, у них судов – расшивов и барок – до 80, мелких судов, кладнушек и паромов – 50, всего – до 130. На этих судах “преимущественно берутся поставки с разных пристаней волжской системы до Нижнего Новгорода и Рыбинска. Средним числом остается от судопромышленности чистого дохода от 10 до 15 тысяч руб. серебром в лето... Леса сплавляются из Козьмодемьянского уезда в Казань, Самару, Саратов и Астрахань”. В 1853 году отправлено с пристаней: Козьмодемьянской 10 судов с 141 судорабочим на общую ценность груза 12382,4 руб.; Коротенской 11 судов – 17 рабочих – 3113 руб.; Руткинской 7 судов – 115 рабочих – 4713 руб.; Покровской 2 судна – 11 рабочих – 995 руб.; Ильминской 2 судна – 60 рабочих – 5454,9 руб.; Сосуникинской 1 судно – 4 рабочих – 300 руб.; Великовской 1 судно – 3 рабочих – 12 руб.; Шешкарской 1 судно – 4 рабочих – 2700 руб.; Кинярской 1 судно – 8 рабочих – 235,85 руб.; по реке Рутке отправлено 3 судна, 5 плотов с 128 судорабочими на общую ценность груза 5843,5 руб. Всего отправлено 39 судов, 5 плотов с 491 судорабочим на общую ценность груза 35749 руб. 65 коп. Груз состоял из хлебных запасов, лесных изделий, холста, шерсти и разных звериных шкур (154).

Сельскохозяйственное производство. Главнейшее занятие жителей уезда – хлебопашество, “но в селениях приволжских, не имеющих достаточного количества удобной земли, судопромышленность и бурлачество преобладают перед

земледелием” (у последних земледелием занимаются одни женщины или временно нанятые работники, а часть бурлаков возвращается к рабочей поре домой). В заволжской стороне уезда, у луговых марийцев, хлебопашество “тоже в незначительном виде, потому что пространные леса и болотистые места требуют особенно деятельной обработки для превращения их в поля пахотные. Оттого здесь у большей части жителей недостает хлеба на годовое продовольствие, и они содержат себя более звероловством, птицеловством и лесными работами”. Высеваётся по уезду хлеба озимого до 43500, ярового до 55000 четвертей (в четверти – 8 пудов). “Родится хлеб средним числом сам-четверт. Сена накашивается ... по уезду от 60 до 70 тысяч копен ежегодно. Чистая ежегодная прибыль простирается до 7 руб. серебром с десятины (155).

Пчеловодством занимается 222 человека; ульев – 1360. Пуд меда и воска – от 4 до 6 руб. серебром. Значительных садов в уезде до 250, снимается яблок от 2000 до 3000 пудовок. Яблоки продаются на сумму от 1000 до 1500 руб. серебром. Чуваши и марийцы разводят при домах своих хмельники, которых насчитывается 1328 огородов. Хмелю собирается до 1600 пудов в год и, за употреблением на домашние потребности, продается на сумму от 200 до 300 руб. серебром (4-5 коп. за фунт) (155-156).

В городе и уезде лошадей 25155, рогатого скота 14504, овец 35028, свиней 7506, коз 3751. Для хлебопашества употребляются одни только лошади в количестве до 24000 голов. Сох и борон насчитывается до 26000 штук (156).

В разделе “Промыслы, общие уездному населению” автор рассматривает бурлачество, заготовку леса, звероловство и птицеловство. По выдаваемым местными управлениями письменным на отлучки видам уходили в судовую работу по Волге 4-5 тысяч человек, в том числе в лоцманы 33, в водоливы 40 человек. Бурлакам, работавшим на собственной пище, платили от 10 до 35 руб. серебром в один конец. У них “задаточными при найме деньгами покрывается взнос податей и повинностей за первую половину года, а остаток издерживается бурлаками на продовольствие во время пути”. А

заработка у них не оставалось. Многие жители уезда занимались “по найму городских и других промышленников заготовкою и вывозкою к пристаням бревен, брусьев, пятериковых дров и разных жердей. Так как наем бывает всегда с осени, то работы эти служат поселянам лучшим средством в уплате податей и повинностей за вторую половину года”. И здесь работали только на уплату податей. Звероловством и птицеводством преимущественно занимались луговые марийцы, они били медведей, оленей, куниц, белок и зайцев, из птиц рябчиков, тетеревов и уток (156-157).

По вопросу “Степень образованности” он указывает, что по 9-й ревизии 1850-1851 годов в Козьмодемьянском уезде числится 73846 душ, из них грамотных людей считается в городе 480, в посаде и селениях 290, всего 770 (1 грамотный на 100 человек). В Козьмодемьянске в уездном и приходском училищах обучалось 105 (42 и 63) учащихся, в том числе из дворян потомственных 3, дворян личных 8, духовенства 8, разночинцев 2, солдат 9, купечества 3, мещан 34, крестьян государственных 26, крестьян помещичьих 3, девочек 9. В уезде в 7 сельских приходских училищах для государственных крестьян обучалось мальчиков 187, девочек 11, всего 198. Итого в городе и уезде обучалось 303 учащихся: один на 260 человек населения (149-150).

В разделе “Развлечения местных жителей” автор указывает, что “у городских жителей, в особенности зажиточных, проявляется роскошь: у них в домах мебель и прочая утварь содержится в лучшем виде; в платье и пище становятся они разборчивы, пьют ежедневно чай... Кушанья подают затейливые, например: вместо прежних каравайцев и пирогов – пастеты, разные холодные и жаркие, равно и пирожные, в новом вкусе”. Молодые употребляют табак в сигарах, папиросах. Знакомые с цивилизацией избегают питейные дома, “а в старину козьмодемьянские ямщики (ныне государственные крестьяне) прогуливали в одном питейном доме в год до 900 руб. серебром” (150).

“У горожан здешних в большом употреблении простые ручные гусли, называемые неправильно чувашскими. Свадьбы и

другие пиры не обходятся без сего инструмента... У других есть скрипки и гитары, из коих иногда составляются порядочные оркестры. У сельских жителей музыка заключается в тех же гусях, но с прибавлением ручных гармоний, заменивших прежние балалайки. У инородцев (чуваши и черемис), кроме гуслей и гармоний, в большом употреблении старинные пузыри *шибыр*". Дополняя сказанное в статье "О музыке чуваш", автор отмечает, что в прежние времена у чувашей употреблялись еще длинные дудки, называемые *ной*, и огромные пузыри из телячьих шкур с стволами особенного устройства, называемые *сурме*, которые у низовых чувашей употреблялись и в середине XIX века (150-151).

Чуваши и марийцы, указывает С.М. Михайлов, постепенно сближаются с обычаями русских, "становятся тоже прихотливыми: из них некоторые торговцы имеют самовары и, в числе опрятной мебели, стенные часы". Горные марийцы стали употреблять пищу почти русскую, отличие только в старинной салме, похожей на татарскую. Чувашская салма несколько грубее, чем марийская: не из пшеничной муки, "потому что они [пшеницу] не сеют, а заменяют ячменем и полбою, в достаточном количестве засеваемыми".

Ссылаясь на книгу И.Н. Березина "Путешествие по Дагестану и Закавказью" (Казань, 1850), С.М. Михайлов указывает, что некоторые чувашские кушанья похожи названиями на те восточные блюда, какие водятся у дагестанских жителей (*шурба* – *шурбе*, *плоу* – *хаплу*, *куки* – *кокыль*, *нимру* – *нимирь*, *гуймак* – *хыймаллу* (сдобные тонкие лепешки вроде блинов, печенные на сковороде в масле). "Есть еще у чуваш *сюмах* – ячные небольшие круглые лепешки, варимые в *яшке* с *салмою*, которые они едят, поддевая деревянными спичками, как дагестанцы деревянными же вилками едят *хингал*, то есть тесто, рассученное скалкой, разрезанное на четверугольные кусочки и сваренное в бараньем бульоне". Общеизвестны чувашские сырники *чыгыт* и вид колбасы *ширдан* (151-152).

Далее рассматриваются вопросы об увеселениях у русских горожан и сельских жителей, чувашей и марийцев в разные

времена года. У горожан хороводы исчезали. Вместо них у девиц появились вечерки, или вечеринки, на которые стекались парни с гусями, скрипками и гитарами. Вместе веселились: пели, плясали. На святках и в сентябре “во время рубления капусты городская молодежь устраивала “капустки”, или “капустники”. В уездных городах святочные вечеринки заменяли маскарады: сюда стекались замаскированные, или наряженные, молодые люди. “Девыцы, подражая обыкновениям высшего сословия, не бывают уже так застенчивы, как в прошлые времена”. На светских вечеринках резвое веселье городской молодежи, “освобожденной от бывшего затворничества”, становилось обычной нормой. У зажиточных подобные игрища проводились и в именины дочерей. “Сии последние собрания, продолжаясь до глубокой ночи, заключаются наконец затейливым столом. Вообще можно сказать, что подобного рода увеселения в тихих уездных городах всегда доставляют всем, как бедным, так и богатым, особенное удовольствие” (152).

В русских селениях молодежь собиралась на летние хороводы, которые сопровождались песнями и плясками. В них на святках ходили ряженые, но девичьи вечеринки были редки. “Но, взамен их, сельские красавицы в праздники, как летом, так и зимою, выходят на улицу и, севши с холостыми у своих домов на особо устроенных лавках, поют веселые песни, выкидывая при том разные каламбуры, порождающие всеобщий хохот. Сверх того бывают в деревнях особые девичьи посиделки, на которые сходятся и холостые, для битья, по их выражению, одних баклуш” (152).

На масленице как у горожан, так и у жителей русских, чувашских и марийских селений бывают “общеизвестные катанья на лошадях и салазках с гор”. Далее автор отмечает, что особенно примечательны эти катанья у марийцев. “У них бывают на масленице в Козьмодемьянском уезде особенные сборища, или каталища, при селах Еласове и Кузнецове, на которые съезжаются черемисы в нарядной одежде, обоюго пола, в особенности холостые с девицами, на лошадях, запряженных в красивые санки и лучшую сбрую с бубенчиками и

колокольчиками. Катаются взад и вперед на небольшом расстоянии по нарочно выбранному ровному месту, наподобие известных бегов, а дети катаются с гор. На этих каталищах для удовлетворения веселящихся устраиваются торговцами, большею частью из черемис же, палатки с пряниками и другими простыми лакомствами, а от ближайших питейных домов учреждаются выставки. Но черемисы не упиваются так, как русские мужики. Пьют они вино собственно для одного веселья, сопровождаемого громкими и протяжными песнями” (152-153).

В городе и русских селениях уезда на пасхе устраивали простые качели (козлы), “на которых качается молодежь с девицами – с песнями... молодые, как девицы, так и холостые (парни. – В.Д.), ходят толпами по колокольным звонить” (153).

“От русских переняты качели” чувашами и марийцами: “в каждом околке ставятся подобные качели... Сюда собираются холостые с девицами качаться, переходя по очереди большими толпами от одной к другой, с песнями, а музыканты с ручными гармониями, гуслиями и пузырями” (153).

“В летнее время, до наступления полевых работ, то есть в продолжение синзи и семика у чуваш и черемис бывают особые сборища на полях или в рощах при больших дорогах. На эти гульбища стекаются преимущественно холостые и девицы, первые для высматривания себе невест, а последние женихов” (153).

“У русских в это время продолжают веселые хороводы, а в самом городе Козьмодемьянске на Троицкой неделе бывают по два раза особые гулянья, называемые тоже семиками”. Здесь собирается молодежь: угощается, веселится (153-154).

Так обстоятельно и правдиво изобразил С.М. Михайлов портрет города и уезда: природно-климатические условия, демографию, экономику, занятия жителей, материальную и духовную культуру русских, чувашей и марийцев.

В 1853 году С.М. Михайловым была написана также статья “Об умычке чувашских невест”. Представленная в редакцию “Казанских губернских новостей”, она не появилась в печати, а рукопись и поныне не разыскана.

В написанной в том же году статье “Памятник преданности вере и царю”, сохранившейся в рукописи, Михайлов рассказывает о построении в г. Козьмодемьянске каменной часовни в честь стрельцов города, погибших при взятии Азова в конце XVII века [45].

Первой печатной работой 1854 года у Спиридона Михайловича была публикация “Грамоты об именовании встарь чуваш татарами”. Грамота от 10 июня 1689 года из Приказа Казанского дворца была дана чебоксарскому воеводе Б.С. Львову на владение общиной дер. Оточева Киняярской волости Чебоксарского уезда сенокосами и озерами на Масловом острове. Подлинная грамота хранилась у государственного крестьянина села Акрамова Акрамовской волости Козьмодемьянского уезда А.П. Тюрина, которому перешла после умершего отца его П.М. Тюрина, бывшего у чувашей волостным головою и поверенным по межевым делам. Грамота была писана на свитке. В ней указывается, что в 1689 году чуваша дер. Отучевы Киняярской волости Чебоксарского уезда Яшкубарка Яштав “с товарищи” подали в Приказ Казанского дворца (в Москве) челобитную, где писали, что они исстари владеют в Киняярской волости Чебоксарского уезда на Маслове острове на Волге санными покосами и за Волгой Ботаковым озером с озерками, которые были пожалованы их предку – сотному князю Отучу Ботакову и его брату Бахтышу Дигилдееву, и что “с того угодыя оброк и ясак платят они по вся годы, и тоя ж угодыя в приходных окладных ясачных книгах написаны за ними”. “А ныне де в те угодыя [и] в озеро Ботаково с озерки вступастца Чебоксарского Троицкого монастыря игумен Иларион з братиею и владеть хотят насильством, и в том де им чинят убытки многие, и от того они до конца разорилися врознь”. Челобитчики просили выдать им на санные покосы на Маслове острове и на озеро Ботаково с озерками владенную грамоту с окладных ясачных и оброчных книг. К своей челобитной чуваша приложили список (копию) владенной выписи, в которой было написано: “В прошлом во [7]103 (1594/95) году били челом прадеду нашему блаженные памяти великому государю царю и великому князю Федору

Иоанновичу всеа Русии горные служивые татаровя* Чебоксарского уезду Кинеарские волости сотник Отучка Ботаков да брат его Бахтыш Пигилдеев (здесь так: не Дигилдеев. – В.Д.): подали воеводе князю Борису Мезедскому да Замятне Бязстужеву грамоту за воевоцкою за князя Васильевою печатью Хилкова, что им дал князь Василей Хилков по государеве грамоте на Маслов остров, на сенные покосы, и в те де их покосы вступаютьца и называют своими покосы Чебоксарского уезду Турунова волости да Кузьмодемьянского уезду Ишлеевские волости черемиса.** И воевода князь Борис Мезетцкой да Замятня Безстужев велели сыскать государеву грамоту, какова дана сотнику Отучку да Бахтышку на Маслов остров”. Оригинал грамоты разыскали. О. Ботаков и другие били челом в Приказ Казанского дворца 6 марта 1595 года. Был проведен сыск сыном боярским Иваном Желтухиным. “И по сыску Ивана Желтухина, тот Маслов остров порозжей, а в поместье и на оброке не бывал ни за кем, а изстари по реке (?) Масловке бывали от татар (то есть от служилых чувашей. – В.Д.) Кинеарские волости Отучевы люди, и на нижней изголови на Масловом острове сена косили Отучевы люди; а из Ишлеевские волости Кузьмодемьянского уезду Чалымова*** пятидесятника

* Во второй половине XVI–XVII веков служилые чуваша нередко именовались служилыми татарами по традиции, оставшейся от Казанского ханства, где служилые люди считались татарами.

** Черемиса – в XVI–XVII веках чувашей Чебоксарского, Ядринского, Курмышского, Козьмодемьянского уездов, территория которых до середины XIV века, до опустошения Болгарской земли и переселения сюда оставшихся в живых болгаро-чувашей, была занята редкими поселениями горных марийцев – “черемисы”, русские дьяки и писари ошибочно именовали “черемисами”, а в Свияжском и Казанском уездах чувашей в документах называли чувашами же. По данному вопросу смотрите в книге: *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (Чебоксары, 1968) статью “О значении этнонима “черемисы” в русских и западноевропейских источниках XVI – начала XVIII веков” (С. 5-17).

*** В Козьмодемьянском уезде в конце XVI в. жил пятидесятник Чалым. От него сохранилась и дер. Чалымкина. Однако этот Чалым не имеет никакого отношения к Чалымову городу татарских мятежников

люди на том Масловом острове на нижней изголови стали сено косить после их неведомо почему самовольством; сена же на той нижней изголови станет на четыреста копен”. После сыска воеводы князь Борис Мезецкой и Замятня Безстужев “велели теми покосы на нижней изголови владети и сено косить Киняярские волости сотнику Отучку Ботакову да брату его Бахтышку Пигилдееву и службу служить и ясак и посопной хлеб платить”. О. Ботакову и другим дали владенную выпись с приложением печати воеводы Б. Мезецкого.

На челобитную дер. Отучевы чуваша Я. Яштаева “с товарищи” выдана была Приказом Казанского дворца владенная выпись за скрепой Артемия Волкова, в которой указывалось: Я. Яштаеву “с товарищи” “владеть сенными покосы Масловым островом и озеры по окладным ясашным книгам и по даче [7]103 (1595) году, чтоб между ими впредь никакие ссоры не было, против иных таких спору нет”. В начале документа написано: “В Приказе... Казанского дворца в чебоксарских прихотных книгах прошлых лет... году написано: Киняярские волости деревни Атучевы от сотника у Отуча Ботакова с товарищи с озера Ботакова и с озерки оброку тринадцать алтын две деньги, и те деньги написаны в платеж” (287-291). Слова владенной выписи 1595 года “сотнику Отучку Ботакову да брату его Бахтышку Пигилдееву и службу служить и ясак и посопной хлеб платить” можно понять двояко: 1) за сенокосы службу служит сотник О. Ботаков, а Б. Пигилдеев платит денежный ясак и посопный хлеб, то есть ясак хлебом; 2) но если учесть, что площадь сенокоса очень большая: 400 копен – это 40 десятин, то можно допустить, что сотник О. Ботаков и его брат Б. Пигилдеев с сенокоса несли службу, а ясачные чуваша дер. Оточева за пользование сенокосными участками платили денежный и хлебный ясак. Оточевцам удалось сохранить за собой сенокосы на Маслове острове и от притязаний соседних чувашских деревень в конце XVI века, и от насильственного захвата их

середины XVI в., расположенному на правом берегу нижней Камы, на территории современного Рыбно-Слободского района Республики Татарстан.

Троицким монастырем в конце XVII века. О Масловом острове и его сенокосах сохранился не только опубликованный С.М. Михайловым документ. В.К. Магницкому удалось добыть у чувашских крестьян много документов о Маслове острове XVI–XVII веков и опубликовать их некоторую часть в виде брошюры “Тяжебные документы чуваш Козьмодемьянского уезда XVI, XVII и XVIII столетий” (Казань, 1893. 19 с.). Оригиналы документов ныне хранятся в Рукописном фонде Национального музея Чувашской Республики.

Вскоре появилась в печати и другая публикация ученого – владенная выпись 1685 года [46]. Издавая ее, Михайлов не разобрался, что она – подделка.

В труде “О происхождении имени “чуваш”, направленном в Русское географическое общество и остававшемся до 1972 года неопубликованным, С.М. Михайлов возвращается к вопросу о происхождении чувашского народа. Он возражает против отождествления В.А. Сбоевым чувашей с буртасами, утверждая, что буртасы – это мокша. При этом он правильно замечает, что перевод В.А. Сбоевым слова *буртас* на чувашский язык в значении “домовитый”, а также выведение им слова *чуваш* от слова *юваш* “мирный” не соответствуют действительности. Он указывает, что “домовитый” значит по-чувашски не *буртас*, а *киль-сертла*, а *юваш* значит не “мирный”, а “робкий”. Буртасы жили западнее нижней, частично средней Волги. Древнюю родину чувашей С.М. Михайлов склонен видеть в Центральной Азии, Сибири. “Ныне в Сибири довольно народов тюркского и финского племени, сходных с чувашами языком и образом жизни, как-то: качинские и кизильские татары, якуты и буряты. Посему следует убедиться, что чувашаи, будучи отрасль турецкого племени, обитали в Закамской стране на северо-востоке и, может быть, вышли они из Сибири, и что в последствие времени, когда в Болгарии явились из Аравии проповедники ислама, то многие из родовичей чуваш приняли мухаммеданскую веру, потому что в числе последователей сему учению есть чувашские имена, как-то: Айдар, Бикбулат, Байгул, Иштерак, сын Байдарака, и проч.”. И.Н. Березин, указывает автор, в книге “Булгар на Волге” утверждает, что имя чуваш

давно известно было татарам, и чувашаи населяли прежде северо-восточную страну за рекою Камою (эту территорию они заняли после опустошения Болгарской земли. – В.Д.).

“Наконец, из-за реки Камы, прежнего местожительства своего, вышли чувашаи в нагорную сторону реки Волги, по всей вероятности, во время нашествия на Болгары монголов, удаляясь в лесистые богатые места от грозных своих завоевателей, и с таким переселением некоторая часть их могла смешаться с мордвою и черемисою... В Чебоксарском, Цивильском, Ядринском и Козьмодемьянском уездах, главных населенных чуваш, мордвы ныне нет, но есть в лесах урочища, которые и до сего времени называются по имени эрзя; например, в Козьмодемьянском уезде, в дачах деревни Юнги-Ядриной, *эрзя вурмане*, то есть “мордовский лес”, а в Ядринском уезде в Чиганарской волости чувашская деревня Эрзя, жители которой, вероятно, произошли от мордвы, по случаю смешения оной с чувашами, а о смешении черемис с чувашами говорить здесь не для чего, ибо это видим и в настоящее время... Таким образом, после падения Болгарского царства чувашаи, сливаясь более и более с победителями и другими племенами, могли утратить и древнюю свою религию; ибо мифология их, собранная господином Сбоевым в 1849 и 1850 годах, представляет смешанное верование: найдутся в ней обряды почти всех тех народов, с какими они сливались, и даже, по-видимому, есть обряды и самих славян-язычников” (127-132). Наши исследования, в частности статья “Опустошение Болгарской земли в конце XIV – начале XV веков”, показали, что С.М. Михайлов в общих чертах правильно представлял переселение оставшихся в живых болгаро-чувашей как в Приказанье и Заказанье, так и на территорию нынешней Чувашской Республики.

Работа С.М. Михайлова “Свадьбы горных черемис Казанской губернии” была опубликована во второй половине 1854 года дважды – в газетах “Казанские губернские ведомости” и “Русский инвалид”. Через десять лет ее перепечатали без указания автора в книге “Памятная книга Казанской губернии на 1864-1865 годы”. Это – прекрасное исследование свадебных

ритуалов, а также праздничной одежды и пищи горных марийцев, не потерявшее своего научного значения и поныне. Горные марийцы, как и чувашаи, свадьбы проводили перед сенокосом. “Но ныне, – указывает С.М. Михайлов, – при постепенном сближении их с обычаями русских, бывают у них свадьбы часто и зимою”. В отличие от чувашей, жених-горномариец, имея на примете в другой деревне пригожую девушку-невесту, едет в эту деревню, останавливается у знакомого и просит его быть посредником в отношениях с девушкой и ее родителями. Посредник секретно приглашает к себе избранную парнем девушку и спрашивает ее: согласна ли она выйти замуж за любящего ее парня. Получив согласие, посредник и парень отправляются к родителям девушки и в ее присутствии спрашивают их согласия выдать дочь за жениха. Получив согласие, “жених с торжеством возвращается домой и объявляет об этом родителям”.

На другой день жених, одетый в новый кафтан *мижер* и *кем*, отправляется с отцом и близким родственником к невесте на паре лошадей, запряженных в телегу-качалку *араба*, для окончательного сватовства, взяв с собою в кожаной сумке лепешки *костенач* (гостинцы) и полведра вина. Родители невесты делают вид, что не согласны выдавать дочь замуж, но все же соглашаются. Договариваются о калыме (большой калым – от 28 руб. 58 коп. до 57 руб. 16 коп. серебром, малый – от 1 до 26 руб. серебром). Отец жениха выплачивает калым. Привезенные лепешки сваты, жених с невестой разбирают по рукам и произносят:

<i>Юма, перегге</i>	Господи, сохрани
<i>Юма, шулукум пу</i>	Господи, благополучие подай
<i>Юма, пурлукум пу</i>	Господи, избыток подай
<i>Юма, паян лишта</i>	Господи, дай богатства
<i>Юма, шюмь удюрюм пу</i>	Господи, семь дочерей дай
<i>Юма, шюмь эрггем пу</i>	Господи, семь сыновей дай
<i>Юма, пиялам пу.</i>	Господи, всякого счастья дай.

В этом будущая семья видела счастье, в этом – философия счастья.

Проводится обручение, невеста и жених обмениваются перстнями. Распивают привезенное вино. Невеста дарит жениху, отцу его и свату по три аршина (аршин – 71,36 см) холста, в сумку отца жениха кладет лепешки и полуштоф вина, которыми потом угощаются в доме жениха.

На третий день жених или отец его едет на телеге к невесте с приветствием *пунзал пуаш*, взяв с собой масляных лепешек и штоф вина. После угощения договариваются о дне свадьбы и составе подарков от невесты.

После этого и в доме жениха, и в доме невесты готовятся к свадьбе: варят пиво, запасаются вином, невеста с помощью подруг шьет приданое.

Жених по совету родителей выбирает для свадебных церемоний следующих лиц, в основном из родственников: свадебного голову *суян вуй*; “старшего зятя” *кого винге* (посаженный отец); жена *кого винге* назначается свахой за женихом; дружку *арбинге* (с нагайкой в белом фартуке *запон*); полдружку (полдружье) *изы арбинге* (с нагайкой и в фартуке); пузырьника *шиберзя*, ему в помощь двух или трех барабанчиков *тумерзя*, с бубнами *тумерь*.

В день свадьбы как в доме жениха, так и в доме невесты во дворе устраиваются четырехугольные места *шилук* из досок, положенных на чурбанах, вышиною не менее аршина, с обширной в середине площадкою для плясок, со входом на нее с одного угла. На нее ставят два стола с пивом, вином, караваем хлеба. К столу жениха дружка ставит кудрявую березу. К столам расстилают войлок *партыш*. За свой стол садится свадебный голова и посылает дружку с полдружьем созывать к жениху поезжан, “и они верхами с подвязанными под шею лошадой бубенчиками *брячук* и нагайками в руках разъезжают по жениховой деревне и, подъезжая к каждому двору, говорят: ...“Поедем на свадьбу! Три печи пирогов изготовлено, четыре печи хлеба напечено; пять ведер есть вина; пива столько, что можно на лодке плавать; жен и детей берите, а если детей нет, то колотушку возьмите”.

Поезжане собираются в парных повозках, другие в красивых тарантасах, парни запрягают даже тройки (у всех лошадей на дугах – колокольчики *ингыл*, около лошадей – бубенчики *брячук*). Мужчины-щеголи одеваются в лучшие разноцветные из фабричных материалов кафтаны *каптал*, красные рубашки, плисовые (бумажный бархат) шаровары, надевают шерстяные шляпы, сапоги. Женщины надевают из хорошего сукна зеленый парадный кафтан *посто*, подпоясывают шелковым поясом, или желтый балахон *ала шобыр*; назади к поясу подвешивается четырехугольник *шталши хадер* (круглые уборы); на голову надевается *ошту*, то есть чувашская *хошна*, украшенная серебряными монетами; через плечо надевается лента *аршеш*, шириною в ладонь, украшается по краям шелехами и корольками, а в середине старинными серебряными мелкими монетами; на грудь перевязываются две большие *шалькамы*, (чув. *шулькеме*), унизанные мелкими монетами и корольками; на шею надевают серебряные цепочки *ши цепоцка* со крестами; в ушах вместо серьг на подвесках деньги *тэнга*, на ноги наворачиваются как можно толще черные онучи *штер* с подвязками у колен и маленькие лапти *идал нерь* (“мелкие головки”); вместо фартука марийки подвязывают большие шелковые платки, а в руки берут бумажные носовые платочки; на пальцы вздевают множество серебряных перстней; на поясе рубахи развешиваются по бокам *кумдашта* – коротенькие, вроде широких лент, узоры, вышитые шелком, с кистями на концах, к поясу же вешают кожаный маленький кошелек *янцык*. У богатой марийской женщины, как и у чувашек, весь наряд стоит более ста рублей серебром”.

“Когда все поезжане соберутся, свадебный голова *суян вуй* предлагает жене своей и дружке с поддружьем плясать, что они и исполняют в *шилък* под звуки пузырей и бубнов. Жених, одевшись, является к ним в *шилък*, где его сажают за стол на разостланный войлок *партыш*, а по обеим сторонам садятся отец и мать его, которым свадебный голова предлагает благословить сына. Родители, встав с мест и молясь, по русскому обыкновению, просят у Бога всякого благополучия сыну и назначают ему в надел или лошадь, или корову, и даже

весь дом...”. После нескольких церемоний шумный поезд трогается в путь в деревню невесты. “Впереди едут рядом дружка с полдрузьем верхами, за ними на телеге отец жениха с родственником, бывшим с ним при сватании невесты (мать остается дома). В телеге у них бочонок пива, четверть ведра вина и в кожаной сумке *тапнак* масляные лепешки. Следом за ними едут жених, свадебный голова и все поезжане, в том числе и музыканты с пузырями и бубнами, которых оркестр гремит беспрерывно”. В пути музыка играет, все поют, стук повозок, звон колокольчиков, бряканье бубенчиков...

Когда ко двору невесты подъезжает поезд жениха, стража из деревенских парней ворота *капка* запирает, впускает во двор одного отца жениха с пивом и вином. Он здоровается с родителями невесты и угощает их, “дабы снискать их благосклонность для принятия жениха с поездом”. В это время стоящие за воротами поезжане шумно поют песни и под звуки музыки пляшут и затем привратники впускают дружку с полдрузьем, получив за это сколько-нибудь денег; потом ворота растворяются настежь и впускаются остальные по вступлении на двор, они объезжают его один раз вместе с женихом на повозках, по солнцу, вокруг устроенных лавок. Когда объедут, дружка принимает жениха и приводит его в *шиллык* к столу, на котором стоит *лянгус* (кадушка) пива и каравай хлеба. Жених посылает дружку к родителям невесты, находящимся в то время вместе с его отцом в лачуге *куда*, испросить позволение: прикажут ли они сесть ему на свое место. Жених садится на свое место лишь после того, как отец невесты посылает ему с дружкой ковшик пива с серебряным четвертаком или полтинником в нем. “Жених пиво выпивает, деньги берет себе и тогда уже садится за стол, имея по правую сторону помощника свадебного головы, а по левую жену его, сваху. Поезжане рассаживаются по устроенным лавкам. Свадебный голова *суян вуй* садится за другой стол, у которого также поставлена березка “с развевающимся на вершине белым сарпаном наподобие флага”. Свадебный глава приказывает дружке требовать напитков и закуски. В это время невеста, нарядившись в парадный зеленый суконный кафтан *посто*, находится в избе

вместе с двумя подругами своими *удюрь кюнюрь* и, покрывшись большим шелковым платком, как покрывалом, садится на разостланный войлок за стол, где поставлены пиво, хлеб и масляные лепешки”. Сюда по приказанию свадебного головы приходит дружка и просит у подруг отпустить напитков невестиных. Подруги, получив от дружки гривенник, указывают ему в погребе пиво. Дружка носит в лянгусе пиво в шилык поезжанам, угощает свадебного голову, жениха и поезжан. Отец жениха приносит вино и в том же порядке угощает поезжан. Затем свадебный голова посылает дружку к невестиным родителям требовать закуски. Подруги невесты отпускают дружке кушанье для поезжан (похлебка с бараниной *лем*, каравайцы с бараниною же *куртник*, рыбные пироги *кагыль*). Затем подруги невесты “подают в чашках, особливо невесте в избу и особливо жениху в шилык, жидко изготовленную на молоке яичницу *мунын шыбыртыш*. Жених, принявши яичницу, посылает дружку с ковшом пива (пустив в оный гривну денег) к невесте, просит ее закусывать с тем, что, если она любит его, то, в знак того, положила бы в ковшик своих денег. Невеста выпивает пиво, берет деньги и отсылает к жениху свой сюрприз, положив ему в ковш денег копеек с 20 медью, с тем, чтобы он пил на здоровье; жених выпивает с аппетитом”.

Свадебный голова посылает дружку с ковшом пива к отцу невесты сказать ему, что команда его наелась и желает повеселиться. Сват позволяет. И поезжане начинают пляску, при игре на пузырях и битье в бубны в такт. Танец открывают пляскою дружки, за ним продолжают все поезжане – и мужчины, и женщины. Угощение поезжан пивом и вином продолжается и во время веселья.

“Около ликующих поезжан находится и большая толпа девушек, пришедших из окрестных околodков для провода невесты и высматривания себе женихов”. Молодцы-поезжане влекут к себе девиц для плясок. Марийские девушки “пляшут так же, как и чувашские... однако ж движения их (марийских девушек. – В.Д.) гораздо нежнее и сами они грациознее”.

“У невесты в это время та же музыка, те же песни и пляски, где участвуют ее родственники и однодеревенские холостяки и

девицы. Она не вое, как у чуваш, а только, сидя за столом, под шелковым платком, прощается с подругами, подавая каждому пива, которые за это кладут ей в ковш деньги: кто грош, кто гривенник, ...перстни и шейные кресты. В избу приходят родители и “дают дочери – невесте нравственное наставление, чтобы она повиновалась мужу, жила с ним согласно и свекра с свекровью уважала и проч. Притом отец дарит ее немного деньгами, а мать какими-нибудь женскими уборами; дарят также, особенно деньгами, и родные”. Невеста приглашает в избу приехавших с женихом женщин для угощения – совершает *паштек арбинге* (проводы). Свадебные женщины пьют пиво и вино, распевая хором:

Мен ман купец,

Тенган товар.

Пёриже минин

Минь дона кушкин...

Наш купец,

Ваш товар.

Наш молодец

С нами вырос...

Женщины из избы возвращаются в *шилък*, поют и пляшут со всеми вместе.

Свадебный голова приказывает дружке собираться поезду. Дружка с подружьем закладывают все повозки поезжан, укладывают приданое невесты в сундуки *шундек*. “В ту повозку, где должна сесть невеста, расстилают перину ее *тюшек* с длинными подушками *кюцик*”. По готовности свадебный голова приказывает дружке с подружьем объехать один раз верхом вокруг шилыка.

Вначале выпроваживают отца женихова, которому кладут в сумку масленых лепешек *сыльмагинда* и возвращают опорожненный бочонок его из-под пива, дают ему для угощения жениховой матери *туклаце* (свахи) немного вина. Отец жениха (сват) с родственником первым выезжает из невестинной деревни за околицу и там дожидается поезда.

Родители невестины приходят к ней в избу, садятся по обе стороны дочери, и она с печальным видом раздает прощальные дары – рубахи *туггур*. Родители благословляют дочь образом, который и передают ей в дом жениха навсегда. От жениха приходит дружка и вежливо выводит невесту за руки, сажает в

повозку за перину, с нею садятся свахи, ее замужние сестры или снохи; кучером (повозником) бывает ее брат или зять. Невеста подзывает к себе своих подружек, прощается с ними, обнимая со слезами и целуя каждую. Подруги не отпускают невесту без денег, и дружка платит им деньги.

Дружка вместе с полудружьем выезжает верхом вперед, за ними следуют по старшинству повозка жениха, прочие поезжане в повозках, за невестою едут ее приглашенные родные. Дорогой – те же песни, та же музыка. “Поезд направляется прямо в приходское село для совершения венчания, по окончании которого, не выходя из церкви”, сваха снимает у невесты девичьи головные уборы и завязывает ей женский *шарпан* (чув. *сурпан*), *нашмак* (чув. *масмак*) и надевает на голову *ошпу* (чув. *хошпу*).

По пути из церкви до дома жениха большая часть поезжан разъезжается по домам. Остаются только родные, которым жених при приезде подает по стакану вина. У крыльца дома новобрачных встречают родители с пшеничной масленой лепешкой. Как невеста принимается вылезать из повозки, мать жениха тотчас бросает на землю женский наряд *шалкаму*, на которую новобрачная ступает ногою, а потом берет в руки. При входе новобрачной в избу все присутствующие старше ее летами выходят из избы. Как новобрачные садятся в чулане за приготовленный стол, входят в избу как поезжане, так и все родные и соседи для пиროвания. Дружка угощает гостей в избе, а полудружье – гостей, находящихся в шилыке. “В вине и пиве недостатка не бывает, и, по чивости (то есть щедрости. – В.Д.) черемис, пир идет на весь мир”.

Когда все встают из-за стола, приданое в сундуках перетаскивают в амбар. Но повозник невесты не отдает перину без денег. И жених платит ему *тушек парни* (перинный подарок).

Невеста выдает дружке рубашку *туггур*, исподнее платье *ялаш* и шелковый пояс *парсин ишта*. Дружка, взявши подарки, кладет на правую руку и с ковшом пива приносит к свадебному голове в шилык. Голова выпивает и велит одеваться жениху, который в сопровождении дружки, несущего подарки на правой

руке, отправляется на речку купаться и, надев там это новое белье, возвращается домой.

В шилыке рассаживаются родственники жениха. Дружка снимает с невесты покрывало и взамен накидывает на нее узорчатый четвероугольник *сесна савыц* (платок с кисточками). Невеста и жених вместе с свахами (со стороны невесты) идут в шилык, и свахи раздают родственникам жениха невестины подарки: “родителей и ближайших родственников дарят рубашками, а прочих – холстом, аршина по три; женщин – преимущественно головными уборами, шарпанами и нашмаками”. В ответ родители и родственники жениха, получившие подарки от невесты, дают подарки ей, ее свахам и родственникам. Родственники невесты уезжают домой.

Утром встают рано. Невеста ходит по воду, варит суп-лапшу для свекра со свекровью. Родители, свадебный голова и его помощник сидят в ожидании супа за столом. “Молодой приносит лянкус пива, а молодая – каравай хлеба, и делают им приветствие *шалям*, махая три раза рукою”. Угощая пивом, невеста вновь дарит свекра со свекровью рубашками, а родители и свадебный голова и все родные кладут ей на край чашки деньги. Помолвившись Богу, едят лапшу с аппетитом. Опять пьют и веселятся. Играет пузырист.

По окончании пира в тот же день молодожены посещают по домам своих родных, при этом молодая разносит масляные лепешки, а молодой ходит с лянкусом пива. Молодая в каждом доме кладет на край поставленных блюд с кушаньями сколько-нибудь денег в подарок домохозяевам.

В конце статьи С.М. Михайлов описывает визиты новобрачных с родителями в гости к тестю, визит тестя и тещи к новобрачным (133-148).

Ритуал, церемониал горномарийской свадьбы, как и чувашской, выработывался столетиями. Он был разработан предельно четко, отвечал самым высоким этическим и даже юридическим требованиям. По своей сложности народный свадебный ритуал, по-видимому, ненамного уступал даже королевскому или царскому ритуалу. В горномарийском свадебном ритуале очень большое внимание обращалось на

благодарственные и памятные подарки. Он несколько уступал чувашскому ритуалу по торжественности. В нем не было, в отличие от чувашского, пережитков кочевого быта. Вместо сырника (*чӳкӳт*) и колбасы (*шӳрттан*) в чувашском ритуале, в горномарийском важнейшей ритуальной пищей выступает масленая лепешка. Как чувашский, так и горномарийский свадебный ритуал имели огромное значение в укреплении семейных уз, морально-этических устоев в семье и обществе. Свадьбы являлись по существу видом театрального народного творчества.

С первого года своей научной деятельности после переезда А.И. Артемьева в Петербург С.М. Михайлов установил связь с этнографическим отделением Русского географического общества (РГО), куда представлял оттиски своих печатных трудов и рукописи новых работ. В 1854 году Спиридон Михайлович был избран членом-сотрудником РГО. Сохранилось 6 писем Михайлова в Русское географическое общество, написанных им по поводу представления своих работ Обществу и по вопросам организации экспедиций. С этого времени он переписывается с крупным востоковедом-арабистом, археологом и нумизматом Павлом Степановичем Савельевым (1814-1859), принимавшим деятельное участие в руководстве этнографическим отделением РГО.

В письме П.С. Савельеву от 11 февраля 1855 года Михайлов сообщает, что “в числе старинных бумаг, собранных мною для археологического общества, есть древнейшие акты, составленные до покорения Казани, с чувашскими и черемисскими тамгами, представлением сих бумаг и поспешу по получении остальной части” [47]. Эти копии документов, названных им “Списки со старинных заимствованных крепостей с чувашскими тамгами, совершенных до покорения Казанского ханства, и спорное земельное дело деревни Хоракасов Цивильского уезда с деревней Оринино Козьмодемьянского уезда”, были сняты С.М. Михайловым с заверенных копий, хранящихся у крестьянина дер. Хоракасов Ядринского уезда Казанской губернии Петра Иванова. На копирование и комментирование документа у Михайлова ушло немало

времени. Копию он в 1855 же году отправил в Русское географическое общество [48]. Эти документы упоминаются в различных изданиях под названиями “Выписки из древних актов, касающихся древнего быта чуваш и черемис Казанской губернии” и “Копия с дела 1735 года” [49]. Архивист Н.Н. Ардашев в Московском архиве Министерства юстиции обнаружил оригинал документа и опубликовал его под названием “Татарские земляные письма XV в. и спорное дело XVIII в. о ясашных землях” [50]. Документы, названные Н.Н. Ардашевым “Татарскими земляными письмами XV в.”, а С.М. Михайловым – “Старинными заименованными крепостями с чувашскими тамгами, совершенными до покорения Казанского ханства”, в результате нашего исследования оказались документами XVI – начала XVII века.

В 1855 году этнографическое отделение Русского географического общества имело намерение поручить С.М. Михайлову составление списка чувашских, татарских и других исторических названий селений, городов, гор и рек Казанской губернии, однако оно не выделило финансовых средств на выполнение поручения, ввиду чего работа не была выполнена [51].

В 1855 году Михайлов опубликовал в “Казанских губернских ведомостях” статью “**Покровская ярмарка в Козьмодемьянском уезде**”. Село Покровское (Большая Юнга) расположено на левом берегу реки Большой Юнги, напротив Троицкого посада, в 8 верстах от Козьмодемьянска. В селе – 125 дворов, по 9-й ревизии 1851 года государственных крестьян мужчин 392, женщин 529, всего 921. Каменная церковь построена на месте деревянной в 1814 году тщанием прихожан. В селе Покровская ярмарка существует с незапамятных времен и проводится с 1 по 5 октября. На ярмарочной площади устроено 4 деревянных корпуса со 120 лавками. Сюда съезжались торговцы, кроме козьмодемьянских, из разных соседних уездных городов и селений Казанской, Нижегородской и Костромской губерний. На ярмарку привозили более всего красный товар: шерстяные, шелковые, хлопчатобумажные, льняные и пеньковые изделия (почти 90% стоимости привозных

изделий), москательные и бакалейные товары (1,5%), пушной товар, шапки и фуражки (2%), мелочный товар (1,3%), иконы, картины и пр., валенки, галоши, ботинки, сапоги, мед, фрукты и пряности, лук репчатый, капуста, яблоки, орехи, калачи, сбитень (горячий медовый напиток), говядина, соль, рыба, мыло, железный и чугунный товар, кузнечные и железные изделия, рукавицы крестьянские, сундуки деревянные, чашки, решета, глиняная посуда, марийский мелочный товар (1,7%). В 1853 году товаров было привезено на 67830, продано на 7740 руб. серебром, в 1854 году привезено на 81458, продано на 7369 руб. серебром.

Село Покровское, указывает С.М. Михайлов, состояло в прежние времена во владении архиереев суздальских, и жители поселены в здешнем краю так же, как и другие русские, по основании в 1583 году Козьмодемьянска. Другие русские селения также принадлежали Спасскому монастырю. Михайлов полагает, что многие из покровских жителей в старину, постоянно находясь во внутренней России при архиереях и монастырях, вероятно, были увольняемы ежегодно в виде отпусков к родному своему празднику Покрову для отдохновения и свидания с ближайшими, “и всегда являлись в дома с произведениями дальней стороны, старались поскорее сбыть их с рук с выгодами; и это-то могло послужить некоторым образом к развитию там торговли”. Возможно допустить нам и другое предположение: ярмарка могла быть открыта Спасским монастырем для увеличения своих доходов. К празднику Покрова “стекалось на ярмарку из Козьмодемьянска и других окрестных селений, как русских, так и инородцев, с своими товарами и произведениями”. Покровские жители решили доходы от ярмарки обратить в пользу приходской церкви, на что в 1825 году было получено разрешение.

“Кроме пользы для церкви, духовенства и местных жителей, Покровская ярмарка приносит еще и ту немаловажную пользу, что через оную инородцы, сближаясь с русскими, перенимают их нравы и обычаи... Покровские жители, проведши все летнее время в судовой промышленности и работе на Волге, ко дню Покрова возвращаются восвояси с барышами и препровождают

свой годовой праздник с ликованиями не менее других. Горные черемисы многих ближайших деревень, глядя на таковое обыкновение русских, усвоили его себе и, вместо прежних, после окончания молотбы хлеба, полудиких обрядов, начали праздновать праздник Покрова наравне с покровскими жителями. Из них бывает на ярмарке много и порядочных торговцев с мелочными товарами, а ныне стали появляться торгаши мылом и другими русскими изделиями... никак нельзя отличить их от русских: сидят они в таких же красных рубахах и в желтых чапанах верблюжьего сукна, как и русские сельские торговцы... Любят горные черемисы попить и поесть получше, чем чувашаи и другие племена. Так, на Покровской ярмарке часто встретите их сидящих в гостинице за чаем с товарищами по торговле, также с женами и детьми... а в домах редкие из них имеют самовары и чайные приборы. Убивать же понапрасну деньги на вине они не охотники”.

“Приходят на ярмарку толпами и черемисские девушки для высматривания себе женихов, покупки в приданое сундуков, платков и других нарядов. Гуляют они по ярмарке за молодцами особою группою, во всех праздничных нарядах, то есть в новых суконных бористых белых кафтанах *мижер*, покрывшись красными платками, выпустив локоны, в чопорных лапотках, блестящих на груди серебряных *шалкамах*... и выпущенных наружу на цепочках и красивых лентах серебряными и оловянными большими крестами, которые у здешних черемисок и чувашек считаются единственными украшениями, заменившими старинные их бисерные ожерелья и борки. Черемисские девицы весьма грациозны и, можно сказать, не хуже русских красавиц, приходящих на ярмарку из окрестных деревень в своих бористых куртках на заячьем меху покупать у тороватых нижегородских торгашей или ситцу на московский сарафан, или кумачу на душегрейку” (167-171). Наверное, только Михайлов мог чудесно сочетать рассказ о связанной с обманом, обсчетом и обвешиванием торговле со светлыми этнографическими картинами общественного быта, материальной и духовной культуры жителей полиэтнического уголка Российской империи.

Сохранившаяся записная книжка (дневниковые записи) С.М. Михайлова за 1855 год свидетельствует о его усиленных занятиях по изучению историко-этнографической литературы и по собиранию этнографических и фольклорных материалов. В частности, сюда он записал юмористическую легенду “Чебоксарцы-свиносуды” (328).

В 1855 году Спиридону Михайловичу удалось опубликовать лишь одну работу. По-видимому, сказалось оставление И.Н. Березиным поста редактора “Казанских губернских ведомостей” в связи с переездом в Петербургский университет. В целом же первая половина 50-х годов в научной и литературной деятельности Михайлова была весьма удачной, плодотворной. Ему удалось создать и обнародовать ценные исторические, этнографические, географические, статистические труды, среди которых особо выделяются “Краткое этнографическое описание чуваш”, “Статистическое описание Козьмодемьянского уезда за 1852 год”, “Чувашские свадьбы” и “Свадьбы горных черемис Казанской губернии”. Имя С.М. Михайлова, его труды за короткое время получили признание научной общественности России.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ 1856–1860 ГОДОВ

Первой публикацией С.М. Михайлова в 1856 году явилось издание статьи с приложением документов под названием “История службы Козьмодемьянских ямщиков”. Сословие ямщиков в Козьмодемьянске появилось вскоре после основания города в 1583 году. С.М. Михайлов полагал, что ямщики в Козьмодемьянск были переселены из Свяжска. Во время 8-й ревизии в 1833-1834 годах козьмодемьянские ямщики были переведены в разряд государственных крестьян. Спиридон Михайлович вначале публикует 7 документов. Первый из них – Грамота из Приказа Казанского дворца козьмодемьянскому воеводе Д.Т. Зыкову от 28 октября 1681 года о порядке выдачи денежного жалованья козьмодемьянским ямщикам и отводе им земли взамен хлебного жалованья. В прошлых годах, по 1680/81 год, говорится в документе, 100 козьмодемьянским ямщикам выдавалось государево жалованье 800 рублей деньгами и хлебом 700 четвертей (до 1679 года в примочной четверти 6 пудов, отдаточная в большинстве случаев в два раза меньше, после 1679 года в примочной четверти 8 пудов) ржи, столько же овса на год, то есть “по осми рублев да по семи чети ржи да по стольку же овса человеку”. Такое денежное и хлебное жалованье по 1680 год давалось ямщикам из козьмодемьянских доходов. “Да за теми же кузьмодемьянскими ямщиками под городом и в полянках пашни паханые добрые земли и что лесом поросло 546 чети с осминою без полполтретника в поле, а в дву по тому ж... сенных покосов косят они по сороку копен на человека”, то есть около 820 десятин пашни и 400 десятин сенокоса. В 1679/80 году порядок сбора денег в Ямской приказ на жалование ямщикам и на полоняничные деньги был изменен, ввиду чего козьмодемьянские ямщики стали получать денежное жалованье из козьмодемьянских, а если не достанет, из

чебоксарских и цивильских доходов, а хлебного жалованья были лишены. Вместо хлебного жалованья ямщикам к 820 десятинам пашни и 400 десятинам сенокоса добавили 787,5 десятины пашни “с порозших земель”. Это нововведение ухудшало материальное положение ямщиков.

Второй документ – Грамота из Приказа Казанского дворца козьмодемьянскому воеводе М.В. Наумову от 1 мая 1686 года о высылке в Москву крестьянина Спасского монастыря Е. Мартынова для ответа за уничтожение граней земель ямщиков г. Козьмодемьянска. В 1686 году оказалось, что давным-давно поставленные дубовые грани земель козьмодемьянских ямщиков были вырублены. Досмотр показал, что в последние годы вырубкой граней занимался Спасского монастыря крестьянин Емелка Мартынов. По грамоте из Москвы Мартынов высылается за поруками в Приказ Казанского дворца к ответу за вырубку граней.

Третий документ – Грамота из Приказа Казанского дворца свияжскому воеводе И.В. Полтееву от 8 ноября 1683 года о выдаче козьмодемьянским ямщикам жалованья из свияжских ясачных доходов.

Четвертый документ – Грамота из Приказа Казанского дворца козьмодемьянскому воеводе А.А. Мешкову-Плещееву от 24 марта 1689 года о невзимании с торгующих козьмодемьянских ямщиков десятой деньги (10% дохода) на корабельное строение.

Пятый документ – Выпись от 29 июня 1686 года из писцовых книг Козьмодемьянского уезда 1649/50 и 1685/86 годов о земельных владениях козьмодемьянских ямщиков. Согласно писцовой книге Ивана Франзбекова да Федора Чемесова, да дьяка Александра Дурасова 1649/50 года за козьмодемьянскими стрельцами “всего старой дачи под городом и в полянках пашни паханые добрые земли 546 чети с осминою без полтретника в поле, а дву по тому же, да примерные пашенные земли под городом и в полянках 106 чети без четверика в поле, а дву по тому же. Обоевой – старой дачи и примерной земли 652 чети с осминою без четверика в поле, а дву по тому же, да лесу 50 десятин”. По грамоте великих

государей из Приказа Казанского дворца 1685/86 года за ямщиками сенных покосов 250 десятин и леса 5 десятин.

Шестой документ – Данная Козьмодемьянской приказной избы ямщикам г. Козьмодемьянска от сентября 1693 года на гумна и гуменные места. Перечислены фамилии и имена 58 ямщиков с указанием размера площади их гумен и гуменных мест.

Седьмой документ – Перечневая ведомость 1709 года из окладных книг и земельных документов о денежном и хлебном жалованьи и земельных владениях ямщиков г. Козьмодемьянска. Ямские охотники города в старину распределялись на десятки, а десятки на выти. В 1709 году в Козьмодемьянске ямщиков состояло в 10 десятках 100 вытей, в них заключалось 262 двора, в которых числилось одних домохозяев или семейств 262 с 354 душами детей, исключая женского пола. Всего находилось ямщиков мужского пола 616 душ. Выше говорилось, что до 1679 года ямщику, кроме денежного жалованья в размере 8 рублей, выдавали хлебом 7 четей ржи, 7 четей овса. Если хлеба не было, вместо него выдавали за четь ржи и за четь овса 6 алтын 4 деньги. За ними по писцовой книге 1649/50 года и по писцовой выписи 1685/86 года “всего старой дачи под городом и в полянах пашни паханные добрые земли 546 четей с осминою бес полтретника в поле, а дву по тому же, да примерные пашенные земли под городом же и в полянках 106 четей без четверика в поле, а в дву по тому же... да лесу 50 десятин; да сенных покосов в Кузмодемьянском же уезде на горной стороне на гладком 250 десятин, да сверх сенных покосов примерено в тех же урочищах лесу 5 десятин. Да по грамотам великаго государя против челобитья их, кузмодемьянских ямщиков, за ними же написано по данной в Кузмодемьянску ис приказной избы, по приказу воевод Иева да Михаила Арцыбушевых, за приписью подьячего Дмитрея Иванова, прошлого [7]202 (1693/94)-го году в Кузмодемьянску поблиску их ямской пахотной земли 58 гумен и гуменных мест и с пригороженными огороды; по мере в тех гумнах и в гуменных местах длиннику 1735 сажен, поперечнику 1062 сажени”.

Вслед за публикацией документов автор помещает очерк состояния ямщиков, переименованных в казенные крестьяне при 8-й ревизии 1833-1834 годов и состоящих в ведении Министерства государственных имуществ. Они составляли вместе с подгородным селом Владимирским одно сельское общество под названием Козьмодемьянского. В административном отношении они зависели от волостного и сельского управлений, существовавших в самом городе Козьмодемьянске. По 9-й ревизии 1850-1851 годов их числилось 1124 мужчины, 1328 женщин. Дворов 201. В их владении находилось земли: усадебной 127 десятин, пахотной 1469 десятин, сенокосной 490 десятин, лесной 518 десятин 1153 кв. сажен, неудобной 115 десятин 1700 кв. сажен и выгонной, обще с гражданами, 31 десятина, а всего 1783 десятины 453 кв. сажен. «Пахотной земли приходится не с большим по десятине на душу. Поэтому они хлебопашеством не занимаются, а обратились к другим промыслам и разделяются на два разряда: кузнецов и ямщиков, с небольшим числом рыбаков и других мелких ремесленников».

«Козьмодемьянские кузнецы издавна в славе не токмо в Казанской, но и в других губерниях. В настоящее время занимаются этим ремеслом 126 семейств, преимущественно в степных губерниях: Оренбургской, Симбирской и Самарской, и более между инородцами. Из них многие живут на чужбине безвыездно, обзаведясь там домами, и приезжают на родину только в крайних случаях: для женитьбы своих сыновей или для отправления рекрутской повинности и по другим обстоятельствам (обычно съезжались одновременно к празднику Рождества Христова. – В.Д.). Такие кузнецы имеют у себя по несколько человек работников, получающих годовую плату от 40 до 60 руб. серебром. Поселившись в известном месте, они живут в нем постоянно... где, как часто случается, они и родились и где работали деды и отцы их, они совершенно свыкаются с местными жителями, приобретают их доверие и при усердной своей деятельности успевают скапливать порядочные капиталы. Тогда, оставляя трудную кузнечную работу, они принимаются за торговлю железными изделиями в

тех же краях, а некоторые даже выписываются в купеческое звание, что, впрочем, бывает весьма редко". В новом социальном положении торговцы меняют свой образ жизни, подражают торговому классу, одеваясь чище, распивая чай и заключая брачные союзы с подобными же себе семействами.

Работники зажиточных кузнецов, проработав с малолетства несколько лет у хозяев, скопив определенный капитал, приезжают на родину женихами и людьми тороватыми, приводя из степных губерний по паре или тройке лошадей. Они женятся на хороших девушках. Заводят свое кузнечное дело. Некоторые из них становятся хозяевами, нанимают работников, выходят в торговцы. "Но другие на всю жизнь остаются в бедности, и горе девушке, попавшей на такого мужа. Эти бедные кузнецы большею частью трутся около наших казанских чуваш и черемис и беспрестанно переходят от одной деревни в другую, все надеясь найти себе выгодное место и никогда не находя его". По бедности они не имеют работников и заставляют работать на кузнице свою жену вместо работника. Другие бедные кузнецы вовсе оставляют свое дело (хозяйство) и поступают снова в работники к богатым купцам.

Дети козьмодемьянских кузнецов, родившиеся на стороне и воспитавшиеся там "среди инородцев, почти совсем отстают от своего языка и говорят по-татарски или по-мордовски лучше, чем по-русски", вернувшись иногда на праздники в город, они поют татарские песни.

Другой разряд казенных крестьян – ямщики. Они, удержав промысел своих предков, постоянно живут дома, пользуются всеми земельными угодьями своими и оставшимися после кузнецов, выполняя взамен этого за них мирские и натуральные повинности (а денежные налоги платили сами отлучившиеся). Радивые к хлебопашеству и зажиточные ямщики даже скупают землю у бобылей. Несмотря на это, хлеба им не достает на год, и "они содержат себя преимущественно от ямской гоньбы, почтовой и вольной. Промысел этот бывает особенно выгоден в зимнее время, когда открывается по Волге дорога через Козьмодемьянск".

До перевода в государственные крестьяне ямщики жили зажиточно, находясь полностью на государственном содержании. С.М. Михайлов сообщает, что “из одного указа Ямской канцелярии, данного управителю Козьмодемьянского яма подпоручику Степану Корницкому в 1755 году, видно, что жалованными ямщикам грамотами 7065 (1556/57), 7128 (1619/20) и 7139 (1630/31) годов было им даровано: “К городу камня, извести и лесу ямщикам не возить, и города и острога не делать, и мостов не мостить, у города же и у ворот не стоять, и с посадскими и с уездными людьми ни в какие подати не тянуть и никакова изделья не делать, а гонять ямскую гоньбу и во всем ходить по тому, как в них написано”. Старые ямщики с сожалением вспоминают о былом прекрасном времени, когда они всем ямским посадом в год в одном питейном доме до 3000 рублей ассигнациями и “гуртом” расплачивались с винопродавцом по получении жалования. Они жили по Ямской улице, после пожара 1833 года названной Набережной, в высоких, двухэтажных домах с подклетами или со мшениками, крытыми драньем на два ската, с одним небольшим окошком и с двумя волоковыми по сторонам. Улица была узенькая. Надворные строения: сараи, амбары, конюшни, бани. В центре улицы – ямская изба на курьих ножках, без сеней и двора, с двумя окнами; вместо крыльца – обширный помост на чувашский манер. Внутри избы стоял стол, кругом – лавки, в переднем углу на божнице стоял образ Казанской божией матери XVI века.

“Женский пол у козьмодемьянских ямщиков занимается, сверх домашних работ, огородничеством: капуста, огурцы и прочая овощ” продается ими горожанам и уездным жителям. (Жители Яранского уезда Вятской губернии приезжают сюда покупать огурцы и яблоки у горных марийцев.) В весеннее время жены ямщиков ткут спальные полога, которые закупаются нижегородскими и владимирскими торговцами для продажи в Самарской, Саратовской и Астраханской губерниях (202-322).

В апреле 1856 года в “Казанских губернских ведомостях” С.М. Михайлов опубликовал “Хронологическую заметку для истории Казанского края”, в которой сообщает, что в одной

старинной книге он обнаружил запись: “1798 году мая 22 числа Государь Павел Петрович и великие князья Александр Павлович и Константин Павлович после полудни прибыли в город Козьмодемьянск и ночевали; а 23-го изволили быть у Николая Чудотворца у обедни, то есть воскресение на заговенья. И поехали от обедни в Казань в 4 часу дни”. Эта запись позволила внести в статью “Повесть о пребывании в городе Козьмодемьянске государя императора Павла Петровича с великими князьями Константином и Александром Павловичами” точную дату прибытия императора в Козьмодемьянск [52].

19 мая 1854 года инспектор Казанской врачебной управы В.Л. Тилле обратился к С.М. Михайлову с письмом: “Из прочитанных мною в “Казанских губернских ведомостях”, с величайшим удовольствием, составленных Вами статей видно, что Вам известен быт чуваш, почему имею честь обратиться к Вам с покорнейшей просьбою относительно разрешения некоторых вопросов, до них касающихся, а именно: 1) Чему приписать должно, что они так часто прибегают к лишь произвольному удушению; 2) Какие бы правительство могло принять меры для предупреждения этого явления?”

Прилагаемые при сем бумаги состоят в исчислении случаев самоудавления между чувашами, замечаниях одного священника, долго между ними жившего, и, наконец, циркуляра Управы к уездным врачам.

Примите на себя труд сообразить все это и сказать Ваше мнение и обстоятельно, и чистосердечно, может быть удастся предложить основательные меры к предупреждению этого зла на будущее время.

Надеюсь, что вы не откажете в сей просьбе имеющему быть с совершенным почтением и проч.”

Получив это письмо, Спиридон Михайлович изучил присланные документы и сам собрал достаточное количество фактов, проанализировал их, выработал рекомендации и представил все свое произведение в виде экспертной справки В.Л. Тилле.

Экспертную справку автор переработал в статью, которую в марте 1856 года под грифом “Секретно” представил в Русское географическое общество под названием “Отчего чуваша давятся и какие правительство должно принять меры для предупреждения этого явления”. В 2003 году нам удалось опубликовать ее в “Марийском археографическом вестнике” [53].

Было установлено, что в Казанской губернии с 1843 по 1850 год 42 чуваша совершили самоубийство, в числе которых 39 удавившихся, 1 зарезавшийся, 1 застрелившийся, 1 утопившийся. Считалось, что из них лишили себя жизни от страха – 12, из-за болезни – 8, печали и тоски – 5, задумчивости – 1, бедности – 4, потери рассудка – 1, в отчаянии – 1, от несогласной жизни жены с мужем – 1, пьянства – 1, от причин вовсе неизвестных – 8.

С.М. Михайлов показывает, что эти цифры нельзя считать вызывающими особую тревогу. Среди русских до реформ Петра Великого ежегодно кончали с собой тысячи человек, а в Западной Европе и в середине XIX века это явление носит массовый характер. Тем не менее С.М. Михайлов ответственно подошел к поставленной перед ним проблеме, провел глубокое исследование. Вначале он разоблачил напраслину, выдуманную ради “экзотики” А.А. Фукс и В.А. Сбоевым: якобы чуваш шел во двор своего врага и вешался, чтобы нанести ему “сухую беду – привлечь к суду”. А.А. Фукс и В.А. Сбоеву Михайлов отвечает: “Я таковых примеров в жизни своей не встречал... полагаю, что подобная выдумка изобретена самими же писателями, почерпавшими сведения об инородцах от других лиц, толкующих об них до сего времени неправильно”. Примечательна мысль С.М. Михайлова о том, что такое заблуждение о чувашах между учеными может продолжаться, “если не будет разрешено это обстоятельство природным этнографом этого народа”.

С.М. Михайлов заключает, что случаи самоубийств связаны с социальными причинами: 1) идеологическим состоянием чувашей – их приверженностью к языческим суевериям и влиянию ислама (55 сура Корана); 2) политическим положением чувашей, их колониальным угнетением чиновничеством.

С.М. Михайлов был убежден, что в чувашском мире отсутствует истинное просвещение, широкое распространение получили суеверия, которые поддерживались юмзями. “А большая часть чуваш, – пишет Михайлов, – не знает доселе, для чего созданы храмы господни и в них поставлены служители, а по внушениям своих ворожецов-жрецов думают, что церковь и священники поставлены собственно для притеснения их”. Духовенство не занималось истинным христианским просвещением чувашей. По мнению С.М. Михайлова, “для истребления суеверий, а с тем вместе и самоубийств между инородцами должно принять следующие меры:

1-е. Местное духовенство обязано стараться словом и делом вразумлять им евангельские истины, давать поучения на природном языке инородцев о догматах христианской религии так же, как действуют в их отношении священники села Чермышева Михаил Кроковский и села Ишак Александр Кречетников и Василий Громов (ныне уволенный), у которых подобных поучений весьма довольно. Толковать им, что значит церковь и ее служители, вразумлять им, что у нас сам Великий Государь, которого чувашаи давно боготворят, старается просвятить все народы и сделать их истинными христианами, так, чтобы сочетать их в одну семью русскую и что прежние их суеверия есть весьма пагубны, ведущие в гибель в сем и будущем свете и проч.

2-е. Для искоренения ворожецов у чуваш *ёмси*, а у черемис *мужан*, отклоняющих от церквей свой народ, подобно русским раскольникам, духовенство должно преследовать их и предавать суду как обманщиков, на основании существующих узаконений. При сем случае местное начальство должно оказывать духовенству содействие на самом деле, а не на одной бумаге.

3-е. Вместо прежних лжеучений ворожецов, или жрецов, священники обязаны частовременно внушать чувашам и другим инородцам, чтобы они в напастях и других тому подобных горестных случаях не кидались на самоубийство, а прибегали с молитвою к Богу, в особенности в церковь, которая за народ непрестанно молится.

4-е. Вместо нынешних общенародных суеверных молений о хлебе и проч. служить у них в свое время в каждой деревне молебны с водосвящением, на каковой предмет брать из церквей иконы, в особенности чтимые самими инородцами, как-то: Спасителя Божией Матери, Ильи Пророка и Святителя Николая, и когда должно будет совершать молебствия в деревнях, заблаговременно сообщать в сельские правления о сборе народа обоюбого пола, а также и детей, с тем, чтобы при этом случае находились и самые их начальники и писаря, а в потребном случае приглашать и чиновников.

5-е. Вместо ныне совершаемых ими суеверных поминок по умершим родным заставить отправлять поминовения в церквях, по-христиански внушив им, что поминки их сдобными опресноками *хыймалу*, сырниками *чиггыт*, яйцами *сюмарда*, пивом *сыра* и вином *эрегге* нисколько не полезны, а душевредны, так же, как и самоубийства.

6-е. Внушать инородцам, что гражданские законы изданы для охранения благосостояния народа и что всякий может защищать себя в суде, а не давиться понапрасну, и что за маловажные проступки так строго наказывается, как они себе воображают и пугают их писаря и прочие кривотолки и обманщики.

7-е. С учреждения М[инистерства] г[осударственных] и[муществ] открыты в приказах сельские училища для образования инородческих детей. Цель действительно благонамеренна. Но на деле выходит совсем другое: большая часть наставников не занимается как должно своими учениками, другие по целому месяцу не бывают в классах, и даже из них есть такие, что двери училища постоянно находятся на замке. Можно сказать, что они числятся наставниками для одного только жалованья, а ученики приходят в училища для одного вида; и при выборе их из среды чуваш не проходит без притязания: стараются записывать в ученики детей из таких семейств, которых не охотно обучать их, а добровольно желающих учиться грамоте отвергают для соблюдения своих интересов. Утвердительно могу сказать, что писаря, старшины и некоторые из духовенства, вместо прилежания к просвещению

чуваши, стараются как можно продолжать в них закоренелое невежество, дабы они с постепенным образованием не могли перебить им дорогу на пути тунеядства и проч...”.

Если пережитки язычества автор анализирует обстоятельно, то в показе диктата, произвола, взяточничества, вымогательств чиновников ограничивается приведением фактов только из среды волостных и сельских чиновников, заметив: “Не говорю уже здесь о лицах, занимающих высшие инстанции...”. О них писать было небезопасно.

На 25 лет раньше С.М. Михайлова, в 1831 году, более откровенно писал полковник Маслов в донесении шефу жандармов графу Бенкендорфу о положении “инородцев”, населяющих Казанскую губернию.

“Опыты всех времен доказывают, что легче всего управлять народом невежественным, нежели получившим хотя малейшее просвещение истинное и сколько нужно и должно поселянину; на основании сего правила начальствующие чуваши всеми силами способствуют дальнейшему распространению невежества: даже самый благонамеренный исправник есть бесполезный начальник над народом, если он занимается только одной расправой и следственными делами...”

Чувацкий народ до сего времени погружен еще в крайнее невежество, но от природы добр, бескорыстен, миролюбив; сделанная ему малая услуга обязывает его на целую жизнь благодарностью; трудолюбие его доказывается великим количеством вывозимого из пристаней волжского хлеба. С такими качествами народ сей должен бы благоденствовать, если бы не был отдаваем в управление таких начальников, которые не лучшее имеют к нему уважение, как к вьючному скоту. Русский крестьянин никогда бы не дал так себя притеснять, он лучше умел бы объяснить на своем языке о том, что ему нужно; чувашин же есть внутри России иностранец”. Далее Маслов на нескольких страницах приводит множество конкретных фактов вымогательств и взяточничества уездного начальства, фактов о том, “как поступают чиновники с чуваши в случае открывающихся дел, и какие употребляют способы к собиранию с них денег”.

В первом пункте перечисления фактов Маслов как раз приводит случаи в связи с неестественной смертью человека, о чем и пишет С.М. Михайлов в публикуемой статье. Маслов в своем донесении констатирует:

“Случившееся в уезде убийство, скоропостижная смерть или самоубийство чувашенина влечет за собой по общему порядку следствие уголовное.

На следствие приезжает чиновник земской полиции, стряпчий, лекарь, а с ними от 15 до 40 человек – кучеров, дворовых людей, рассыльных, канцелярских служителей и всякой команды.

Корм лошадям и столовое содержание всей толпы производится за счет поселян той деревни, в которую приехали делать следствие, продолжающееся иногда более недели. Пьянство за счет народа, всякого рода своеволие, прихотливые требования приехавших есть первые их требования.

Начинается следствие об убитом, умершем или удавившемся: здесь-то показывается в полном виде нравственность следователя, приехавшего на хлебное дело; осматривают умершего; забирают под караул соседей, его родственников и, в особенности, богатых поселян, перед глазами их приготавливают деревянные колодки для закования кто окажется виновным (то есть ослушников волей судей); а между тем агенты следователей, знающие чувашский язык и набранные по большей части из негодяев мещан цивильских, ядринских, чебоксарских и других, внушают всеми способами мирным поселянам, чтобы они во избежание грозящей беды умилостивили судей, собравши для них по рублю, а иногда по 2 и по 5 рублей с души.

Непонимающие последствий дела следственного, чуваша соглашаются, а если происходят споры, то разве в таком случае, когда видят невозможность в полной мере удовлетворить алчность своих притеснителей. Между тем, когда делаются сборы денег с народа, родственники и соседи убитого или умершего подвергаются всякого рода истязаниям: их сажают в одну или несколько изб, допрашивают и при допросах внушают им неведомые и для самих русских законы: что они должны

смотреть за поведением своего родственника или соседа, должны были предупредить случившиеся с ним последствия, должны были доносить о нем начальству, и как поселяне всех сих обязанностей не исполняли, то, следовательно, они виноваты; их устрашают наказанием, ссылкой в Сибирь, конечным разорением, отправлением в город.

Что тут делать необразованному народу, не знающему, до какой степени простирается над ними власть начальства.

Если не имеют денег на умиловивление судей, то продают свой хлеб, на который тут же готовы и покупщики; если хлеба не достает, то продают дворовую свою скотину, пепелища свои, или идут в кабальскую работу к кому-нибудь на таком условии, чтобы работать до того времени, когда уплатится вся сумма, а уплата не так-то легка тому, кто, обобран будучи, пошел в кабалу.

Наступит время платежа подушных и на земские повинности денег, тогда разоренный бедняк подвергается жестоким телесным наказаниям: присланные от земского суда рассыльные бьют их без милосердия. Приведенный в отчаяние чувашенин отдает себя и детей своих в кабалу из платежа только подушных денег”.

Далее Масло перечисляет другие “способы” обирания чувашей (обычно от одного до пяти рублей с души) уездными чиновниками и писарями: 1) При следствии по поводу драки двух чувашей между собой, угрожая завести уголовное следственное дело; 2) При рекрутском наборе собирали большие суммы выкупа от тех дворов, которые не подлежали набору; “с выбором рекрут начинается сбор рекрутских денег, которых количество всегда бывает вдвое более, чем по закону должно”; “в довершение всех протязаконностей по рекрутской повинности, вместо десяти человек собирают подставных, иногда до 100 человек таких, которые ни почему не подходят под очередь... здесь опять начинается сбор денег с подставных и с народа в пользу судей праведных”; 3) “Случится ли пропажа лошади в каком-либо селении, и понятые, шедши по следам оной, придут в другое селение, к которому хотя след и вел, но пропал. Лошадь не отыскана, но писарь, по введенному

противозаконному обычаю, тотчас собирает от рубля и иногда до пяти рублей с души, за неотвод поселянами следа”; 4) “Ужасное лихоимство поселилось в самом духовенстве. Поступки большей части церковнослужителей с чувашами не лучше писарских и судейских. Для них смерть чувашина, особенно богатого, умершего без исповеди или причастия, есть хлебное дело. За похороны такового покойника берут от 10 до 100 рублей...”; 5) “Свадьба у чуваш есть также источник доходов судейских и священнических”: ими делались поборы за мнимое родство между бракосочетающимися, за совершение брака по языческому обряду и т. п. “нарушения”; 6) Невообразимые поборы делали с чувашей лесники за отпуск строевого леса и дров, огромной суммы взятки брали они с промышленников за порубки лесных участков по очень низкой цене и т. д.” [54].

По мнению С.М. Михайлова, “местные власти должны поступать в отношении инородцев:

1-е. На должности голов и писарей выбирать людей с хорошими качествами, а не испорченной нравственности, какие большею частию ныне занимают эти должности.

2-е. Так как все жалобы от обывателей поступают начально в сельские и волостные управления, то стараться удовлетворять их вполне, виновных не скрывать, а предавать суду и наказывать на мирских сходках.

3-е. Обращаться с инородцами благоразумно, поставив себя примером, с ними не пьянствовать и их не притеснять и не обманывать на каждом шагу, а, напротив, стараться сколь возможно привлекать от них к себе доверие и тем заслужить уважение народа, а не так, чтобы они почитали начальников за врагов.

4-е. Стараться о водворении между ними добрых нравов и всякую вражду или ссору прекращать миролюбием, а так называемых коштанов и ябедников, живущих за счет ближнего и обманывающих, постепенно выводить в общество.

5-е. Примерных к хозяйству или ремеслу поощрять по правилам, а отличающихся по службе и образованных представлять к приличным наградам, ибо между инородцами

одни только татары имеют награды, тогда как довольно отличающихся по службе из чуваш и других племен.

6-е. Внушить инородцам все законные правила, издаваемые касательно их благосостояния и преимущества, а не скрывать их от народа.

7-е. Бедным оказывать вспомоществование, выдавая в ссуду из магазинов хлеб и из мирского капитала денег по правилам.

8-е. Духовенству в потребных случаях оказывать должное содействие и самим властям заботиться более всего, чтобы инородцы ходили в церковь, совершали молебствия в нужных случаях, ворожеев-жрецов своих не слушали, которых стараться преследовать и предавать суду как обманщиков.

9-е. Так как между инородцами людей, подобно русским знахарям, вылечивающих удачно домашними лекарствами всякие болезни, встречаются очень редко, то внушить им и наблюдать, чтобы они в болезнях обращались с требованием пособия к уездным врачам, а сим последним поставить в неперемнную обязанность, чтобы они не отказывались пользоваться больных инородцев и за лекарства не брали непомерную цену.

10-е. Хотя молодое поколение имеет презрение к удавившимся, но однако ж и до сего времени хоронят их так же, как и умерших натуральной смертью, т. е. снаряжают покойника по древнему своему обычаю во все праздничное платье и кладут с ним все принадлежности: если был торговец, то кладут с ним и счета, и немного денег; если был мастеровой, то – некоторые инструменты; если курил трубку, то – и трубку, и табак с огнивом и кремнем; если был пузырьник (музыкант), то – и пузырь; словом, – все предметы по образу жизни умершего, дабы он в будущем свете не нуждался в необходимых ему вещах, полагая, по своему суеверию, что блаженная жизнь состоит в чувственных наслаждениях. Посему необходимо должно трупы самоубийц, не предавая земле, сжигать на больших кострах. Эта мера весьма могла бы подействовать на воображение инородцев, которые тогда стали бы мыслить, что самоубийца лишился всякого наслаждения с уничтожением его тела. Но если правительству невозможно будет допустить

таковых мер, то по крайней мере трупы самоубийц хоронить, в знак посрамления, в местах презренных, с накладыванием на могилы их в большом количестве каменного мусора”.

Приведенные рекомендации по искоренению среди чувашей невежества и суеверий, приобщению их к христианской идеологии, по преодолению произвола, беззакония, вымогательств, беспредела чиновничества среди них С.М. Михайлов разработал с учетом всех фактов, обстоятельств политического, социально-экономического положения чувашского народа.

Как видим, в первом, идеологическом, блоке рекомендаций автор предлагает семь мер, среди которых важнейшей является проповедь, пропаганда христианского учения на родном языке “инородцев” и развитие школьного образования (следует полагать, что С.М. Михайлов стоял и за начальное обучение в школах на родном языке). В этом отношении он предвосхитил Н.И. Ильминского и И.Я. Яковлева. Спиридона Михайловича следует признать первым чувашским просветителем.

Во втором, политическом, блоке рекомендаций автор выдвинул десять мер, среди которых первостепенное значение имеют требования установления справедливого управления чувашами морально чистоплотными чиновниками, “заслужившими уважение от народа, а не так, чтобы они почитали начальников за врагов”, подъема сельского хозяйства и ремесел среди чувашей, оказания материальной помощи бедноте, оказания медицинской помощи населению врачами.

В черновике написанного в 1856-1857 годах труда С.М. Михайлова “Историко-этнографический очерк быта чуваш. Общее заключение о чувашах” (оригинал рукописи указанного труда утерян) читаем: “С учреждением Министерства государственных имуществ в чувашских селах открыты приходские училища, которых в каждом уезде находится от 5 до 10... Цель образования в них чувашлят состоит в том, чтобы развить между этим народом грамотность, а расторопнейших мальчиков приготовить на должности волостных и сельских писарей, занимаемые обыкновенно русскими” (190, 382). Лет через 15 после С.М. Михайлова к аналогичным выводам пришел

В.В. Берви-Флеровский. В своей книге “Положение рабочего класса в России” он писал: “Между тем, что может быть справедливее мысли, что мордвин, чуваш или татарин, который платит такие же подати и отправляет такие же повинности, должен был бы пользоваться теми же самыми удобствами со стороны администрации. Будет совершенно справедливо, если им будут управлять люди, знакомые с его языком и с его бытом, если он будет подавать бумаги на своем языке и если прямо к нему относящиеся бумаги будут на этом же его родном языке... Если в Ядринском уезде 110347 чуваш и всего 6607 человек всех других национальностей, то неужели произошло бы что-нибудь другое, кроме пользы и справедливости, от того, что местное начальство уезда состояло бы исключительно из образованных чуваш? Чуваша эти послужили бы могучим орудием для уничтожения предрассудков, разделяющих чуваш и русских, показали бы нам хорошие стороны этой национальности, а своих отучили бы дичиться”. Между прочим, примечательно и замечание В.В. Берви-Флеровского об уровне смертности среди чувашей в 60-х годах XIX века: “В Казанской губернии чуваша – самые лучшие сельские хозяева, между ними самая благоприятная смертность – признак их трудолюбия и их порядочности” [55].

В 1856 году С.М. Михайловым была направлена в Российскую академию наук рукопись под названием “Древние тамги у чуваш” [56]. Но она до сих пор не выявлена.

В том же году, как уже указывалось в I главе, Михайлов был утвержден членом-корреспондентом Казанского губернского статистического комитета. Многие свои научные труды он направляет теперь в этот комитет, по представлению которого их печатают в газете “Казанские губернские ведомости”.

Статья “Село Ишаки в Козьмодемьянском уезде” была опубликована в этой газете в 1857 году в №№ 10, 11, 12, часть неофициальная, за подписью “Член-корреспондент Казанского губернского статистического комитета С. Михайлов”. Село Ишаки, указывает автор, расположено на высоком мысу, который с востока окаймлен Байзаринскою корабельною рощею и перелесками Чашмою и Кармарбось, а с северо-запада и юго-

запада омывается рекой Онгой (Унгой). На ней построено немало мельниц на два и на три постава, “содержимых преимущественно чебоксарскими и другими горожанами, производящими здесь закуп и размол хлеба по подрядам первостатейных купцов и торговцев”.

Здесьняя местность очень живописна. Река Онга кольцом вьется под самым селом, и у мельницы образует обширный бассейн воды, обсаженный с обеих сторон тальниковыми кустами. За рекою тянутся зеленые луга, покрываемые весною разливом воды; а далее, на нагорных возвышениях, между чувашскими селениями, расстилаются бархатные нивы. “В Байсаринской корабельной роще, от Ишак верстах в трех, водятся одни только зайцы. Прежде, когда существовали дремучие леса, водились лисицы и куницы, которыми чуваша дарили татарских ханов и продавали закупщикам, но с уничтожением лесов не стало ни зверей, ни птиц... Волки же частенько появляются...”

Река Онга изобилует рыбою: небольшими окуньками, линиями, карасями, пескарями и гольцами. Вся эта рыба ловится жителями только летом, ботальными сетями и бреднями единственно для домашнего употребления. В старину в ишаковских околodках много находилось особых карасиных прудов, но с истреблением лесов сочная вода иссякла, и пруды эти пересохли... Весною, когда мельницы бывают спущены, разливается она (река Онга. – В.Д.) по лугам обширно... Теперь через нее... строится уже обширный и прекрасный мост ценою в 225 руб. серебром, который скоро будет кончен”.

Село “представляет группу строений с величественною церковью и с двумя рощами, одною в самом селе и другою позади оногo к юго-востоку”.

“Первый прародитель ишаковских чуваш был Ижек, правильнее с чувашского языка Ыжек, живший, по вероятной догадке, еще около XIII или XIV века, о котором между нынешними потомками его сохранилось довольно живое предание, что он использовал магометанскую веру, имел у себя несколько жен и слыл в свое время важным наездником. Надобно полагать, что Ижек, если не был природный татарин, то

переменил свою языческую веру на магометанскую, вероятно, в угождение хану Узбеку (правил Золотой Ордой в 1312-1342 годах. – В.Д.), который в XIV веке вводил исламизм между татарами, а его подчиненные, подражая ему, может быть, усиливались распространить ислам и между чувашами. По некоторым преданиям чувашских старожилов известно, что на границе Вятской губернии у медеплавильных заводов, между реками Тоймою и Умяком, будто бы есть урочище Ижек Пелгии, то есть “знак поминок Ижека”... В числе последователей и последовательниц ислама в Булгаре и его окрестностях довольно встречается чувашских имен, как-то Айдаш, Байбулат, Байгул, Иштарак, Байтарак и другие. Ныне подобные названия имеют чувашские деревни... Посему нельзя ли предположить, что прежде жительство Ижека было около реки Тоймы, не без причин же, по преданиям чуваш, связано с именем его урочище Ижек Пелгии, откуда впоследствии мог он переселиться сюда”.

“От Ижека произошли потомки: Али, Байзар, Котяк и Тоганаш, жившие в XV, XVI и XVII столетиях, как это видно из имеющихся у меня старинных бумаг (автор имеет в виду спорное дело о земле между деревнями Хоракас и Оринино. – В.Д.). Ныне по ним называются деревни 1-я и 2-я Алины, Котяково и Тоганашево, находящиеся в окрестностях села Ишак. В старину до 1760 года и самое село Ишаки называлось Алино... ныне же оно пишется в официальных бумагах Сретенское, Байзарино тож, по прежнему после Ижека родовичу Байзару. Но у чуваш все означенные деревни имеют общее название Ижек, как происшедшие от одного родоначальника Ижека”.

“Первый священник в Ишаках был Федор Лукин, поселившийся здесь с диаконом и двумя причетниками в 1746 году, которые и составляли село из четырех дворов да мукомольной мельницы под горою на реке Онге, бывшей исстари в содержании у чебоксарского купца Микулина; а первая деревянная церковь во имя Сретения господня отстроена в 1748 году, то есть в год окончательного принятия св. крещения здешними чувашами и черемисами. С поселением сюда христианского духовенства первобытные жители, чувашаи, не любящие прилива постороннего народа, удалились за овраг и

составили отдельный околосок Кюдюк-сирма (“коротенький овраг”). После этого 1751 год ознаменовался здесь важным для новопросвещенных народов событием: это было обретение образа Святителя и Чудотворца Николая. В городе Чебоксарах, в уезде которого состояло в старину село Ишаки, в одном старинном синодике, хранящемся в Покровской церкви, сказано об этом событии: “1751 года в селе Ишаках найден образ, начертан на камени черном, изображен на двух сторонах, а именно: архистратига Михаила, Василия Великаго и на другой стороне угодника Николая Чудотворца – во время оранья земли, из чуваш новокрещеным, кой и отдал священнику Федору Лукину. А по набдении того образа, начали в 1754 году строить каменную церковь тцанием чебоксарского купца Данилы Иванова сына Микулина: ибо он, Микулин, под тем селом содержал мельницу”. С этого времени село Ишаки постепенно становилось благоустроеннее”.

Каменная церковь купцом Микулиным отстроена в 1760 году. Деревянные переходы соединяли ее с старой деревянной колокольней. Под горою, близ мельницы, над чистым ключом, была устроена часовня в виде домика. В это время было здесь около 10 домов. С этого времени сюда стали собираться на богомолье толпы русских, как горожан, так и сельчан, и приносить значительные дары и вклады. “Но новопросвещенные чуваша колебались в религии и имели к своему духовенству неприязненные отношения”. В 1774 году священнику И. Филиппову едва удалось скрыться от пугачевцев и спрятаться в Чашминском лесу. В 1780 году в селе было около 15 домов: был прибавлен третий штат священно-церковнослужителей. Было выстроено 20 келий, которые занимали вдовы-сироты... Намеревались открыть женскую обитель, но открытия не состоялось. В 1780 же году были учреждены в Ишаках питейный дом и базар (по субботам). Пожар в 1793 году истребил все селение, кроме церкви. В 1797 году мукомольная мельница перестроена в лесопильную. Открыт особый торг, вроде ярмарки, с 8 по 10 мая. В 1820 году определен протоиерей – до 1832 года, когда были оставлены три рядовых священника с двумя диаконами и четырьмя

причетниками. С утверждением на сельские приходы штатов оставлено два священника с одним диаконом и двумя причетниками. Таков состав духовенства и в 1856 году. В селе уже 25 домов. Автор дает подробное описание церкви (180). Колокольня была выстроена позднее строительства каменной церкви. Бывший священник В.П. Громов вел проповедь на чувашском языке. Это продолжает первенствующий священник А.А. Кречетников.

“Трехпоставная казенная мельница, обращенная из лесопильной опять в мукомольную, находится в содержании из оброка по 120 руб. серебром в год в пользу казны”. В дачах села Ишак находятся обывательские мельницы: одна на два постава (оброк 57 руб. в год), две однопоставные (оброк 20 руб. 96 коп. и 12 руб. 54 коп. серебром в год). Есть еще 6 незначительных обывательских мельниц не в окладе.

“Базарная площадь отведена позади села, на которой для торговцев устроены в два ряда, параллельно, плетневые лавки, крытые соломой, какие существуют почти на всех чувашских базарах”. В стороне от лавок находится новый питейный дом. В день Святителя Николая, 9 мая, на ярмарку собирается 3000-4000 человек, приезжают торговцы из Чебоксар и Цивильска. На ярмарку приезжают не только чувашаи и марийцы, но и русские из разных уездов. “В прошлую весну 9 мая, – вспоминает Спиридон Михайлович, – бывши в Ишаках, отправился после божественной литургии на ... ярмарку. Ярмарка была во всем блеске и величии: чувашские торговцы торговали в плетневых лавках разным бисером, нохратками, тесьмами и другими вещами для нарядов; а русские, в раскинутых палатках — шелковыми и бумажными товарами и фруктами; разноплеменного народа было довольно: встречались мне и мордва, и черемиса, и низовые чувашаи с своими женами и дочерьми, разодетыми в разные бисерные наряды, с серебряными на голове *тохьями* вроде татарских тюбетеек. Окруженный всем этим народом, я воображал себя перенесенным во дни булгарские, и, не знаю от чего-то, мне было и грустно, и отрадно”.

Село Ишаки в административном отношении состоит в Первопихтулинской волости в ведомстве Первопихтулинского сельского управления. По 9-й ревизии 1850-1851 годов в селе состоит государственных крестьян 277 мужчин, 322 женщины, всего 599 душ. Дворов у них 101. Жители все почти чуваши, русских крестьян не более 25 душ обоего пола. Они происходят от чувашей Халапсиных, служащих писарями. Чуваша живут в четырех отдельных околотках: Кидюк сирма, Хора сирма, Шибачев, Кармарбось. Селу принадлежали земли: усадебной 12 десятин 2069 кв. сажен, пахотной 878 десятин 834 кв. сажени, сенокосной 127 десятин 1874 кв. сажени, лесной 20 десятин, неудобной 10 десятин 786 кв. сажен, всего 1049 десятин 763 кв. сажени. Пахотной земли приходится на каждую мужскую душу по 3,25 десятины, сенокосной – менее чем полдесятины. Чуваша здешние сеют только рожь, ячмень и овес. Самые хорошие урожаи: озимого – сам 4-5, ярового – сам 5-6. Чаше бывают скудные урожаи по причине гористости местности, устарелости почвы, требующей тщательного удобрения.

Скотоводство, по ограниченности земельных угодий, стоит на самой низкой ступени. Самый хороший мужик держит не более трех лошадей, столько же рогатого скота и до 15 голов овец; у бедных найдется не более одной лошади. Хозяйство у ишаковских чуваш, как мы уже сказали, в незавидном положении. В старину, когда были здесь огромные леса, довольно находилось пчельников... Хмель понемногу разводится на продажу и для домашнего обихода. Хорошо было бы, если б здешние чуваша принялись за садоводство, чему весьма способствует гористая местность.

В дровах здесь тоже большой недостаток, за ними ездят в заволжские леса за 25 верст. Многие из ишаковских чувашей в 1833 и 1834 годах переселились навсегда в Оренбургскую губернию... "Переселились тогда многие жители и из других окрестных деревень, по случаю бывшего здесь сильного голода... для насущного пропитания... Жители продавали последние свои пожитки и толпами бродили нищие... Дряхлые и увечные, а также круглые малолетние сироты ежедневно толкуются в рубищах около знаменитого своего храма,

испрашивая у богомольцев милостыню. В воскресенье и другие праздничные дни можно застать здесь, у церкви, нищих до 25 и более человек всякого пола и возраста, вымаливающих подавание на двух диалектах: у русских – по-русски, а у чуваш – по-чувашски”.

“В Ишаках 6 постоянных дворов, из них 4 русских и 2 чувашских. Русские дома от постоя и проданных калачей и других съестных припасов получают дохода в год до 200 руб. на дом, а чувашские – до 100 руб. серебром. Ремесленников здесь находится: 1 кузнец, 1 столяр, 1 стекольщик, 2 шубника, 1 портной, 1 сапожник, 1 переплетчик книг; из торговцев: 1 мясник, 2 рыболова, 1 квасник, 1 огородница, 2 торговца съестными припасами и 9 калашников. Все они из местных жителей, кроме кузнеца и шубников”.

После хлебопашества у ишаковских чуваш так же, как и всех прочих Козьмодемьянского округа, главный единственный промысел составляет бурлачество; на эту работу, кроме стариков и малых детей, уходят почти все. Нанявшиеся, получив от хозяев задаточные деньги, употребляют их на уплату государственных податей за 1-ю половину года; а за 2-ю половину уплачивают через заготовленные для промышленников дрова из заволжских лесов... Безлошадные бобыли-чуваша скитаются в работниках: либо живут у мельничных содержателей около села Ишак, либо в городе Чебоксарах, единственной резиденции всех чуваш здешнего края”. “... Из граждан чебоксарских много таких, которые сами происходят из чуваш... ныне из чуваш довольно и купцов, и расторопных людей, возьмем, в пример, дом чебоксарских Ефремовых, тетюшских Оливановых, Алексея Кузьмина, покойный сын которого Герасим был воспитанник Казанской гимназии, также Алексея Никонова Добромыслова, моего товарища, и всех тех, которых нельзя перечислить”. Из ишаковских чувашей, занимавшихся торгово-промышленной деятельностью, некоторые вышли из своих околodков и переселились в село. Двое из них женились на русских. У одного из них, “человека смышленного и достаточного”, дед был моряк-герой, служил при Екатерине II, имел Кагульскую, Очаковскую и Чесменскую

длинные четырехугольные медали – медали за участие в сражениях Русско-турецкой войны 1768-1774 годов на реке Кагул, под Очаковым и в Чесменской бухте. Внук его совершенно обрусел, несколько лет служил церковным старостой, женился на русской, но она преждевременно скончалась, в другой раз женился уже “не на русской, а на чувашской красавице, оправдываясь тем, что при русской жене он будто бы ни в чем не имел удачи”. Отец его Яким, человек религиозный и умный, пожертвовал на колокол ишаковской колокольни 50 руб. серебром. “В прежние года, когда еще чуваша хромали на обе ноги, в церковные старосты были выбираемы преимущественно из обрусевших ишаковских крестьян – Халапсиных, но их служение оканчивалось обыкновенно не очень благоприятно: одни поступали в рекруты, а другие или поражаемы были нечаянною смертью, или разорялись вконец, от неведомых мне причин. Это сушая правда”.

“Не одни только мужики из ишаковских чуваш тороваты: есть и из женщин их порядочные молодичицы”. Так, в Ишаках 9 мая 1856 года С.М. Михайлов был приглашен “почтеннейшим ...гражданином К.А. на его [летнюю] квартиру; он помещался у одного чувашина в чистеньком амбарушке. Хозяйка дома, молодая брюнетка, явившись к нам, стала подметать пол, извиняясь чисто-начисто по-русски: “Ах! Извините, что у меня не совсем убрано”. Я удивился твердому русскому говору чувашской женщины. Оказалось, по моим расспросам, что эта ловкая черноокая чувашка в девицах несколько времени жила в стряпках на мельнице у одного русского купца и ходила в русских сарафанах с целью выйти за русского молодца; но, к несчастью ее, присватался к ней чернобровый молодец-чувашин, теперешний ее муж. Тогда она, получив от хозяина своего в подарок чувашские серебряные наряды: шульгамы, хошпу и прочее, раздумала быть русскою женою. Теперь она ходит совершенно по-чувашски, но готовить по-русски кушанья мастерица, подала она нам своей стряпни пирог с рыбой из крупчатки, приготовленный для дорогого своего гостя господина З...ва, поставила по его приказанию самовар и за чаем

много со мною шутила, перекидываясь на чувашском языке разными остротами и каламбурами”.

“В недавние годы, – пишет Михайлов, – существовало в Ишаках приходское училище для воспитания инородческих детей, но, к сожалению, ныне оно закрыто, а в прочих селах, как-то: Акрамово, Ильинской пустыни, Кожвашах и Чермышеве существуют подобные училища до сего времени. Между тем здесь непременно следовало бы быть училищу. Село Ишаки лежит на восточной стороне Козьмодемьянского уезда, а село Чермышево-Еласы – на западной; в первом находится священником славный чувашский проповедник А.А. Кречетников, а во втором – проповедник горных черемис, отец благочинный М.С. Кроковский; с возобновлением в Ишаках приходского училища один из них просвещал бы на востоке чуваш, а другой на западе – черемис”. Известный венгерский языковед Антол Регули (1819-1859) в 1843-1846 годах путешествовал по Поволжью, Приуралью, Северу и Сибири с целью исследования языка и быта угро-финских и тюркских народов, дважды, в 1843 и 1846 годах, вел филологические исследования в Чувашии, побывал в Ишаках. Его исследования чувашского языка и чувашского текста изданы Й. Буденцом в Будапеште в 1863 году. “В прошлом, 1856, году, – пишет Михайлов, – посетил Ишаки кандидат Александровского университета из племени финнов А.Э. Аלקвист, оставивший во мне глубокие чувства благодарности по его высокой добродетели”. Август Энгельберт Аלקвист (1826-1889) – финский лингвист, профессор финского языка и литературы в Гельсингфорском университете, в течение трех лет изучал народы Поволжья и Приуралья, консультировался у С.М. Михайлова, опубликовал статьи о чувашском языке, создал рукописные русско-чувашский и чувашско-иведский словари (174-189).

В №№ 17, 18 “Казанских губернских ведомостей” 1857 года С.М. Михайлов публикует статью “О ярмарках в Козьмодемьянском уезде в 1856 году и о ценах на привозные товары в г. Козьмодемьянске”. В статье указывается, что в уезде существуют две ярмарки: первая в г. Козьмодемьянске,

открыта в 1847 году под названием Никольской, собирается два раза в году: с 1 по 16 мая и с 1 по 11 декабря, другая в селе Покровском-Большой Юнге, с 1 по 5 октября, открыта в 1825 году под названием Покровской, с которой доходы поступают местной приходской церкви. На Никольскую ярмарку в мае было привезено товаров на 17110 руб., продано на 2008 руб.; в декабре привезено на 12130 руб., продано на 1400 руб. В 1856 году оборот торговли на ней, против 1855 года, был менее: в привозе на 3020 руб., в продаже на 712 руб.

О Покровской ярмарке 1854 года С.М. Михайловым публиковалась статья. В новой статье анализируются данные 1856 года. Если в 1855 году на эту ярмарку было привезено товаров на 80000 руб. и продано на 6000 руб. серебром, то в 1856 году эти показатели составили соответственно 64110 и 9798 руб. серебром. Состав товаров тот же, что и в 1854 году (см. выше). Ценность этой статьи заключается в том, что приведены ярмарочные цены 1856 года на все виды товаров. Колебания цен можно исследовать в сравнении за ряд лет большого периода. Невозможно не цитировать абзац статьи, написанный мудрым, думающим ученым и помогающий понять закон стоимости: “Цены на жизненные припасы, как и на все прочие товары, ныне почти вдвое дороже против прошлых лет. Причина этого – повсеместный скудный урожай хлеба и значительная закупь оптовыми торговцами, в особенности сала и подобных продуктов. Цены на говядину в Козьмодемьянске возвысились по случаю скотских падежей, бывших несколько лет сряду. Но нельзя не сказать, что кроме этих внешних, или физических, причин, есть причины нравственные, которые скрываются в самом характере нашей торговли, а этот характер составляет барышничанье, стачка и монополия. Привожу один пример: пред Рождеством привезено было из Яранского уезда Вятской губернии тамошними крестьянами значительное количество говядины, и они начинали продавать ее на здешнем базаре по 71,5 коп. серебром за пуд; цена самая умеренная и доступная для бедняков. Но здешние мясники скупили ее у яранских мужиков всю и продавали в том же самом Козьмодемьянске по 1 руб. 14,25 коп. серебром за пуд!

Подобные проделки бывают не в одном Козьмодемьянске и не между мясниками только. Например, везут чуваши, положим, в Чебоксары хлеб. Какой-нибудь монополист, хлебный закупщик, желая забрать в свои руки весь этот хлеб, ставит на дороге, далеко за городом, особую стражу из своих верных служителей, которые, встречая и останавливая мирных чувашей с возами хлеба, влекут их к своему хозяину, уверяя и клянясь, что такой выгодной цены, как их благодетель-хозяин, никто им не даст, а чувашину чего больше желать? Он рад сбыть хлеб таким *досам* (друзьям), которые их встречают с низкими поклонами да дают на трубку махорки... Само собою разумеется, что хлеб у чуваш скупается за самую низкую цену, а потом богатый капиталист втридорога продает его беднякам-горожанам. По нашему простому разумению, дело выходит не совсем хорошо, но с другой стороны, почему же в мутной воде не ловить рыбу? Подобные явления, если взглянуть на них строгими глазами моралиста, возбуждают в уме очень грустные размышления..." (194-200).

8 июля 1857 года в "Казанских губернских ведомостях" под рубрикой "Местные известия" было напечатано сообщение С.М. Михайлова о вступлении в Козьмодемьянск 26 июня на постоянные квартиры 4-го резервного батальона Охотского пехотного полка. Севастопольские герои были встречены городскими властями и горожанами торжественно. После приветствий и молебна солдатам предложили по чарке водки и по калачу. "После такого радушного приема солдаты весело разошлись по квартирам, в надежде найти себе приют после жарких битв и дальнего похода" [57].

В июле же "Казанские губернские ведомости" вышли со статьей С.М. Михайлова "**Масленица у горных черемис Казанской губернии**". В начале статьи автор указывает, что быт горных марийцев, которых в Козьмодемьянском уезде в 1857 году 13373 мужчины и 15012 женщин, до сего времени подробно не исследован. По мнению автора, горные марийцы "проводят праздники лучше, нежели чуваши: они и в моральном, и в физическом отношении превзошли их. Горный черемисин и живет почище, и в пище разборчивее; сам он

строен, проворен и предприимчив. О религии имеют они довольно здравые понятия”.

Как у чувашей, так и у горных марийцев, отмечает С.М. Михайлов, пиво в общем употреблении. Марийцы готовят свою брагу не в чанах, как чувашаи, а в колодах, и затирают холодной водою, отчего марийская брага очень слаба и может служить только средством очищения желудка, засоренного во время масленицы. “У чуваш брага очень крепка: выпьешь ковша три и остолбенеешь. Зато горные черемисы покупают в праздники довольно много вина и даже других напитков: кизлярской водки, кабацкого рому и белого столового вина, в особенности люди зажиточные и торговые. Чувашаи на масленице, так же как и в другие годовые праздники, ездят к своим приятелям и родственникам с бочонком своей хмельной браги, с сырниками из творога и ячменными маслеными хлебцами *сюггю* ... а черемисы ездят более с вином, с большими пряниками и вкусными пшеничными маслеными же хлебцами *сятла-кинда*, или *салма-кинда*, *костеначь* (гостинцы), которые укладываются, как у тех, так и у других, в кожаные сумки – по чувашски *такмак*, а по-черемисски *тапнак*. На масленице чувашская молодежь катается с гор и разъезжает с колокольчиками по своим родным, а у горных черемис, кроме таких катаний, бывают еще, на известных местах, особенные общенародные каталища. Об этом, о местах проведения каталищ и повествует автор в статье.

Каталища на масленице у горных марийцев ведутся с незапамятных времен. Вероятно, было славянское влияние. В последнее воскресенье перед сырной неделей (в заговенье) горные марийцы со всего уезда собираются на трех пунктах: в селениях Чермышево-Еласово, Кузнецово и Малый Сундырь – и здесь общим катанием встречают масленицу. Эти селения, по-видимому, имели исторические заслуги.

В селе Чермышево-Еласово по 9-й ревизии 1850-1851 годов считалось марийцев 1086 душ обоего пола. В 1685 году в числе челобитчиков из этой местности был Султан Макар. Ныне близ села Чермышево есть дача Макарова пустошь – грозная киреметь. Князек Макар играл, наверное, немаловажную роль в

жизни марийцев и чувашей. Они делают ему жертвоприношения.

В селе Кузнецово и съединенных с ним деревнях, просто Кузнецовой и Малой Кузнецовой, числится обоего пола 1522 души. Деревни Кузнецовы по-марийски называются *Пизикнур*. *Пизик*, вероятно, их родоначальник, *нур* “поле”. Кузнецовыми эти деревни называли потому, что в их дачах, отдельною слободою, живут русские крестьяне, занимающиеся кузнечным и другими ремеслами. Недалеко от Кузнецовых деревень, в устье реки Сундырки, впадающей в Волгу, находится местность, называемая Торговицкой ватагой. По мнению автора, “еще в эпоху цветущего состояния Булгар существовала здесь ярмарка”. Каталище происходит недалеко от ватаги на реке Сундырке.

В селе Малый Сундырь, называемом и Аккозино, по имени старинного марийского сотника Аккози, числится 919 душ обоего пола. На высокой и обширной Сундырской горе, при подошве которой расположено село Малый Сундырь, “во времена владычества татар существовала приволжская крепость, признаком которой остался ныне осыпавшийся земляной вал со рвом. По преданиям черемисских старожил, с этого укрепления неприятель тревожил московских воинов, шедших на Казань по Волге. По всей вероятности, здесь же разбит был в 1524 году князь Палецкий”.

По мнению автора, эти селения представляют большое удобство для общенародного гулянья: тут есть и питейные дома и много живет русских, “имеющих задушевные приязни с горными черемисами”.

На каталища в Малом Сундыре горные марийцы собирались в день заговенья. Туда же ехал корреспондент Спиридон Михайлович. Вот как описывает он свои наблюдения: “Дорогою частенько мне попадались молодые черемисы, ехавшие в гости к родственникам с хорошенькими своими женами, разряженными как маков цвет. Они одеты были в зеленые тонкого сукна кафтанчики, подпоясанные широкими шелковыми вязаными поясами с серебряными наконечниками. Грудь украшалась блестящими серебряными широкими *шалкамами*, унизанными

кругом бисером и шелегами, вместо фартуков подвязаны были широкие ярких цветов шелковые платки, на головах маленькие плисовые и полубархатные, красные и зеленые шапки очень красивого фасона, с крымскими или мерлушчатými околышами, убранные по верху лентами. На шее висело множество серебряных и оловянных крестов, выпущенных наружу в виде ожерелья, также цепочек и разных лент. Мужья их, одетые в белые кафтаны или дубленые полушубки с разными вычурными нашивками и в шапках набекрень, сидели рядом с женами и бодро правили своим конем, запряженным в раскрашенные легонькие санки, вроде городских. Упряжь на лошадях была прекрасная, с медным набором и бубенчиками, дуги раскрашенные и высокие. В таком убранстве горный черемисин гордо, с какою-то важностью смотрел на встречного человека в русской одежде; но я, поникнув долу, думал только о том, как бы скорее увидеть лицом к лицу черемисскую масляную масленицу, которую они величают по-своему *юу-арня*, то есть “масляная неделя”; по-чувашски: *сю-арни*.

Вот, наконец, я прибыл в село Малый Сундырь. Здесь на пространной площади раскинуты были уже палатки с пряниками, орехами, конфетами и другими лакомствами, которыми торговали сами горные черемисы, потому что между ними есть даже пряничные мастера, которые умеют хорошо готовить пряники, расписывая их на манер кондитерских... Спустя часа два черемисская масленица была уже во всем блеске. На площади народ разделялся на две части: по правую сторону, около палаток, толпились мужчины, вместе с некоторыми русскими (в числе их был и Михайлов, представившийся, на всякий случай, “поверенным питейного откупа”. — В.Д.). По левую сторону, в параллель мужчинам, длинную густую вереницею стоял, точно в шеренге, нежный пол горных черемис-девиц, с прелестными лоснящимися локонами, разряженных во все свои убранства. Не берусь описывать, какая цветущая красота сияла в этих личиках и с какой самодовольной улыбкой устремлены были их взоры на своих возлюбленных. Посредине, между сими двумя шеренгами, катались черемисские парни на щегольских своих санках, запряженных,

большую часть, парю; на лошадях упряжь была превосходная, и видно было, что всякий старался превзойти в этом других. Сами они были в кафтанах синих суконных или желтых верблюжьих и в дубленых щегольских полушубках. Катаясь под устремленными на них девственными взорами, они пели монотонные свои песни, состоявшие из следующих восклицаний: “Ох! Хо-хо-хо. Ах! Ха-ха-ха. Эт! Хе-хе-хе. Эре! Ре-ре-ре. Ра! Ра-ра-ра”. Должно полагать, что этими междометиями черемисы вполне изображают свои чувства... Катающиеся парни, между своими песнопениями, нередко обращались к многочисленной толпе девиц и просили их принять участие в их гуляниях, предлагая им свои санки. Некоторые из девиц тотчас садились на санки, и тогда молодцы, уступив свои места девицам, садились на козлы или становились на ноги и правили лошадьми, покрикивая “дита!”. А чтобы иметь доступ к сердцам девиц, они дарили их сахарными и одномедными расписанными пряниками, выкидывали свою молодецкую удаль разными каламбурами и остротами и порождая в толпе народа громкий хохот. Таким образом катались они до самой ночи, не затевая никаких ссор, да и пьяных между ними не было заметно, хотя питейный и был, как говорится, только руку подать, и в него довольно-таки входило народу. Наконец, в домах появились огни, и катанье кончилось. Тогда весь черемисский люд, встретивши масленицу на таком широком каталище, стал разъезжаться по своим деревенькам, с песнями, под звоном бубенчиков; а другие остались докатываться в питейном”. В питейном доме автор узнал, что продано было значительное количество хлебного вина, но пьяных было мало. “Иному русскому мужичку, – пишет Михайлов, – с одной десятой, говоря по-питейному, показалось бы и море по колено. Нет, горные черемисы пересиливают наше вино лучше, чем другие нации... Горные черемисы могут пить много, без опьянения, до зела – собственно по своим физическим силам и крепкой натуре. Напротив, чуваша гораздо слабее их, может быть, и потому, что они так коротко не знакомы с крепкими напитками, как черемисы и русские, и больше тянут свою благословенную брагу *сыра*”. По этому

поводу нам хочется заметить, что чувашаи в течение тысячелетий употребляли почти безалкогольный питательный, приготовленный по чувашскому рецепту напиток *сӑра*, от которого никто не становился алкоголиком. За последние 10-15 лет чувашские мужчины и женщины пристрастились к водке. Чувашский организм, как и организм сибирских туземцев, тысячелетиями не привыкший к спиртному напитку, моментально приобретает неудержимую страсть к спиртному, вследствие чего чуваш, как и туземец-сибиряк, быстро становится алкоголиком. Организм европейских, кавказских, южных, да и славянских народов с древних времен привык к виноградным и хлебным спиртным напиткам, и представители этих народов в наши дни очень редко становятся алкоголиками. Чувашиам в настоящее время надо вернуться к употреблению только своего национального напитка *сӑра*, приготовленного по старинному чувашскому рецепту, в противном случае “водкопитие” приведет к исчезновению нации.

На третий день автор для наблюдения за празднованием масленицы поехал к знакомому в марийскую деревню. Хозяина и хозяйку нашел в состоянии похмелья. “На лавках сидели девушки за пряжею и пели песни. Хозяин... тотчас вскочил, как встрепаный, и приказал бойкой своей Анне подавать на стол кушанья... Хозяйка наставила гостю всякой всячины: и пирогов с рыбою, и пшенной масляной каши, и блинов, и нарезала несколько кусков севрюги. Сам хозяин между тем распорядился поставить самовар, и через несколько минут мы уже пили с ним чай. В избе моего приятеля было опрятно, пол вымыт и вместо ковров устлан соломкою. Между тем как будто чутьем узнали о моем приезде его шабры и явились к нему на пир. Хозяин мой беспрестанно таскал из чуланчика простачку и подавал гостям. Когда же в голове у черемис зашумело, они начали затягивать свои волчьи завывания... а немного погодя явился и виртуоз-гуслист, который начал играть русскую “барыню”... Черемисы принялись за пляс – и пошел пир горой!”. Согласилась поплясать одна из девиц: “сделавши раза два книксен, она распростерла свои руки, захватив ими рукава у рубашки, и степенно стала передвигать ножки в красивеньких лапотках,

вздергивая и опуская порою руки. Пляску заключила она тем же книксеном перед хозяевами... Повеселившись довольно, гости отправились, уводя с собою на другой пир и хозяина с женою”.

“Когда я выезжал из деревни, уже во многих домах слышались песни и бряцание гуслей; но драк и ссор не было заметно. Молодежь каталась на лошадях, на салазках и даже на дровнях, на которые садились по несколько человек парней и девок. Скатившись с предлинной натуральной горы, парни толкали девок в снег или бросались им, и все это происходило у них весело, со смехом и хохотом. На гору тащили дровни по очереди, запрягаясь по два и по три человека” (201-209).

Эта статья, как и многие другие, фактически написана С.М. Михайловым как художественный очерк. В ней ярко, впечатлительно обрисовано автором празднование масленицы горными марийцами, показаны отличительные особенности горномарийской масленицы и от русской (хотя ее влияние чувствуется), и от чувашской. Интересно не только само празднование, но и описание праздничной женской и мужской одежды, пищи и напитков, средств передвижения горных марийцев. Впечатлительны взаимоотношения между ними, этикет.

В 1857 же году увидело свет в тех же “Казанских губернских ведомостях” новое произведение Спиридона Михайловича – **“Историко-статистическое описание села Владимирского-Басурманова в Козьмодемьянском уезде”**. Село расположено восточнее Козьмодемьянска (в 7 верстах) по проселочному тракту. Местность живописна. “Начиная от самого города Козьмодемьянска до Торговицкой ватаги (в старину здесь была рыбацкая ватага. – В.Д.) тянутся верст на 20 пространные луга, образовавшиеся по старому руслу Волги, удалившейся от гор в луговую сторону еще в прошлые столетия. Все эти луга перерезаны зеркальными озерами и ручьями и покрыты многими кустарниками и группами дубовых или осокоревых и ветловых деревьев; а по горам, которые тянутся за этими лугами, верстах в пяти и в семи от нынешнего течения Волги, красуются зеленые дубравы до самого села

Владимирского, представляющие прекрасный ландшафт взорам любителей природы”.

Пройдя по пешеходной дороге из Козьмодемьянска во Владимирское-Басурманово, можно увидеть деревянную часовню с пятью миниатюрными главами, за Басурманским дубовым лесом – Басурманский овраг, за ним – каменная часовня, выстроенная столбом. Пройдем мимо старообрядческого кладбища. На одном из восьми горных ключей устроена вроде домика тесовая часовня со входом во внутрь ее. Встречается далее второй подобный ключ, при котором в былые годы существовал поташный завод козьмодемьянских купцов Воробьевых. Тропинка выводит на долинку, где также поставлена часовня в виде домика (в 1820 г.). Поднявшись на крутую и высокую гору и пройдя лесом несколько сажен, выйдем на пахотное поле села Владимирского. В конце поля – покачнувшаяся каменная часовня, устроенная столбом. “Пройдя с четверть версты, мы приходим в село Владимирское, выстроенное в одну улицу с небольшим переулком против церкви”. Село расположено на самой живописной вершине горы. В иные годы во время сильного половодья разлив Волги достигал до подошвы Владимирской горы, “тогда все эти пространные луга и низменные места покрываются водою в длину на 20, а в ширину на 15 верст”. Указывая на речку Обуховку, разделяющую земли села Владимирского от земель горных марийцев, С.М. Михайлов цитирует летописное описание похода новгородских ушкуйников 1374 года. Пограбив Вятку, взяли Болгар, “40 ушкуев поидоша вверх по Волге и, дошедше Обухова, пограбиша все Засурьс и Марьквашь”. Автор высказывает свои предположения по сведениям приведенной цитаты, требующей более основательного анализа.

“Между владимирскими жителями сохранилось довольно живое предание, что царь Иоанн Васильевич Грозный по взятии Казанского царства, возвращаясь в Москву по Волге на судах, останавливался будто бы здесь и на этом бугре давал пир своим полководцам... Оно подтверждается и тем, что гора, находящаяся за речкой Обуховкой, и теперь называется

Ивановскую, вероятно, от имени царя Иоанна Васильевича, так как и город Свияжск сначала назывался Иванградом. Есть предание и между козьмодемьянскими старожилками, что царь Иоанн Васильевич назначил быть Козьмодемьянской крепости во имя святых бессребренников Космы и Дамиана тогда, когда возвращался из Казани в Москву по Волге на судах и имел ночлег на живописном берегу реки Волги, на котором расположен ныне город Козьмодемьянск”.

“Какого происхождения были предки владимирских крестьян, народное предание не объясняет; думают, что это были русские стрельцы, пришедшие из Москвы и служившие покорителю Казани и его преемникам, но из собранных мною старинных документов открывается, что родоначальники нынешних жителей этого села были не русские стрельцы, а инородцы, служившие русским царям со времени покорения Казанского царства и потом принявшие христианство”.

“В выписи из писцовых и межевых книг письма и меры и межевания стольника Кондратия Афанасьевича Загрязского и подьячего Семена Исакова 1685 и 1686 годов упоминается: “Козмодемьянского уезду, Подгороднова стану, село Богородицкое, что была деревня Бусурманская на речке на Обуховке и на ключе, а в том селе церковь во имя Владимирские богородицы деревянна с трапезою об одном верху”. В это время было здесь коренных жителей 21 человек”, в том числе с фамилиями: Тихон и Павел Чораковы, Семен, Иван и Никифор Толмачевы, Прокофий Токарев, Наум Ерышев (у остальных фамилии от православных имен). “Происхождение этих людей из инородцев, – пишет Михайлов, – доказывается уже тем, что они большею частью бесфамильные, а если некоторые из них прозывались Толмачевыми, Чораковыми и Ерышевыми, то весьма сомнительно, чтобы эти фамилии были русского происхождения. По межевой выписи и по грамоте царей Иоанна и Петра Алексеевичей, данной им в 1692 году на владение земляными угодьями... все эти люди названы новокрещенными рейтарского строю: “И ныне били челом нам, великим государем, козьмодемьянские служилые новокрещены рейторскаго строю и городовые службы Семен Семенов

Толмачев (и прочие). Исстари-де деды и отцы их и дядья и братья их нам, великим государем, служили, и они служат ныне по Козмодемьянску рейторскую и городовую службу, а в прошлом де 1650 году письма и меры и межеванья писцов Ивана Франзбекова с товарищи, да 1686 году писца и столника Кондратия Загрязского, да подьячаго Семена Исакова, в Кузмодемьянском уезде в селе Богородицком отведено им пахотной земли и сенных покосов против челобитья дедов и отцов и дядей их, и на ту землю и на сенные покосы даны им выписи”. Далее в грамоте названы они даже дворянами: “и как к вам (то есть воеводе) ся наша великих государей грамота придет, и вы б против челобитья служилых новокрещенов рейторского строю и городской службы дворянам Семену Семенову Толмачеву с товарищи 21 человеку землю своею в Кузмодемьянском уезде, что в селе Богородицком, сту тридцатью двумя четвертми в поле, а в дву по тому же, с полянки и сенными покосы и со всеми угодии, по писцовому перечневому списку 1650 году и по писцовым книгам 1686 году, велели владеть по-прежнему”. Михайлов полагает, что рейтары обращены были в христианство еще во времена Ивана Грозного, а происходили они из марийцев и чувашей, “в чем убеждают названия некоторых урочищ, поименованных в этой выписи: например, поляна Сулаевская могла называться так от прежнего владельца Сулая; грива Тосакова – от Тосака или Тойзака; фамилии Чораковых, Ерышевых, вероятно, происходят от родоначальников Чорака и Ерыша; а относительно фамилии Токаревых заметим, что и ныне за Торговицкою ватагою, в 15 верстах от села Владимирского, есть черемисская деревня Токари, названная так, вероятно, от родоначальника Токара”. Первое жилище новокрещенов – Басурманская деревня – было расположено на Обуховской поляне. Там была построена даже деревянная церковь. Происхождение и судьба Басурманской деревни похожи с происхождением Басурманской слободы в Чебоксарах. Здесь чувашские служилые люди приняли крещение, стали служилыми новокрещенными, были размещены в Басурманской слободе (позднее деревня Новожданово).

С.М. Михайлов, ссылаясь на документы, и в этой статье напоминает, что еще в 1580 году, до основания Козьмодемьянска в 1583 году, на его месте дислоцировались стрельцы. Владимирская икона божией матери, доставленная стрельцами, считалась чудотворной.

“Окрестные горные черемисы, бывшие еще в язычестве, питали сильную вражду к своим соплеменникам, жителям села Владимирского, за то, что обширные и богатые земляные угодья, пожалованные им царскими грамотами, принадлежали прежде язычникам, черемисам. Один из них, Ахпарусовой сотни, деревни Термяшев, Мамка Тяпкеев, подавал об этой земле челобитную государям Петру и Иоанну Алексеевичам в 1690 году и, получив на свою просьбу отказ, “похвалялся смертным убийством владимирских жителей и пожигом их дворов”, о чем было подано на него сими последними челобитье в Козьмодемьянской приказной избе и записано “в архиву”. Напоследок черемисы действительно исполнили свое мщение: в начале XVIII столетия это новокрещенское село вместе с церковью было ими сожжено до основания.

“После этого события, около 1705 года, жители села Владимирского переселились с прежнего жилища на нынешнюю возвышенную местность, для безопасности от враждебных черемис, и испросили дозволение соорудить здесь храм во имя Владимирской божией матери”. Но 21 семейство новокрещенов-рейтар не имело средств на строительство церкви. “Тогда явился благочестивый и ревностный к храмам божиим муж, чебоксарский купец Михаил Игумнов с женою своею Варварою, который изъявил желание построить в селе Владимирском каменную церковь на свое иждивение. Испрося благословление у казанского митрополита Тихона, он заложил две каменные церкви: одну теплую во имя Николая Чудотворца, а другую холодную, с приделом, в честь чудотворной иконы Владимирской божией матери. Теплая церковь освящена в 1712 году, а в 1829 году разобрана, и материал употреблен на постройку каменной колокольни; а холодная с приделом Иоанна Предтечи освящена в 1713 году сентября самим преосвященным митрополитом Тихоном”. Дано обстоятельное описание церкви.

По 9-й ревизии 1850-1851 годов в селе Владимирском 92 мужчины, 118 женщин, живущих в 35 дворах. В начале XVIII века жители из рейтарского сословия переведены в государственные крестьяне. До 30-х годов XIX века крестьяне села писались ландмилицкими, либо однодворческими. Но с 8-й ревизии 1833-1834 годов стали писать их просто казенными крестьянами. Во время рейтарской службы у них было земли 1031 десятина 1723 кв. сажени. Но при переводе их из однодворцев 409 десятин 463 кв. саж. самых лучших угодий, с 1825 года, отошло к жителям Козьмодемьянска. Владимирские крестьяне пытались оспорить свою землю в Палате государственных имуществ, но безуспешно. А купцы и мещане Козьмодемьянска ее не обрабатывают, отдают в наём и получают за нее более 700 руб. серебром в год. “Бедны владимирские крестьяне и от того, что в 1833 году село их почти все сгорело, так что осталось только пять домов и церковь”. В 1856 году у них числится земли: усадебных 150 десятин 152 кв. сажени, пахотных 281 дес., сенокосных 91 дес., лесных 150 дес. 152 кв. саж., неудобных 17 дес. 267 кв. саж., выгонных 6 дес., всего 562 десятины 419 кв. сажени. На каждую душу обоего пола приходится по 2,75 десятины, одной пахотной с небольшим по 1 десятине, а сенокосной не приходится даже и по 0,5 десятины.

Засевают рожь, пшеницу, овес. Из-за суглинистой почвы, требующей обильного удобрения, урожай ржаного хлеба – сам 4-5, яровых – сам 5-6. Намолачивается хлеба в урожайные года на душу до 50, в худшие – до 38 пудов. Крестьяне вынуждены покупать хлеб. Сена ставится на душу в хорошие сенокосы по 35 копен, а в худшие – не более 20. Всего лошадей 40, коров 30, овец 150, свиней 50 голов. Имеются две ничтожные ветряные мельницы. До отрезки земли в озерах были рыбные ловли. “В старину, когда здесь существовали дремучие леса, довольно было пчельников, да и ныне у четырех крестьян насчитывается их до 200 пеньков, от которых получается ежегодно меда от 25 до 50 пудов. Пуд меда стоит от 4 до 5 руб. серебром.

Из владимирских крестьян 3 семейства занимаются кузнечным ремеслом на стороне, одно из них перечисляется в Самарскую губернию.

“Главное занятие крестьян, – замечает Михайлов, – хлебопашество, а за ним – бурлачество на Волге, куда уходят все мужики, кроме старых да малых. Весною добывают они себе копейку на пристанях от грузки дров и других лесных изделий по найму лесопромышленников. Теперешнее их положение самое бедное, и даже есть между ними три семейства безлошадных, равняющихся с бобылями. Вспоминая прежнее их благосостояние и службу их предков великим государям, невольно предаешься грустным размышлениям” (210-226, 384).

В 1856-1857 годах Спиридон Михайлович написал **“Историко-статистическое описание посадов, сел и пристаней на реке Волге в пределах Козьмодемьянского уезда”**. Рукопись, представленная в Казанский губернский статистический комитет, не появилась в печати и исчезла. Сохранилась лишь часть черновой работы” [58].

В 1857 году С.М. Михайлов направил в редакцию “Журнала Министерства внутренних дел” статью **“О зверином промысле чуваш”**, которая не была опубликована и не обнаружена. Содержание статьи вошло в подготовленное Михайловым донесение козьмодемьянского земского исправника казанскому военному губернатору, представленное в конце 1857 года, которое ныне хранится в Национальном архиве Республики Татарстан [59]. А работу **“Историко-статистическое описание Козьмодемьянского уезда”** Михайлов представил полковнику М. Лаптеву, который включил ее в разные разделы своей книги **“Материалы для географии и статистики России. Казанская губерния”** (СПб., 1861), но не указал фамилии автора работы [60].

В 1856-1860 годах С.М. Михайловым был подготовлен крупный труд **“Чуваши: историко-этнографический очерк”** (другое название: **“Историко-этнографический очерк быта чуваш. Общее заключение о чувашах”**). Объемистое исследование состояло из нескольких глав. О судьбе этого наиболее крупного труда чувашского ученого, о его исчезновении сказано в I главе настоящего учебного пособия. Сохранились лишь написанные в 1856-1857 годах черновые наброски этого труда, представляющие большой научный

интерес. Отрывки из них опубликованы в “Трудах” в виде отдельных статей.

В статье “О приходских училищах в чувашских селах” автор показывает большую заинтересованность в распространении грамотности среди чувашей, открытии новых училищ и воспитании учащихся добропорядочными и высоконравственными. С учреждением Министерства государственных имуществ, указывает автор, в чувашских уездах открыты приходские училища, в каждом уезде от 5 до 10. “Цель образования в них чувашлят состоит в том, чтобы развить между этим народом грамотность, а расторопнейших мальчиков приготовить на должности волостных и сельских писарей, занимаемых обыкновенно русскими”. В училищах наставниками определены либо священники, либо вынужденники духовных семинарий. Священники, отвлекаемые разными трудами по приходу, мало занимаются с учащимися. “У наставников семинаристов мальчики учатся очень хорошо”.

Спиридона Михайловича беспокоит то, что после окончания училища опытейшие мальчики поступают в волостные и окружные управления для приучения себя канцелярскому порядку. “Будучи там в полном распоряжении писарей и других старших должностных лиц, они более употребляются на частные домашние занятия, чем на письмоводство, отчего другие мальчики теряют и начатки воспитания, полученные в училищах. Сверх того, находясь под руками неблагонамеренных руководителей, чуждых всякого образования, они портятся и в нравственности: достигши каких-нибудь 16-17 лет, усваивают в себе все те пороки, какие имеют их руководители и прочие окружающие их безнравственные люди. Из инородческих мальчиков весьма редкие выходят в волостные писари, а в других уездах и вовсе их нет, ибо эти должности перебивают русские граждане, составляющие особый класс народа и ведущие свое племя от старинных волостных писарей... А как, по правилам, должны быть писари непременно из государственных крестьян, то эти люди, дабы не иметь препятствия на занятие писарских должностей, переходят из мещан в крестьяне, в особенности в чувашские волости, где,

прослуживши несколько лет писарем и выстроивши себе роскошные дома среди новых своих обывателей, они, наконец, поступают в волостные головы. Таким образом грамотные чувашаи опять остаются чувашами. И если оказываются из них порядочно умеющие писать, то они служат ничтожными писарями в сельских расправах под руководством какого-нибудь русского человека, нанятого на его же счет”. Что значил волостной писарь в чувашском селении – очень хорошо показал В.А. Сбоев в своей книге “Заметки о чувашах”: волостной писарь “был в собственном смысле деспотом в своей волости: налагал поборы, брил лбы, зажал в цепь своего волостного голову, судил, рядил, наказывал, одним словом делал все, что хотел... “Побойся ты Бога, чувашская лопатка”, – восклицает наконец попадья, – ведь это неслыханная цена”. – “Эх, мачка, – отвечает раздосадованный чувашенин, – что Бога бояться, ведь Бог – не писарь” [61].

С.М. Михайлов предлагает улучшить качество преподавания в училищах путем соблюдения действенных присмов и методики обучения, обращая первостепенное внимание на нравственность, духовность, добросовестность в воспитании и обучении. Он разработал проект открытия в чувашских селах Ишаки и Чемеево центральных училищ, где “можно было бы преподавать наук и более того, сколько ныне преподается в обыкновенных приходских училищах”. “В ученики должно записывать таких мальчиков, которые сами желают учиться, а не брать насильственным образом из корыстных видов”, то есть для получения взяток (190-191, 382, 383).

Следует сказать, что в 1857 году С.М. Михайловым была написана статья “О сельских приходских училищах и об успехе учения в них инородческих детей”, представленная им в Русское географическое общество. Оно переслало статью в Министерство народного просвещения, но где-то затерялось.

1858 творческий год С.М. Михайлова открылся публикацией в “Казанских губернских ведомостях” статьи “Село Чемеево в Ядринском уезде”. Село “расположено, – пишет Михайлов, – на долине, склоняющейся к безымянному

ручью, который в летние жары совершенно пересыхает. Кругом селения почти во все стороны идут косогоры, засеваемые хлебом, и на них расположены чувашские околотки, представляющие очень однообразный вид. Только вдали от селения, на северо-западе, красуются остатки вековых дубрав, напоминающие о существовании здесь в старину дремучих лесов”.

“Еще в 1546 году жившие здесь черемисы (в действительности – чуваша. А.М. Курбский в 1552 году писал, что за Сурой – “черемиса горняя, а по их чуваша зовомые, язык (то есть народ. – В.Д.) особый”) изъявили покорность князю Московскому и обещали поголовно помогать ему в действиях против казанцев. С основанием же Свяжска они, вместе с чувашами и мордвою, присягнули на верность России и получили от Иоанна жалованную грамоту, которою освобождались на три года от платежа ясака”.

“Село Чемеево до построения в нем приходской церкви было не что иное, как только чувашский околоток Чемеев, названный так от прародителя их Чемся. Деревня эта в XVII и XVIII столетиях состояла в Чебаковской сотне”.

Чемеево стало селом в середине XVIII века. Автор далее дает переизложение статьи “Описание обретения иконы Святителя и Чудотворца Николая в дачах деревни Юнги-Ядриной Козьмодемьянского уезда в 1777 году”. В селе церковь деревянная, выстроена вместо прежней, тоже деревянной, в 1792 году. Главный храм во имя архистратига Михаила, а теплый придел во имя Святителя и Чудотворца Николая. Храм отремонтирован на скопленные церковные деньги. “Приход здесь исстари двухштатный, в нем ныне два священника, 1 диакон и 3 причетника. В день празднества Святителю Николаю, 9 мая, бывает здесь большое стечение народа и учреждается на один день торг вроде ярмарки, на который приезжают русские и чувашские торговцы из Ядринского, Козьмодемьянского уездов”.

“В селе Чемееве никаких хозяйственных заведений и общественных учреждений нет”. Следовало бы здесь, указывает Михайлов, открыть приходское училище для обучения грамоте

чувашиских детей, “именно потому, что здесь бывает большое стечение иногородцев на богомолье. Мне известно, что чувашские дети в подобных приходах лучше учатся, чем в других обыкновенных селениях, имеющих училища, однако на это доселе не обращается внимания ни со стороны духовенства, ни со стороны местного начальства”.

По 9-й ревизии в селе Чемееве числится государственных крестьян 430 мужчин, 443 женщины, всего 873 души. Дворов у них 124. “Жители все почти чуваша, русских крестьян между ними не более 25 душ обоего пола. Чуваша, по их обычаю, разбиты на семь околодков: Церковный Чемеев, Хозанчин, Ихонкин, Лебедкин, Елховой-Изыкин, Синьял и Ельшиков. Околодки эти раскиданы неподалеку друг от друга и в каждом заключается от 7 до 33 дворов. В самом селе считается не более 12 дворов, из них половина принадлежит духовенству”. Земли Чемеевской общины: усадебной 8 десятин 600 кв. саж., пахотной 1289 дес. 517 кв. саж., сенокосной 142 дес. 1865,25 кв. саж., выгонной 20 дес. 1208,5 кв. саж., всего 2427 десятин 1646,75 кв. сажени. На мужскую душу приходится пахотной земли по 3 десятины, сенокосной с небольшим по 0,25 десятины. Грунт земли черноземный. Сеют рожь, ячмень, полбу, овес. Самые хорошие урожаи озимых сам 4-5, яровых – сам 3-4. Намолачивают хлеба на каждую душу обоего пола озимых от 1 до 2, а яровых от 4 до 5 четвертей (в четверти 8 пудов). Льна и картофеля собирают от 2 до 3 четвериков (четверик – пуд). Картофель возделывают только в огородах. Сена ставится от 6 до 7 копен на душу. “Скотоводство у здешних чуваш на самой низкой ступени: порода вообще мелкая и коровы маломолочные, по плохому уходу за ними чуваш и по неимению сенокосных лугов”. Лошадей до 336, рогатого скота 180, мелкого 673 головы. “Из этих чисел видно, что хозяйство у чемеевского чуваша в незавидном положении: у них нет ни садов, ни хороших огородов, так что кажется, будто бы они только что привыкают к оседлой жизни после прежних привольных времен. Никаких промыслов они не знают, кроме одного бурлачества по реке Волге.

В старину, когда были здесь дремучие леса, хозяйство здешних чуваш находилось в лучшем состоянии: тогда богатое было у них пчеловодство; скотина была вообще крупная и сильной породы по изобилию корма в дубравах и долинах; реки и ручьи изобиловали рыбою: карасями, линями, пескарями и гольцами, и в каждом почти околodge находились особенные карасиные пруды, в которых содержались крупные караси и лини. Но с потреблением вековых лесов здешняя природа совершенно оскудала. Пчелы лишились спокойствия и хорошей флоры, почти все перевелись, так что ныне у редкого чувашина встретится на дворе пенька два-три. Реки и ручьи иссякли, и рыбные пруды все пересохли. Ныне во всем селении жители пользуются водою из колодцев. Колодцы эти весьма плохие, и в летние жары вода в них исчерпывается до грязи; но чувашаи смотрят на это равнодушно. В прежние времена, до XVIII столетия, здешние инородцы занимались звероловством и птицеловством, потому что тогдашние дремучие леса изобиловали и куницами, и лисицами, и другими пушными зверями, как это видно из старинных бумаг, сохранившихся у некоторых чуваш и представленных мною в Императорское географическое общество... Птиц в оные времена в здешних лесах водилось бесчисленное множество. Грибы и ягоды родились тоже в изобилии, и чувашаи собирали их и для себя, и на продажу... Сверх того, такие пространные леса (собственно чернолесье) изобиловали огромными липовыми деревьями, из которых здешние инородцы строили себе прекрасные дома... По изобилию в старину лык и мочал, чувашаи занимались тканьем цыновок, рогож и высоких своих классических плетушек, вроде кадей, называемых *тютре*... для хранения и развоза, по тогдашнему обыкновению на вьюках, хлеба... Леса, служившие средством для благосостояния жителей здешнего края, подверглись сильному истреблению со второй половины прошлого (XVIII. – В.Д.) столетия, то есть после кончины государя Петра Великого, который так много заботился о лесах. К истреблению их всего более послужили поташные заводы, существовавшие в ближайших помещичьих деревнях, Старой и Новой Елкиной, и в других русских селениях около Ядрина...

Впрочем, нельзя скрыть того, что и в настоящее время много истребляется лесу из тех дубрав, которые сохранились в окрестностях села Чемеева, в дачах Янымовского общества, несмотря на то, что дубравы сии представляют только уже одну тень прежних дремучих лесов и что “мысль о важности лесов и необходимости введения в них правильного способа хозяйства давно уже обращает на себя внимание”, но – увы! – Это говорится только в журналах и газетах... В последние годы многие дубовые рощи, негодные на корабельное строение, забракованы, и вследствие того, по распоряжению лесного начальства, они распродаются и вырубаются частными лицами на ободья, полозья и другие изделия. Значительное истребление произведено в Янымовских рощах засурскими и другими промышленниками, которые, пользуясь данным правом, гнули здесь ободья постоянно года три и, наготовив их несколько сот тысяч, отправляли на Нижегородскую ярмарку и там распродали с большою для себя выгодною. Но местные жители, чувашки, смотрели на это равнодушно, боясь рубить забракованные дубы, дабы не нажить себе беды. Известно, что этот народ всякие нововведения и распоряжения понимает по-своему, или от невежества, или от неправильного внушения окружающих его лиц. Ныне, понявши эту меру, принялись и они рубить дубы и гнуть ободья, но уже поздно: на долю их немного осталось дубов, чуждая секира истребила их с лица земли... Нельзя равнодушно смотреть на грубое невежество людей, не помышляющих о потомстве” (227-236, 384-385).

В данной статье Спиридон Михайлович выступает как опытный географ, экономист, эколог, социолог, заботящийся не только о судьбе современников, но и о будущих поколениях. Примечательна и его критика родного народа за инертность в переходе на рыночное хозяйство, настойчиво внедрявшееся в жизнь России в середине XIX века.

В “Казанских же губернских ведомостях” за 1858 год С.М. Михайлов поместил **“Очерк расселения русского племени в Козьмодемьянском уезде”**. В начале статьи автор не совсем верно пишет, что на территории Козьмодемьянского уезда, где издавна жили луговые и горные марийцы, между

которым были и чувашаи, “в последствии времени, по причине богатого пчеловодства, обилия зверей и других материальных удобств в здешнем крае, стали сюда селиться и татары, и башкиры, и калмыки, и другие орды, в числе коих могли быть и болгары, удалившиеся в здешние дремучие леса во времена грозного нашествия монголов”. Такое заключение сделано Михайловым на “любительском” уровне, исходя из названий селений Татаркасы, Таторян, Калмыккасы, Пашкурт (Башкурт). Во времена Казанского ханства здесь могли быть татарские воинские посты. Автор сообщает, что “в настоящее время в Козьмодемьянском уезде нет ни одной татарской деревни, кроме вновь перечисленных из Спасского уезда, за отпадение от православия, немногих семейств, в числе 24 ревизских душ обоего пола”. Калмыки сюда никогда не попадали, название деревни Калмыккасы произошло от основателя выселка чуваша по имени Калмык. Название выселка *Пошкарт* (*Пошкарды*) могло появиться либо от личного имени его основателя, либо от места башкирского пикета на дороге (в первой половине XIX в. Владимирскую (Екатерининскую) дорогу охраняли башкирские пикетчики). По случайным топонимам невозможно делать выводы о проживании где-либо каких-либо народов.

Указывая, что “до покорения Казанского царства в черте нынешнего Козьмодемьянского уезда были у здешних инородцев два пограничных укрепления: одно при реке Волге на Сундырской горе, а другое в самом центре уезда, в стороне от Волги, близ чувашского околodka Кармыш в Татаркасинской волости”, Михайлов допускает, что название Кармыш могло быть связано с именем татарского мурзы Карамыша. О крепости на Сундырской горе Спиридон Михайлович еще в 1852 году опубликовал статьи “Сундырская гора” и “Еще о Сундырской горе”. В рассматриваемой статье о крепости на Сундырской горе Михайлов пишет: “Крепость сия напоследок русскими была уничтожена. Казанский наместник князь Петр Шуйский писал Иоанну, что он “отпущал от боярина Петра Вас. Морозова да с ним детей боярских и казаков, и стрельцов, и новокрещенов, и татар на **побережных людей** и на Чалымский городок, и Петр город сжег и побил многих...”*** (***) Карамзин, т. VIII,

прим. 396.) Чалымским городком, вероятно, и называлась Сундырская крепость, ибо и по преданиям черемис, она была сожжена хитростью одного их соплеменников*** (Казанские губ. вед. 1852, №№ 29, 30). “У здешних горных черемис был в старину пятидесятник Чалым, по коему ныне называется околосок Чалымкин” (238). С.М. Михайлов, не имевший специального исторического образования, не знал, что русские источники делят Казанское ханство на Горную, Луговую, Арскую и Побережную стороны. Побережной стороной, по десяткам показаний русских летописей, называлась большая территория правобережья средней и нижней Камы. Южнее Побережной стороны начиналось дикое поле. Русские летописи бесспорно определяют границы Побережной стороны [62]. В русских летописях указывается, что в апреле казанский боярин и наместник князь Петр Иванович отпустил из Казани на восток “боярина Петра Васильевича Морозова, да с ним детей боярских и казаков и стрельцов и новокрещенцов и татар **на побережных людей и на Чалымской городок**, и Петр ходил, их повоевал и побил многих и городок сжег и назад здорово пришел”. П.В. Морозов тотчас ходил из Казани походом на Арское, а за Арским на Меже речке воевал с татарами и арскими людьми. “И после того Петр воевал десять дней и все Арские места повоевал и побил многих людей и полоном вывел безчислено много” [63].

Пользуясь ошибочным отождествлением С.М. Михайлова Сундырской крепости Чалымским городком, казанский историк М.Г. Худяков допустил невообразимый вымысел: “Во главе восставших стал Мамыш-Берды, один из Казанских правителей (сотных голов) Луговой стороны... Мамыш-Берды избрал центральным местом своего пребывания Чалымскую крепость, построенную на правом берегу р. Волги, на высокой Сундырской горе”. “Казанцы выбрали на престол брата царицы Сююн-Бике мурзу Али-Акрама (в действительности он в то время и до 1578 года служил в Москве. – В.Д.). Али прибыл из Сарайчика в Чалым с 300 ногайцами и был возведен на престол. Таким образом, верховная власть в Казанском ханстве была восстановлена, столица же была временно перенесена на 160 верст от Казани вверх по течению Волги в город Чалым... В

апреле месяце (1556 года. – *В.Д.*) русские под начальством П.В. Морозова открыли военные действия против г. Чалыма. Неприступная крепость была взята, как и Казань, при помощи взрыва подкопов” [64]. В 1999 году нами была опубликована статья против этого невообразимого вымысла [65]. Но казанские историки с 1923 года по сегодняшний день повторяют в своих монографиях, учебниках и учебных пособиях этот чудовищный вымысел М.Г. Худякова, допущенный по невнимательности С.М. Михайлова.

Приступая к освещению темы статьи, С.М. Михайлов указывает, что “русское племя начало селиться в Козьмодемьянском уезде с первой половины XVI столетия, когда горные черемисы с чувашами, в 1546 году, изъявили покорность князю московскому и обещали поголовно помогать ему в действиях против казанцев, а после основания Свияжска, присягнувши на верность России, действительно бились с казанцами. По покорении Казани, оставаясь в военном звании, они несли службу и при преемниках Иоанна Грозного. Первые поселившиеся здесь русские были стрельцы и однодворцы (Михайлов служилых новокрещенцов называет однодворцами; звание “однодворец” появилось позднее, в начале XVIII в.; здесь автор допускает неточность. – *В.Д.*), основавшие свое жительство на том месте, где ныне расположен город Козьмодемьянск, для удержания в повиновении горных и луговых инородцев. Местность сия была известна русским под названием Козьмодемьянска еще до устройства здесь крепости, самая же крепость (вернее, острог. – *В.Д.*) устроена была уже в 1583 году, когда вспыхнул общий бунт в земле луговых черемис, продолжавшийся до конца Иоанновой жизни. После основания крепости многие из крестившихся инородцев были обращены в рейтарскую городовую службу” (это – с середины XVII в. – *В.Д.*). В качестве примера Михайлов приводит жителей села Владимирского-Бусурманова, “которые приняли христианскую веру, по всей вероятности, еще тогда, когда дали Иоанну клятву поголовно содействовать ему в завоевании Казанского царства. В истории мы видим, что уже в 1553 году были новокрещенные служилые. Все эти новокрещены напоследок совершенно

обрусели, так что ныне нет в них и следа прежнего происхождения”.

Крепость Козьмодемьянск, указывает автор, была важна в стратегическом отношении. “Служила она по тогдашнему положению и ссылочным местом. Сюда ссылались, для усиления гарнизона и для населения, из внутренней России разного звания люди; в конце XVI века были переведены и поселены сюда, на пустой дикий лес, бывший вне крепости, из Свяжска ямские охотники для ямской гоньбы (обращенные ныне в казенных крестьян), потому что тогда главный тракт из Нижнего Новгорода до Казани лежал через самый Козьмодемьянск подле реки Волги по горам; тракт сей от границы Нижегородской губернии до Козьмодемьянска шел через деревню Копани, село Покровское-Большую Юнгу, Троицкий посад, а от Козьмодемьянска к Чебоксарам лугами на Ватагу. Дорога сия существовала до настоящего (XIX. – В.Д.) столетия, пока не устроен был нынешний Московский тракт в стороне от реки Волги по прямому и более удобному направлению... Но во время походов на Казань дорога эта (старинная. – В.Д.) была весьма трудная и неустроенная, так как казанцы нарочно тогда делали дороги неприступными для победителей и даже скрывали их от русских, которые должны были открывать себе путь не иначе, как по указанию покорившихся чуваш и черемис, хорошо знавших все пути сообщения в своих улусах. В эпоху владычества татар пограничное их укрепление на Сундырской горе... находилось на самой этой дороге, шедшей через горы до удаления Волги в луговую сторону. Об этой-то дороге князь Курбский писал с негодованием, что царь (имеется в виду Шах-Али. – В.Д.), при возвращении войска из Казани, послал его (то есть Ивана IV. – В.Д.) “не тою доброю дорогою, ею же сам шел к Казани, но подле Волгу, зело претрудными стезями, по великим горам лежащими, на них же чувашский язык (то есть народ. – В.Д.) обитает”*** (** Сказания князя Курбского, часть 1-я, стр. 47)”.

Пожар 1833 года истребил все документы, хранившиеся в присутственных местах Козьмодемьянска. Из документа 1755 года известно, что в том году в Козьмодемьянске

содержалось 6 рогаточных караулов, из них три караула внутри города: 1-й у ворот воеводских, 2-й у соляных амбаров, а 3-й у кабака (был еще сверх того караул в доме воеводы на крыльце); а последние три, вероятно, содержались на выездах из города.

Далее автор приводит список 12 козьмодемьянских воевод с 1628 по 1735 год.

Когда утвердились в Козьмодемьянске стрельцы и служилые новокрещены, к ним стали переселяться из России и другие, преимущественно из Нижегородского уезда. “Но селились русские постоянно около Козьмодемьянска, по обоим берегам реки Волги, опасаясь основывать жилища в глуши лесов, между иноплеменными народами, на преданность которых нельзя было еще совершенно полагаться по тогдашним смутам со стороны казанских и крымских татар; даже для самой крепости (острога. – В.Д.) требовалась охранительная стража в отдельных местах. Таким образом, в окрестностях Козьмодемьянска содержалось два стана городской стражи: один в селе Владимирском-Басурманском, а другой в селе Троицком, что ныне посад Троицкий. Два эти поселения есть самые старейшие, современные основанию Козьмодемьянской крепости”. Далее приведен список русских селений с указанием численности населения в них.

По нагорной стороне Волги, начиная от границ Нижегородской губернии:

1) Село Покровское – Большая Юнга. Основано в XVI веке, первоначально составляло вотчину епископов суздальских, потом нижегородских. В 1850-1851 годах в нем государственных крестьян 393 мужчины, 540 женщин, всего 933 (в 1858 году – 965).

2) Дер. Копани. В 1850-1851 годах в ней государственных крестьян 230 мужчин, 280 женщин, всего 510 (в 1858 году – 530).

3) Троицкий посад с деревнями Мумарихою, Данилихою-Полянкою и Калугиною. В 1850-1851 годах в нем купцов 2-й гильдии 1 мужчина, 3-й гильдии 1 мужчина, 2 женщины; мещан 790 мужчин, 960 женщин, итого 1750, всего 1754 души (в 1858 году – 1776). Происходят они из стрельцов и посадских

людей, содержавших здесь стан городской стражи. Из них ныне проживает в Козьмодемьянске 30 семейств (65 мужчин, 78 женщин).

4) Дер. Красногорка. В ней в 1850-1851 годах государственных крестьян 171 мужчина, 213 женщин, всего 384 (в 1858 году – 401).

5) Дер. Болониха. В ней в 1850-1851 годах государственных крестьян 98 мужчин, 116 женщин, всего 214 (в 1858 году – 239).

6) Дер. Сосновка. В ней в 1850-1851 годах государственных крестьян 82 мужчины, 86 женщин, всего 168 (в 1858 году – 168).

7) Дер. Гаврениха. В ней в 1850-1851 годах государственных крестьян 65 мужчин, 77 женщин, всего 142 (в 1858 году – 130). Все названные 4 деревни принадлежали в старину Спасскому монастырю, основанному в 1625 году. Монастырь в 1764 году обращен в приходскую церковь, крестьяне вначале переименованы в экономических, затем в государственных.

8) Село Владимирское-Басурманово. “Происходят они из горных черемис и чуваш, принявших христианство” и ставших при Иване IV служилыми новокрещенами, с середины XVII в. – в рейтерской городской службе. “В старину многие из них перешли в Козьмодемьянское городское общество, и от них происходят фамилии Зубковы, Шеины и др.” В нем в 1850-1851 годах государственных крестьян 92 мужчины, 118 женщин, всего 210 (в 1858 году – 235).

9) Село Ильинская пустынь. “Основание его относится к 1720 году, когда учреждена была здесь от Спасо-Юнгинского монастыря особая пустынь для монашествующей братии, названная Ильинскою от прежней сгоревшей церкви во имя святого пророка Илии”. В селе в 1850-1851 годах числится городских мещан и разных крестьян, занимающихся содержанием постоянных дворов и рыболовством, 76 мужчин, 94 женщины, всего 170.

Селения на луговой стороне реки Волги

10) Село Ахмылово-Коротни. В 1850-1851 годах в нем государственных крестьян 91 мужчина, 104 женщины, всего 195 (в 1858 году – 196).

11) Дер. Русская Рутка. В 1850-1859 годах в ней государственных крестьян 71 мужчина, 47 женщин, всего 118 (в 1858 году – 186).

Оба эти селения с озером Ахмыловым принадлежали Спасскому монастырю. Крестьян переселили сюда из деревень под №№ 4, 5, 6, 7.

Помещичьи селения

12) Дер. Руткинская Грива. Основана во второй половине XVIII века помещиком Соловцовым. “Крестьяне преимущественно переведены из Саратовской губернии преемником Соловцова помещиком Поповым”. В 1850-1851 годах в деревне крестьян помещиков Евсевьева и Матюнина 71 мужчина, 77 женщин, всего 148 (в 1858 году – 160).

13) Дер. Сурская, при реке Суре. Основана в 1836 году. Крестьяне переселены из Смоленской и Московской губерний на пустопорожную лесную дачу, купленную у чиновницы Струйской. В 1690 году эта дача принадлежала симбирскому жителю Савве Тимофееву Воронкову. В 1850-1851 годах в деревне крестьян помещика Микулина 83 мужчины, 81 женщина, всего 164, а в 1858 году перешедших к княгине Оболенской, дочери Микулина, 252 души.

14) Дер. Сергеевка-Мурзакова, находится внутри уезда. В ней крестьян помещика Михайлова 32 мужчины, 34 женщины, всего 66 (в 1858 году – 63). Основана в первой половине XVIII века помещиком Ильей Яковлевым Сергеевым на пустопорожной даче (?). Крестьяне переселены из деревень Пущиной, Куничкиной Чебоксарского уезда.

15) Дер. Новая Елкина, находится близ ядринской границы. В ней крестьян помещиков Валиутина и Цветкова 134 мужчины, 116 женщин, всего 250. Основана во второй половине XVIII века капитан-лейтенантом Иваном Алексеевым Валиутиным. Крестьяне переведены частью из села Ивановского-Елкина Ядринского уезда и частью из Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии.

Во всех 15 русских селениях числится в уезде русских жителей по 9-й ревизии 1850-1851 годов 5426, а по 10-й ревизии

1858 года – 5651. Кроме того, в Козьмодемьянском уезде живут русские на Сундырском базаре и в дер. Кумье на Вятском тракте, но они не местные жители, а переселившиеся из русских селений для содержания постоянных дворов.

Заслуживает внимания следующий текст С.М. Михайлова: “Есть еще отдельные русские семейства во всех почти черемисских и чувашских селах, живущих вместе с духовенством; но они происходят либо из самих инородцев, женившихся на русских, либо из духовного звания, обращенного на ясак. Впрочем, надобно сказать, что и самое духовенство во многих селах происходит из инородцев, получивших образование при прежних казанских иерархах в духовной семинарии, состоявшей при Зилантовом монастыре, и в училищах, существовавших в начале XVIII столетия в Казани, Цивильске, Царевококшайске и Елабуге (новокрещенские школы существовали во второй половине XVIII века в Свяжске и Казани, в Цивильске школа не была открыта, а Царевококшайская и Елабужская школы после открытия же переведены в Казань. – В.Д.) собственно для образования инородцев и посвящения их в миссионеры и духовное звание* (*Очерк истории черемис. “Казанские губ. вед.”, 1848 г., № 23; Книга – Сбоев о чувашах, стр. 79.)” (237-245, 385).

В 1857-1858 годах С.М. Михайловым были написаны еще две работы, не увидевшие света и поныне не разысканные. Рукопись “**Описание лесного промысла в Козьмодемьянском уезде**” была направлена в Казанское губернское правление для препровождения в Лесной департамент Министерства государственных имуществ, а статья “**О сельских приходских училищах и об успехах учения в них инородческих детей**” была представлена в Русское географическое общество, откуда перенаправлена в Министерство народного просвещения (402).

Статья С.М. Михайлова “**Свадебные обряды русских в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии**”, датированная автором 1 декабря 1858 года, была опубликована в газете “Русский дневник” (Санкт-Петербург) 16 и 17 января 1859 года (№№ 12, 13). К статье было дано примечание “от редакции”: “Помещая на страницах “Русского дневника” эту статью, долгом

считаем сказать несколько слов о замечательной личности ее автора. Государственный крестьянин Козьмодемьянского уезда Спиридон Михайлов – не русский, а чувашенин. **Он первый образованный, с европейским взглядом на вещи человек из этого племени**, в которое едва только еще проникают первые лучи гражданственности. Господин Михайлов давно обратил на себя внимание ученого мира и уже несколько лет тому назад избран Императорским Русским географическим обществом в свои члены-сотрудники. Он вместе с тем служит переводчиком Козьмодемьянского земского суда”.

О свадебных обрядах русских к настоящему времени издана богатейшая литература, имеются фундаментальные монографии. В середине XIX века такой литературы было мало. Спиридон Михайлович в начале же своей статьи указывает, что “русские свадьбы не только в каждой губернии, но и в каждом уезде имеют свои обряды, более или менее отличающиеся от обрядов другой местности”.

Задумав женить сына, родители созывают “на совет” ближайшую родню и решают, чью сватать дочь. Получив согласие сына-жениха, посылают в дом невесты двух свах. Родители невесты, хотя и не отказывают в просьбе, велят свахам приходить повторно, пока они “подумают”. Родители спрашивают мнение дочери. Она сообщает матери тихомолком: “Иду, кто нам лучше приедет”. Родители невесты также собирают родню и советуются о женихе. Если родня скажет, что парень, дескать, хороший, смирный, свахи вновь являются к невесте и спрашивают ее родителей: “Что, подумали ли, родимые?” Они, поскольку решились выдать дочь, велят приходить жениховым родителям договариваться насчет даров, какие должны быть со стороны жениха и невесты. Родители жениха могут предложить: “Ну, вот: на стол 50 рублей, четыре пары сапогов, шесть пар теньгов (теплых коротких сапог. – В.Д.) или чохчур (женская обувь. – В.Д.) и чиверик (женские башмаки. – В.Д.), шесть пряников рублевых, да еще пять полтинных, да три по гривеннику”. Дары за дочью состоят из женской и мужской одежды. После взаимного соглашения родители жениха, возвратившись домой, отсчитывают, по

договору, деньги “на стол” и вместе со свахой отправляются с ними в дом невесты “бить по рукам”, то есть для формального заключения сватовства. По приходе они просят отца жениха зажечь свечи перед образами и кладут на стол каравай хлеба. Помолившись Богу, отец невесты отрезает от краев каравая краюшку, завертывает ее в новый платок, принесенный невестой. Краюшка передается отцу жениха, а он кладет “на стол” принесенные деньги.

Как уходит родитель жениха со свахой, невеста дома громким голосом начинает завывать, причитать, “проклиная” свою судьбу. Проплакавши довольно времени, посылает “скликивать” своих подружек на вечер.

В доме жениха краюшку хлеба разрезают на кусочки, и все домашние кусочки съедают. Жених привязывает себе на шею невестин платочек и носит его до самого брака.

Вскоре жених с родителями и сестрой-девицею ходят к невесте “здороваться”. Жених берет с собой гостинцев (пряники и прочее). Невеста с подругами дожидается их в чулане. Встреча. Приветствия. Угощения. Подарки. Песни. Поцелуи жениха и невесты. Подарки со стороны невесты. Вначале уходит родители жениха. “Распростившись с невестою, жених приходит домой, тотчас закладывает пару ухарских коней и до полночи катает на них по улице невестиных подруг, которые тогда поют ему песню”.

Жених в течение недели посещает невесту, а подружки поют ему песни. Невеста дарит его платками, он отдаривает ее деньгами и целует, целует и подружек за песенки.

В домах жениха и невесты варят пиво, запасаются вином, для стола заготавливают говядины, свинины и разной живности. Жених заказывает новую одежду и обувь, покупает подарки. Невеста с подругами шьет приданое.

По прошествии недели жених, вместе со своими родителями, “ходит к невесте с лепешкой”. Угощаются, подружки невесты опять поют песни жениху.

Недели через три бывает у невесты “сговор”, на который жених приглашает всю свою родню. Здесь приветствия, угощения, подарки невесте от всех присутствующих. То же со

стороны родственников невесты. Обильные угощения, дары. Затем невеста раздает подарки. Песни, игры. После окончания игр гости расходятся. Жених, распростившись с невестой, вновь приглашает девушек с собой и катает их по улице на лихих своих конях. Девушки поют ему веселые песни.

“После сговора, на другой же день, родственники невестины, как-то: братья, замужние сестры и дядя – ходят к жениху “смотреть ложки”. Здесь угощения, веселье.

“С этого дня – на другой вечер, и непременно с субботы на воскресенье, бывает у невесты девишник. Жених тогда выбирает расторопного дружку и полдружку, с первым ездит приглашать родню на вечеринку. Всякий идет и несет в дом жениха каравай хлеба и калачей. Родители благословляют жениха образом. Как только кончится этот обряд, приходят двое от невесты с живой курицей и хлебом. Курицу пускают на пол, а хлеб обменивают на хлеб. Эти лица не садятся, а, выпивши пива и вина, тотчас уходят обратно”.

Вслед за ним жених, со всею приглашенною роднею, но без родителей, отправляется к невесте: дружка с орехами, а полдружка с хлебом. У невесты полдружка отдает хлеб поварихе. Жениха посадят рядом с невестою. Дружка, побрякивая орехами, предлагает подружкам невесты петь песни. Им гости дают деньги, дружка раздает орехи. Угощаются, пьют, поют.

Женихова сторона возвращается готовить коней своих в поезд, кормить и украшать их бубенчиками, чтобы свадебный поезд был шумен, торжествен и произвел на посторонних людей впечатление.

Свадебный ритуал, продолжавшийся целые сутки, описан С.М. Михайловым так подробно и красочно, что коротко пересказать его невозможно, почему и отсылаем читателя к оригиналу статьи. В свадебном церемониале большую роль играют дружка, полдружка и другие “должностные лица”, которые называются боярами, жениха величают князем, невесту – княгиней. От дома жениха свадебный поезд, предварительно позавтракав и выпив для смелости, отправляется в дом невесты утром. В отличие от чувашских и марийских

свадеб, в русском свадебном церемониале при всех случаях соблюдается обращение к Богу, получение его благословения. Жених везет с собой подарки. Его свадебный поезд невестина сторона встречает с выполнением сложного ритуала, связанного также с божественным благословением. Жениховый поезд встречается родственниками невесты, молодежью, особенно девушками с ее стороны. Жених преподносит мешок с подарками родителям невесты. Начинается и долго продолжается свадебный пир с угощениями, песнями, плясками. По полудни приданое невесты погружается на подводу. Жениховый и невестин поезд трогает в путь, заезжает в церковь, где проводится венчание. Общий свадебный поезд прибывает в дом жениха. Свадебный пир продолжается весь вечер и всю ночь. Молодые уединяются. Утром они вместе ходят в баню. Утром же благодарные родственники и гости расходятся по домам (246-262, 385-386).

В газете “Русский дневник” от 9 мая 1859 года С.М. Михайлов поместил **“Корреспонденцию из Козьмодемьянска”**, в которой сообщает о раннем наступлении весны. “На пасхе большинство ходило ежедневно по церквам да молилось, а промысловые люди спешили на пристани, чтобы спасти от полой воды и погрузить в сплавные суда заготовленные леса и дрова, составляющие главный предмет торговли козьмодемьянцев. Всякому свое дорого: пропустил день, два – и пропадай убитый капитал. В полоую воду нередко уносит леса и дрова у промышленников, в особенности у тех, которые надеются на авось. Должно сказать, то у нас в нынешнюю весну и чиновники полицейские озабочены были такими хлопотами. Они оберегали от разноса полоую водою зимовавшие на Волге разные леса макарьевских промышленников, осеквестированные Нижегородскою следственною комиссиею и оставленные под надзором полицейским. Сколько ни маятно, а должно было чиновникам кочевать в затонах Волги и разделять светлые дни с рабочим народом, высланным по наряду”. 17 апреля, благодаря стараниям четвертого резервного батальона Охотского пехотного полка, торжественно отпраздновали в городе день

рождения государя императора. Но в конце апреля наступили морозы, стал выпадать снег. За урожай беспокоятся. Мясо подорожало. Рыбы свежей в помине нет (263-264, 386).

С.М. Михайлову, возможно, по командировке Казанского статистического комитета, пришлось побывать в русском селе Подберезье, расположенном в 55 верстах южнее Свияжска, на границе Тетюшского уезда, обследовать его, а в 1859 году в “Казанских губернских ведомостях” появилась статья “Село **Подберезье в Свияжском уезде**”. По легенде, на месте будущего села останавливалось войско Ивана Грозного по пути на Казань. Царь под огромной ветвистой березой, как будто, давал пир своим полководцам. Легенда, конечно, придумана от названия села. По преданию, сюда крестьяне переселились при Борисе Годунове с верховья реки Волги. “Крестьяне эти, вместе с первыми обитателями, принадлежали сначала Сергиевской лавре, что под Москвой, а потом Свияжскому женскому монастырю, до самого обращения их” в экономические крестьяне в 1764 году (с конца XVIII века – государственные крестьяне). Деревянная церковь во имя преподобного Сергия Радонежского чудотворца “выстроена после прежней, сгоревшей в 1854 году, усердием подберезьенских крестьян, ныне уже умерших, Нестера Лукина Нагоркина и церковного старосты Дмитрия Яковлева Чекмарева, из которых первый пожертвовал 300 руб., а последний собрал добротной жертвы 1000 руб. серебром”. Прежде при церкви было каменное приходское училище, которое сгорело в пожар 1849 года. Основателем и попечителем его был местный крестьянин Андрей Захаров. “При нем в училище было до 25 мальчиков, из коих теперь многие служат волостными и сельскими писарями. Наставниками были священник А. Ронгинский, студент богословия Н. Хринусов и ученик А. Соколов. В настоящее время мальчиков учится 21 человек у наставника соседнего села Кобызева диакона И. Сухорецкого, кончившего полный курс Казанской духовной семинарии. В Подберезье теперь считается грамотных до 50 мужчин и до 30 женщин, кроме обучающихся мальчиков. “Здесьние крестьяне большею частью выбираются в волостные головы по своей расторопности”.

По 10-й ревизии 1858 года в селе Подберезье числится государственных крестьян 1194 мужчины, 1308 женщин. Дворов у них 378. Из них 161 мужчина и 183 женщины, “по тесноте и частым пожарам”, выселились после пожара 1849 года на новое место, в 7 верстах от Подберезья, и основали особый выселок под названием Малого Подберезья; в нем 42 двора”.

Дома в селе все деревянные, больших, красивых домов нет, так как сильные пожары в 1847 году уничтожили 95, в 1849 году – 207, в 1854 году – 90 домов. Уцелело только 40 домов. “Вообще русские селения более горят, чем инородческие, рассыпанные по долам и горам на мелкие околотки. При таком расселении, вероятно, менее горели бы и русские селения... Причиною пожаров [служит], само собою, русское авось, черные избы с курными печами, хождение с лучиною за разными житейскими потребностями на дворы, крытые соломою, топка гнилых бань с худыми печами, выбрасывание женщинами золы с горячими углями для чистки белья и т.п. А частенько между русским православным народом бывает и то, что пускают по селу “красного петуха”. Какой-нибудь негодяй, иззлобясь на свой мир, приговоривший его к наказанию за дурные дела, сжигает свое село”.

В прежние годы крестьяне были зажиточнее, но ныне от пожара обеднели. Лес для постройки домов приобретали по билетам в Цивильском и Тетюшском уездах. “У самих подберезьенских крестьян лесу числится в общем владении с жителями села Ульяновско и деревень Красноуховой и Улановой 9843 десятины, в том числе казенного 3506 дес. В лесу растет: дуб, липа, клён, ильм, сосна, орешник, береза и ольха, годные только на дрова. В казенной роще дуб частью годен и для флота. Обывательский лес сильно оскудел, но жители сохранять его и разводить для потомства не стараются. Вообще можно сказать, что в Свяжском уезде лесов поныне остается уже очень мало, которые представляют только тень прежних дремучих. Во многих селениях жители топят избы уже соломою. Пора принять строгие меры к сохранению лесов”.

Главнейшее занятие здешних крестьян – хлебопашество. У них числится всего земли: пахотной и неудобной 4474,

сенокосной 100 десятин. “Сеются здесь: рожь, пшеница, ячмень, овес, просо, горох, лен и конопля. На десятину высевается: ржи от 10 до 12 пудовок (мер), пшеницы от 12 до 15, гречи от 4 до 7, полбы от 4 до 8, ячменю 8, овса от 12 до 16, гороху от 4 до 6 пудовок* (*В пудовке бывает весу от 20 до 35 фунтов). Урожай средние, то есть сам-3 и сам-4, редко сам-5. Хлеба на годовое продовольствие у многих недостает, и должны бывают покупать. По сей причине подберезьенские жители занимаются тканьем куля и рогожи из мочал, заготавливаемых по билетам в помещичьих дачах... Изделия эти закупают у них свои же подберезьенские крестьяне, платя за сотню куля от 14 до 15 руб., а рогож – от 8 до 10 руб. серебром”. Закупатели отправляют их на Волжские, Свяжские и Сурские пристани, берут с доставкой за сотню куля от 16 до 17 руб., а рогож – от 12 до 13 руб. серебром. “Особых ремесленников из крестьян нет, кроме плотников, считающихся 20 человек”.

В старину здесь пчеловодство процветало, с истреблением лесов пришло в упадок. Ныне в селе не более 10 пчельников, содержащих до 600 ульев. В урожайный год из одного улья вынимается полпуда меда, в неурожайный год – 5 фунтов. Мед покупают у здешних пчеляков торгующие крестьяне села Можак Цивильского уезда по цене от 3 до 4 руб. в урожайный год, от 5 до 6 серебром в неурожайный год.

“Жители Подберезья в огородах сажают овощи: капусту, огурцы, картофель, морковь, свеклу, брюкву, редьку, репу, бобы, мак, но только для собственного употребления... В Подберезье есть до 15 порядочных садов, в коих рождаются яблоки разных сортов...” Яблоки продаются по дорогой цене (из-за малочисленности садов). В Подберезье выгодно разводить сады. “Желаем им в том успеха”.

“Подберезьенские женщины ткут полога, холсты, пестрядь синюю и красную. Холсты у них отличаются своею добротностью и отделкою, закупаются торговцами по ценам вдвое дороже противу других соседних селений и отправляются на Дон”.

Река Берля течет через село, река Кубня – в 7 верстах, река Ключ вытекает в 1,5 верстах из оврага Арсанной. В самом селе

есть двухпоставная мукомольная мельница, содержимая за 3 руб. 50 коп. серебром, а другая – на реке Кубне, четырехпоставная, содержимая за 301 руб. 50 коп. серебром годового оброка, в пользу подберезьенского общества. До 15 человек здешних крестьян занимается содержанием мельниц в других обществах.

В подберезьенских реках водится рыба: лещи, сомы, щуки, язи, караси, лини, сорочи и гольцы. Жители ловят их только для собственного потребления. На реках бывают гуси и разных родов утки, которых жители бьют тоже для себя.

В подберезьенских и смежных лесах роятся грибы: грузди, белянки, рыжики, опенки, осиновки, масляники и других пород. Ягоды: земляника, малина, брусника, рябина, калина и др. “В иные годы роятся орехи, которых выбирают до 4000 пудов и продают от 50 коп. до 1 руб. серебром за пуд”. Травы в лесах: душицы, зверобой, буковицы, мята, мать-и-мачехи и др.

В лесах водятся звери: лисы, куницы, белки, зайцы, горностаи, но не в большом количестве; волков появляется много, но жители не умеют их ловить; меха пушных зверей продаются: лисьи от 3 до 4 руб., куничьи от 5 до 7 руб., беличьи по 10 коп., заячьи по 15 коп., а волчьи по 3 руб. серебром; птицы: тетерева и рябчики, которые продаются первые по 25 коп., а последние – по 20 коп. серебром за пару.

“На Подберезьенском базаре, бывающем в воскресенье, продаются съестные припасы, лесные изделия и деревянная и глиняная посуда, привозимая из соседственных деревень. В самом селе существует сельское управление, а на выезде из него – питейный дом” (265-270, 386).

В 1858-1859 годах С.М. Михайлов провел, можно сказать, фундаментальное исследование верований, жизни и быта раскольников в Козьмодемьянском уезде, итоги исследования обобщил в прекрасной статье **“Описание быта раскольников в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии”**. Рукопись статьи он представил в августе 1859 года в Русское географическое общество, которое ее, как и другие статьи чувашского ученого, не опубликовало. В 1971 году, при подготовке “Трудов” С.М. Михайлова к печати, Чувашский

облит не разрешил включить ее в “Труды” как сочинение религиозного содержания. Доктор исторических наук, профессор А.Г. Иванов самостоятельно скопировал статью в Архиве Русского географического общества и опубликовал ее в 2001 году в № 11 “Марийского археографического вестника” (С. 134-149), снабдив предисловием и обстоятельными комментариями. Позволим себе привести отрывок написанного А.Г. Ивановым предисловия к статье С.М. Михайлова. “Статья интересна тем, что в ней впервые всесторонне рассматриваются неизвестные стороны быта, материальной и духовной культуры части русского населения города Козьмодемьянска и нескольких селений его уезда в середине XIX века. Несмотря на официально отрицательное отношение автора к раскольникам, якобы воплощавшим в себе религиозный застой и фанатизм, разврат, грубость и невежество, враждебность государству и официальной церкви, С.М. Михайлов, тем не менее, как добросовестный и наблюдательный исследователь, оставил подробное и правдивое описание жизни и быта козьмодемьянских раскольников, издавна придерживавшихся основных догматов и обрядов старообрядчества. Автор показал себя хорошим знатоком догматической и политической литературы старообрядцев, почитаемых раскольниками рукописных и старопечатных книг, правительственных и церковных книг, направленных на пресечение и искоренение раскола, сумел выявить особенности быта местных старообрядцев по сравнению с другими приверженцами религиозно-общественного движения раскола, возникшего в России в результате церковной реформы в середине XVII века” [66].

Автор снабдил статью общим очерком истории раскола в России, что позволяет лучше разобраться в содержании статьи. В 1858 году в Козьмодемьянском уезде числилось раскольников: 1) в городе поповщинской секты мещан 19 мужчин, 35 женщин, государственных крестьян 5 мужчин, 25 женщин, беспоповщинской перекрещенской секты мещан 2 мужчины, 2 женщины, всего в городе 26 мужчин, 62 женщины, итого 88 раскольников; 2) в уезде поповщинской секты в Троицком

посаде мещан 12 мужчин, 32 женщины; в селе Покровском городской мещанин – 1 мужчина; государственных крестьян 4 женщины; в селе Владимирском-Басурманове из государственных крестьян 1 женщина; в дер. Болонихе из государственных крестьян 1 мужчина, 1 женщина, всего в уезде 14 мужчин, 38 женщин. Всего в городе и уезде 40 мужчин, 100 женщин, итого 140 раскольников. Автор дает интересные сведения по распределению раскольников по их занятиям и хозяйству: “В городе Козьмодемьянске мужских раскольнических семейств, живущих отдельно своими домами, 13, в числе 26 наличных душ, вдов – 14 и старых девок – 23. В числе мужчин, исправляющих должность попов – 1, рыбаков – 1, лесопромышленников – 2, судопромышленников – 2, плотников – 1, писарей – 2, кузнецов – 3, сплавщиков-лоцманов – 1, чоканщиков (чеканщиков изделий) – 1, прянишников – 1, приказчиков – 3, прочие малолетние. В уезде мужских семейств – 7 (в числе 14 наличных душ), вдов – 7, старых девок – 14. Из мужчин судопромышленников – 3, ходящих в бурлаки – 2, занимающихся хлебопашеством – 2 и призреваемых родственниками – 2, прочие малолетние. Как в городе, так и в уезде особенных капиталистов из них нет, но хозяйство у них всегда лучше, чем у православных, потому что они друг другу помогают в нуждах и не допускают до нищеты подобно православным христианам. Вдовы и старые девки либо призреваются родственниками, либо, проживая в отдельных кельях, занимаются чтением псалтырей и канонов по заказам других раскольников и даже православных, придерживающихся расколу. Эти грамотные бабы и девки, составляя в обществе особенный класс проповедниц, совращают простаков в свою секту, в особенности женщин, имеющих с ними частое сношение, потому что эти ханжейки под видом благочестия занимаются склонением на блуд женщин и девок, будучи в молодости сами в том искушены. Впрочем, несмотря на старость, они продолжают и ныне еще заниматься блудодеянием, даже 60-летние старухи не оставляют сей страсти”.

Михайлов полагает, что число сект и раскольников в уезде гораздо больше, чем их учтено. В начале статьи дает характеристику (определение) поповщинской секты, беспоповщинской и других сект, перечисляет общие раскольнические догмы, описывает молельные дома и молельные комнаты раскольников, принадлежности богомольни. В Козьмодемьянске до пожара 1833 года была общественная молельная комната, выстроенная раскольническим обществом по образцу православных церквей. После 1833 года восстановить ее не разрешили. Теперь раскольники имеют пять молелен. Описываются и жилища раскольников, имеющие что-то общее с молельной комнатой.

Раскольники питаются щами, кашей, лапшой. В посты у зажиточных рыба, а у бедных пустые щи с постным маслом, горох, лапша, квашеная капуста, вареная брюква, вареные морковь и свекла, “а по годам моченые яблоки и соленые рыжики, когда бывает всем этим продуктам урожай”. Картофель входит в употребление. Питье – обыкновенный квас, а в праздники домашняя брага – полупиво. Раскольники не бреют бород, не курят табак.

“Образование детей у раскольников состоит только в том, чтобы выучить читать старопечатные книги, псалтыри, часословы, каноны и т. п. книги и по кожаным своим листовкам (четкам) молитвы Богу, да кое-как писать для ведения домашних счетов и списывания молитв из старинных книг по церковному шрифту. Всему этому они учатся у баб и девок, сливущих в обществе грамотейками и знаниями священного писания... Вообще между раскольниками грамотность более развита, нежели между церковными христианами. Они учат грамоте не только мальчиков, но и девочек...”

Раскольники стараются носить одежду старинного покроя. Мужчины выстригают на голове на самой макушке (теме) немного волос в ознаменование фиктивного крещения – гуменцо. “У мужчин вообще чем борода шире, усы длиннее, тем человек святее”. Женщины носят длинные сарафаны.

Раскольники лечатся народными средствами, медицинские лекарства не принимают.

Празднуют раскольники все христианские праздники, варят пиво, покупают вина, “гуляют одинаково с другими общежителами и даже пороскошнее”.

Браки они совершают тайно, без торжественных обрядов, только между раскольниками.

Козьмодемьянские раскольники поддерживают тесные связи с своими собратьями в разных губерниях.

У них разработаны особые правила о поверьях, предрассудках и своих обрядах, которые соблюдаются.

Политическое поведение: “Раскольники бывших до Никона патриарха, великих князей и царей считают благочестивыми царями, а бывших со времени исправления церковных книг всероссийских монархов, также и ныне царствующего императора, признают и называют владетельными царями, а не благочестивыми и помазанниками божьими”. Некоторые постановления правительства и православной церкви, особенно гонения на раскольников, считают антихристовыми.

Поддерживая официальную политику правительства и православной церкви к раскольникам, С.М. Михайлов старается видеть в быту и поведении раскольников немало негативного. Но он, будучи объективным, замечает в жизни, деятельности, быту, питании, поведении, образовании и культуре раскольников много полезного, здорового, положительного [67].

В последний год своей творческой деятельности Спиридон Михайлович, занятый безуспешным продвижением в печать своей важнейшей книги “Чуваши: историко-этнографический очерк” (Или “Историко-этнографический очерк быта чуваш. Общее заключение о чувашах”), а также поисками спонсора для издания своего “Собрания сочинений”, сумел написать несколько очерков и рассказов, обнародовать в печати две корреспонденции.

“Казанские губернские ведомости” в № 9 за 1860 год в разделе “Известия из уездов” поместили сообщение С.М. Михайлова “об общественной жизни” Козьмодемьянска. “В воскресенье, 17 января, происходило у нас избрание городского головы на наступившее трехлетие. Так как по русскому обычаю в воскресные дни к вечеру народ всегда почти

бывает под хмельком, то и на общественное собрание некоторые явились в веселом духе... По окончании выборов собрание рассуждало об общественной экономии и о пожарных лошадях. Споры по этому случаю были жаркие, так что по временам грозили разрешиться какою-нибудь трагической сценою, но об этом уж лучше умолчу; что ж делать, если мы еще любим пошуметь и покричать.

...21 января в городническом правлении происходили сельские выборы на должности сельских заседателей в уездный и земский суды и переводчиков, равно и кандидатов на должности заседателей словесного суда. Выборы эти производились высланными предварительно из уезда депутатами (“выборщиками”) от крестьян. Ныне на подобные должности нет недостатка в грамотных и даже дельных людях, как бывало это в прошлые времена: на выборы стали являться грамотные и чуваши, и черемисы, весьма способные занимать эти должности. Но грустно то, что люди, имеющие влияние, употребляют во зло данное им доверие: вместо того, чтобы руководить инородцев на пути гражданственности, они стараются всеми мерами преграждать стремление их к цивилизации; вероятно, старинная пословица о ловле рыбы в мутной воде имеет еще силу в низшем слое влиятельных лиц... Пожелаем, чтобы подобных личностей не было между нами в настоящий век просвещения и чтобы их заменили люди добросовестные, с здравым смыслом, могущие руководить нас, инородцев, к добру и истреблять монгольские порядки в подчиненных”.

С прибытием в город на постоянные квартиры резервного батальона Охотского пехотного полка по инициативе батальонного командира полковника Шкляревича в здании манежа силами офицеров и дам еженедельно по четвергам стали ставить спектакли. В доме уездного училища по мысли Шкляревича же по воскресеньям собирается клуб, в котором участвуют офицеры, чиновники и купцы. Там танцуют, играют в карты, читают газеты и журналы, а на святках были маскарады.

Мелкое канцелярское чиновничество все пишет и пишет, от чего заболевает. Можно было бы уменьшить делопроизводство,

“потому что в наших чувашских уездах весьма мало возникает следственных дел, но мы идем еще по старой колее, любим усложнять переписку, как будто на плодovitом и бесполезном писании “висят весь закон и пророки”. Сократить переписку могут только вполне образованные деятели на поприще службы, но без хорошего жалованья в уездных городах не может быть подобных деятелей, потому что у нас содержание весьма дорого”.

“Купечество хлопотливо занимается лесопромышленностью, а за ним пустилось в эту операцию и мещанство, и крестьянство... Из заготовленных в прошлую навигацию лесов много осталось не сплавленных за мелководием в реках Ветлуге, Рутке и Кундыше; весь этот лес должен там погибнуть безвозвратно, потому что это занесло песком или илом. Понеся от того чувствительные убытки, некоторые купцы придумали начать тяжбы с рабочими, обвиняя их в несвоевременной сгонке лесов, и описывать у них имение с целью взыскать с них убытки. Но разве рабочие виноваты в умалении воды в реках? Человек бороться с природою не может. Благоразумные промышленники махнули только рукой на эти убытки, сознавая, что от лесопромышленности они получали раньше хорошие выгоды и нажили большие капиталы, которых достанет и на их век, и на век детей их”.

“Из промыслов, которыми занимаются городские мещане и крестьяне, в последнее время у нас садоводство стало приносить большую пользу...”

...Съезжались с разных сторон пресловутые козьмодемьянские кузнецы для выправки паспортов и женитьбы своих сыновей; они приводили из-за Камы дешевых лошадей и распродавали их здесь с барышом.

С прибытием сюда резервного батальона ... втрое вздорожали квартиры и поднялись цены на все жизненные припасы, а про нынешний неурожайный год и говорить нечего...” (271-274, 386).

Вот как писал “первый образованный с европейским взглядом на вещи” чувашский ученый и писатель свои газетные корреспонденции из уездного центра! С кем можем мы сравнить

Михайлова из современных наших журналистов? Поучиться бы у Спиридона Михайловича!

Через 9 недель, в № 18 тех же “Казанских губернских ведомостей”, появилась корреспонденция С.М. Михайлова “Вести из Козьмодемьянска”.

В 20-х – 30-х годах XIX века, вспоминает автор, на Козьмодемьянской пристани стояло до 150 судов, и в числе их некоторые расшивы были огромной величины. “С наступлением весны деятельность на пристани становилась еще сильнее, по случаю приготовления судов к путине и прибытии из уездов множества бурлаков, которые с прикрепленными к шапкам большими бурлацкими ложками важничали и громко отвечали на вопрос о себе: “Иду на Волгу!”, как будто гордясь своим званием. В каждом классе есть свое самолюбие, и бурлак важничал потому, что он шел в дальнюю путину зашибать копейку кровавым потом. Ряды тогда были высокие. Например, от Самары до Рыбинска хорошие бурлаки получали до 43 руб. серебром, а ныне получают не более 15 руб. на своих харчах, следовательно, в уплату податей поступают только одни задатки, до 5 руб. серебром, а остальные деньги бурлаки проедают... До отправления в путь у бурлаков каждый день был праздник: под звуки чувашских пузырей и русских балалаек они выплясывали казачка на палубах расшив. Женщины-хлебницы пекли хлеб по подряду судопромышленников по несколько тысяч пудов... квас разводился ими на судах уже в путине, в больших кадях, очень вкусный. Со вскрытием Волги суда становились стройно и предохранялись рабочими от напора больших льдин; на судах крик, шум и гам продолжались до глубокой ночи, а в продолжение дня приготавливали их к походу: оснащивали, смолили, таскали такелаж и жизненные припасы... Сами хозяева и их приказчики... наблюдали за действиями рабочих... Когда отправлялись суда совсем в поход... выкидывались на них флаги и производилась из пушек пальба.

Хозяева-судопромышленники возвращались домой осенью с большими кисами, набитыми серебряною монетою, а затем всю зиму пировали...

Теперь Козьмодемьянская пристань совсем не та: на ней стоит не более десяти судов, да и те остались без кладей. С развитием пароходства судопромышленность быстро пришла в упадок. Хозяева стали расшивы свои распродают за бесценок, для сгонки на них с дровами и другими лесными изделиями... Из прежних богатых судопромышленников многие пришли в совершенную нищету и едва пропитываются поденными работами на лесных пристанях, тогда как в свое время они сами были купцами. Грустно смотреть на такое положение людей нам известных; но, с другой стороны, оно так и должно было случиться: простые суда, медленно тянувшиеся бечевою, естественно, не могли соперничать с ускоренным движением пароходов” (278-280, 387).

Второе пятилетие творческой деятельности С.М. Михайлова было не менее плодотворным и успешным, чем первое. С прискорбием приходится отмечать, что многие ценнейшие рукописи этих лет, представленные в редакции разных журналов и изданий, бесследно исчезли или, возможно, еще не обнаружены. Еще в первом, особенно во втором пятилетии он создал прекрасные художественные очерки и рассказы, к рассмотрению которых и перейдем.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОЧЕРКИ, РАССКАЗЫ, ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЗАПИСИ

Спиридон Михайлович многие свои научные труды писал не только методом логического мышления, но и используя одновременно для усиления их привлекательности, впечатлительности и читабельности и метод образного мышления, прибегая даже к лирическим отступлениям. Это, вероятно, результат учебы Михайлова у выдающегося историка и писателя Н.М. Карамзина, мастера композиции, стиля и художественного слова. У Михайлова ведь и стиль, и язык – карамзинский. Мы, чувашские этнографы и историки, последователи С.М. Михайлова, по-видимому, в своих работах не следовали ему в сочетании методов логического и образного мышления, научного и художественного слога и стиля.

Первым художественным очерком Спиридона Михайловича следует признать **“Балдран-базар в Козьмодемьянском уезде”**, опубликованный в **“Казанских губернских ведомостях”** в 1852 году. Хотя сюжет его этнографический, но по форме он настоящий художественный очерк. В нем повествуется о том, что чувашская и горномарийская молодежь весной, когда все зеленеет и цветет, перед пашнею собирается на дружественное гульбище на Ядринском тракте близ околodka Сарлайкина и дер. Карачкиной. Торговцы привозят угощения. Приезжают музыканты. Девушки и парни собираются в лучшем одеянии. Здесь игры, песни, пляски, веселье, знакомства. Как природа оживает, так и душа молодежи оживает. Цветет любовь. Иногда парни затевают драки за любимых девушек. Бывало и так. Автор указывает, что в уезде нередко у марийца жена – чувашка, у чуваша – марийка, в одной и той же деревне говорят на двух языках, оба народа живут дружно. Такие сборы молодежи проводились повсеместно (21-24).

Следующий очерк – “Казанские инородцы перед памятником Державину в Казани” – появился в “Казанских губернских ведомостях” в 1853 году. Автор описывает поездку в Казань вместе с тремя своими земляками – одним стариком и двумя молодыми. “И как они приехали в Казань еще в первый раз, то просили меня показать им казанские достопримечательности – *“мискерле мыскаразам бор”*”.

– Прежде всего надобно побывать в крепости, – ответил Спиридон Михайлович.

В крепости Михайлов показывал им давно перелитый соборный колокол, вновь выстроенный дворец, Сююнбекину башню, архиерейскую крестовую церковь и прочие достопримечательности, какие вмещает в себя Казанский кремль. Были в соборе и в Спасском монастыре у вечерни. “Чуваши с любопытством и с великим уважением смотрели на все мною показываемое. Наконец, я им сказал:

– Пойдемте-ка, товарищи, со мною: я вам покажу еще одно чудо из чудес.

Тотчас мы пустились из крепости по Воскресенской улице туда, куда меня давно звало сердце, и вот я их привел в обширный двор университета к памятнику певца оды “Бог” и “Фелицы” Гавриила Романовича Державина.

В это время дул восточный ветерок, который, ударяя в вознесенную правую руку поэта, производил какие-то таинственные звуки, и, казалось, Державин взывал к небесам:

Ты свет, откуда свет истек
Создавший все единым словом,
В твореньи простираясь новым,
Ты был, ты есть, ты будешь в век!

Мои спутники оцепенели от удивления, не знают, что сказать. Наконец я, указывая рукою на памятник, спросил изумленных зрителей:

– Понимаете ли вы, кто это такой?

На этот вопрос старший из чуваш загремел стенторским голосом:

– Это богатырь, воевавший Казань с царем Иваном Васильевичем; я в Москве видел двух таких богатырей.

Старик, принявший Державина за богатыря, победителя Казани, был отставной кирасир, поседевший в бранях под знаменами государя Александра Благословенного. Я должен был ему сказать:

– Нет, старик, ты не узнал этого великого человека; он точно богатырь, но только не одними воинскими деяниями, но и твердостью великого ума: он богатырскими словами уничтожал злобу, коварство, водворял правду, любил добродетель, отечество, любил Бога и царя.

Словом, я рассказал им всю биографию Державина, внушив им и то, что он тоже был в военной службе при царице Екатерине II. Был прежде беден, но учился всему, и, наконец, когда мудрость его узнали цари, сделали его министром, а по смерти его государь наш, ценя заслуги его отечеству, повелел воздвигнуть ему этот памятник, перед которым мы теперь стояли в Казани, потому что Казань есть родина Державина.

Переданные мною слова сильно подействовали на сердца молодых моих товарищей. Они благодарили меня, что я показал им такого мудрого и заслуженного мужа, и когда должно было нам идти со двора университета, то самый младший из них, разлучаясь с памятником, стал плакать, произнося сии слова:

– Прости, наш казанский великий человек! Я тебя уже не увижу.

Он, действительно, может быть, его не увидит, потому что должен был проститься с родиной и отправиться в армию на службу великому царю русскому.

Теперь в том селении, из которого были мои спутники-чуваши, часто повторяется имя Державина, и таким образом сбылось поэтическое предсказание певца Фелицы:

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал.

Спиридон Михайлович в своем очерке сделал следующее заключение: “Таким образом и чуваши, слыvuщие доселе самыми необразованными инородцами, тоже любопытны, тоже умеют ценить добродетель не менее просвещенных людей и

также способны к восприятию возвышенных понятий...” (325-327, 391).

В 1854 году в “Казанских губернских ведомостях” С.М. Михайлов опубликовал свой очередной художественный очерк – **“Капустки, простонародные игры в Козьмодемьянском уезде”**, также с этнографическим сюжетом, как и первый очерк. “Известно, – пишет автор, – что в скромных уездных городах нет ни особенных спектаклей, ни блестящих собраний, где бы можно было проводить время в удовольствиях, как высшее сословие встречает их в губернских городах, где есть и театры, и маскарады и т.п. увеселения. Но Русь на выдумки изобретательна: у ней и в низшем классе есть свои удовольствия, сопровождаемые ликованиями не менее первостепенных людей, по пословице: “Богатый на деньги, а голь на мудрости”.

Очень естественно, что у сельских красавиц, а также и у девушек маленьких городов, живущих на одних и тех же правилах, лучшая пора для хороводов и тому подобных увеселений была и есть весна, до окончания древних славянских семиков, продолжающихся до самого истечения Троицкой недели, после же того не бывает никаких других периодов для игр – до самых святок”. Родители молодежи придумали-таки для нее осеннее увеселение, “когда бывает время свободное и когда рубится девушками капуста”.

“Игры сии, называемые так выразительно от рубления на зиму капусты капустками, получили здесь начало свое от соседственного города Чебоксары, где легкость денежной добычи, хорошая торговля и неразлучная ее спутница – роскошь были главною основою оных с давних лет. Из козьмодемьянцев же, будучи многие связаны с тамошними гражданами узами родства и торговлею, переняли этот обычай и перенесли, к немалому удовольствию молодежи, в свой скромный городок не более как назад тому лет с десять, тогда как здесь раньше слыхом не слыхано и видом не видано было подобных игрищ. Рубили капусту без всяких церемоний, каждый своей семьею. Однако ж худого в том нет, и наши граждане ныне гласят: честь и слава чебоксарцам!

В приволжских городах и селениях насаживают женщины в огородах довольно капусты, потому что многие распродают ее квашенною в весеннее время бурлакам на суда и от того получают немалую пользу; а ныне, с учреждением этих народных игр при рублении капусты, девушки более стали ухаживать за нею, когда она растет на грядках, имея в предмете не только денежную пользу, но и осенние игры с молодцами, когда настает пора рубления оной на зиму. Эта операция сопровождается следующими церемониями...

В половине сентября месяца, когда должно рубить капусту, девушки, с позволения своих родителей, соглашаются между собою, у которой в какой день рубить ее и делать вечеринку, дабы тем продлить это время игр и у каждой подруги повеселиться особо. У очередной девушки к назначенному дню готовят домашнюю брагу, убирают комнаты и моют как чище полы, для принятия гостей; а родители запасаются напитками и гостинцами. В день рубления капусты стекаются по зову все ближайшие подруги, которые и рубят капусту с утра и до вечера с веселыми песнями, в ознаменование происходящей в том доме капустки. По окончании таковой операции, вечером, когда подадутся огни, девушки сперва пьют чай, а потом одеваются в шелковые, кисейные и шерстяные платья и во все модные принадлежности, убрав головы одни – косынками-наколкой, а другие по-дамски, дабы встретить молодцов во всем блеске. Между тем на столы расставляют побольше свеч и разного десерта, как-то: конфет, орехов, пряников и других лакомств. Наконец, девушка-хозяйка, у которой идет вечер, с позволения своих родителей предвывает холостых своих родственников, чтобы они посетили с своими товарищами ее капустки. До прибытия их девушки чинно сидят в ряд и поют какую-нибудь игровую песню. Молодцы-кавалеры, напомадившись, являются на вечеринку разряженные в сюртуки, пальто и другое платье. Являются на беседу и прочие родственники, даже старики и старухи, – посмотреть на игру девиц с молодцами. Девушки, принявши кавалеров, угощают их сперва также чаем, а родители – напитками, но они употребляют последних очень мало...”. Девушки замечают родственнику-молодцу: “Что же,

Порфирий Ильич, Вы пожаловали без гитары, нам без музыки скучно”. Родители девушки-хозяйки разрешают пригласить музыку. “Во время таких переговоров уже давным-давно на дворе ожидают музыканты, приглашенные молодежью предварительно. И вот, по получении дозволения, является на собрание в отличном сюртуке с припеченными кудрями молодец из чуваш с своими ручными гусями, за ним товарищ его со скрипкою и гитарою. Домохозяйева тотчас подают по рюмке вина”. Музыканты начнут настраивать инструменты, но у них гитара с гусями не приходится в строй. “Наконец, гусельщик из чуваш, видя неудачу, говорит в досаде своим исковерканным языком: “Нет, *кусле* с титаром не строишь, лучше давай играть одним *кусли* с скрипкой”. “На этих инструментах и загудят, наконец, какую-нибудь игровую песню. А девушки, ожидавшие с нетерпением музыки, тотчас хором подхватывают и продолжают петь. Таким образом поют под музыку все игровые песни, которые разучены музыкантами весьма твердо, в особенности на гусях двумя известными здесь чувашскими молодцами, не оставляющими ни одной вечеринки без посещения, по особой привязанности к ним девушек, как к виртуозам древних славянских кифар, называемых напрасно чувашскими гусями. Смотря на такую благосклонность русских красавиц к чувашским молодцам, невольно призадумываешься, что со временем чуваша сольются с русью. В настоящее время многие из таких артистов поженились на русских девушках и живут очень хорошо”.

“Известно, что песни – поэтические памятники жизни народной. Таким образом, по некоторым игровым песням не только можно иметь понятие о физическом положении страны, климате и других особенностях, но и о состоянии умственного образования жителей и об их наклонностях. Собственно игровыми называются те песни, пение которые сопровождается какою-нибудь игрою сообразно содержанию песни”.

Далее автор дает целый сценарий игровых песен с текстами их в 186 строк, которые исполняют девушки и парни, часто дуэтом, в ходе игр, с описанием самих игр. Редчайшая инсценировка, встречающаяся в литературе.

“После игровых песен начинаются игры без песен, пляски под звуки музыки: русской барыни, казачка, вальс-казака, экосеза (кадрили) и т.п.”.

“Игры и пляски на вечерке продолжаются до глубокой ночи, и по окончании их девушка-хозяйка угощает подруг, равно молодых людей и всех гостей затейливым ужином”. Расходясь по домам, “дорогою девушки и молодцы поют хором, под звуки музыки, песни плясовые или протяжные” (158-166, 380).

В составе дневниковых записей Спиридона Михайловича за 1855 год, хранящихся в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета, обнаружена рукопись простонародной легенды, записанной и обработанной автором и названной им “Чебоксарцы-свиносуды”. Это, фактически, юмористический рассказ, сочиненный С.М. Михайловым. Он опубликован в 1971 году в “Трудах” С.М. Михайлова. В Чебоксарах ходили слухи, что из-под моста через Чебоксарку выходит свинья-оборотень и делает проходящим всякие пакости. “Народ заметил, какой величины и шерсти была свинья, и по примете наблюдал за появлением оной”. Однажды из-под моста действительно вышла такая свинья. Чебоксарцы загнали ее в полицию. “Там, заключив ее под крепкую стражу, дали знать об этом городничему”. Этот отдал свинью на произвол граждан. “Граждане, раздосадованные пакостями оборотня, давай свинью ... тузить так же, как тузили в Хемницеровой басне свинью, зашедшую к соседу в сад: кто палкой, кто кочергой, а кто шайкой, и заварили почтенные чебоксарцы такую кашу, что святых вон понесли, и свинью эту оставили еле живую”. Слуги помещика Селиванова спохватились, что свинья пропала. Узнали, что в полиции задержана свинья-оборотень. Пришли в полицию и увидели заколоченную свинью господина. Граждане не верят. Решили, пригнать ее во двор Селиванова в сопровождении граждан. “И свинья Селиванова после жестоких побоев является в конуру к своим пороссятам, которые встречают ее и бросаются сосать свою мать. Тогда уже граждане поверили в подлинность свиньи, а не оборотня” (328, 391).

Тесть Михайлова Петр (фамилия так и не установлена) был переведен из Козьмодемьянска в город Яранск Вятской губернии. Вместе с женой Екатериной Петровной он приезжал в Яранск в гости и, пользуясь случаем, записывал легенды, вернее, юмористические рассказы о вятчанах. В 1854 году Спиридон Михайлович составил сборник юмористических рассказов под названием “Легенды про вятчан”. В нем было представлено более 20 рассказов. Сборник был отправлен составителем в журнал “Москвитянин”, но не увидел света. Рукопись сборника не найдена. В дневнике С.М. Михайлова за 1855 год сохранились тексты четырех юмористических рассказов, которые впервые опубликованы в 1972 году в “Трудах” С.М. Михайлова.

В коротком рассказе “**Была ли голова у вятского охотника?**” сообщается, что несколько вятских мужиков прибыли в лес ловить медведя и подошли к его берлогу. Один из удалцов подходит ближе к медведю показать свою ловкость и поразить медведя. Мишка Топтыгин оторвал ему голову и удалился в берлогу. Лежит только туловище, охотники спрашивают друг друга: была ли у товарища их голова? Приходят в деревню к жене и спрашивают: “Была ли у ее мужа голова, когда отправлялся на медведя?” Она отвечает:

– Видела, что у мужа борода-то моталась, а голова-то – не догадалась.

Здесь смысл “головы” не в физическом ее существовании, а в ее соображении. Бездумно поступил удалец.

Второй рассказ: “**Как вятчане нахлебались толокна**”. Вятские мужики отправились обозом продавать толокно. Видят, на реке Вятке солдат сделал небольшую лунку, развел в ней сухари и кушает. Обозники с толокном спрашивают его:

– Служивый, пожалуй, скажи нам, что изволишь хлебать?

– Толокно, – отвечает он.

Обозники, следуя примеру солдата, сделали на Вятке большую прорубь – и давай в нее валить из возов толокно на всю артель. Но любимого кушанья не получилось: толокно уносилось стремлением воды под лед. Один из них догадался, что толокно лежит на дне реки, и мыр в реку. Товарищи,

ждавшие возвращения долгое время, предположили, что он один ест там толокно – и давай друг за другом бросаться в прорубь толокно хлебать. До сих пор там хлебают.

Третий рассказ: **“Никто из вятчан не хотел лечь с краю”**. Летом вятчане отправлялись на ярмарку продавать товары. На дороге застала их ночь. Развели огонь, легли на лужайке спать. Но никто не хотел лечь с краю. Спорят. В это время приходит один солдат и спрашивает их:

– О чем вы спорите, мужичье?

Мужики объяснили. Солдат нашел выход: взял он кол, заострил его и вколотил в землю, велел всем лечь головой к колу. С краю не оказалось никого. Солдата щедро наградили за успокоение их.

Четвертый рассказ: **“Не успевши переехать, стали онучи сушить”**. Вятчанам предстояло переправиться через Вятку, но лодки не было. Хитрейший из них велел прикатить из лесу большую колоду и одной половине артели сесть верхом на колоду и переправляться. Эти отважные пловцы, чтобы не свалиться с колоды в воду, опущенные в воду ноги связали. Когда эту колоду с пловцами товарищи оттолкнули в реку, то она тотчас перевернулась с всадниками, поднявши завязанные ноги вверх. Тогда товарищи кричат с берегу:

– Не успели вы переехать через реку, а уже онучи сушить! (329-330, 391).

В черновых набросках труда “Историко-этнографический очерк быта чуваш. Общее заключение о чувашах” сохранилась запись предания **“О Сарые”** – чувашском сотнике-тархане – вожде национально-освободительного движения верховых чувашей против ига казанских ханов и феодалов и за мирное вхождение в состав России. Точный текст предания опубликован в 1972 году в “Трудах” С.М. Михайлова. Приведем текст предания с незначительным сокращением: “До покорения Казанского царства в нынешнем Ядринском уезде был чувашин Сарый, слывший между своими соплеменниками храбрым богатырем.

Казанские цари жили почти за счет чуваш, населяющих богатую страну, часто временно посылали своих подчиненных

обирать их и уводить в неволю их дочерей, отличающихся особенною красотою. Сборщики эти во время своих разъездов, гуляя на раздолье, предлагали царские пиры для оболыщения чуваш, которые на них сильно напивались. Татары, пользуясь их слабостью, брали их дочерей и отправляли в неволю, а при малейшем сопротивлении оказывали всю варварскую жестокость: резали нещадно мирных людей и грабили их достояние.

В один из таких вояжей татары хотели поступить таким же образом и с дочерью Сарыя-богатыря, слышшею между своими соплеменниками красавицею. Прибыв к нему, предложили ему, [как] обыкновенно, царский пир.

Но Сарый был не простак, знал, в чем дело. Хотя и согласился он пировать с ними, но тогда же распорядился выслать на дорогу и скрыть в лесу свою дружину, состоявшую из подобных ему наездников, предупредив их, что-де когда он заиграет в дудку *ной*, они бы приготовились, когда заиграет в другой раз, садились бы на лошадей, а когда заиграет в третий раз, то чтобы мгновенно они нападали на татар.

Как сказано, так и сделано. Когда татары отправились с дочерью Сарыя, то он, выехавши провожать ее, испросил позволение на разлуку с дочерью сыграть печальные песни на дудке *ной*. И когда он заиграл в третий раз, то бывшая в засаде дружина его, ожидавшая по условию решительной минуты, тотчас выскочила из лесу с конями и, напавши на татар, положила их всех на месте.

После такого поступка не оставалось Сарыю ждать хорошего от казанского хана, и потому он обратился к русскому царю, давши обещание быть вожаком, чтобы указывать войскам все дороги и укрепления, какие тогда находились у татар". Далее указание предания на то, что Сарый за короткий срок успевал быть у русского царя в Москве, С.М. Михайлов считает не вполне точным: "Сарый мог ездить так успешно не в Москву, а к русским воеводам в город Васильсурск, в 30 верстах от жилища его состоящий". "По преданиям чуваш, жил он на правой стороне реки Суры близ нынешнего города Ядрина, какая деревня и поныне называется Сареевою, или Сарыевою, в

которой в семик бывает особое гульбище чуваш, вероятно, в воспоминание своего богатыря. Чувашаи здесь очень бойкие и живут почти по-русски..." (331-332, 392).

В тех же черновых набросках труда "Историко-этнографический очерк быта чуваш. Общее заключение о чувашах" содержится примечательный очерк "**Чувашские аристократы**". В прошлых годах, указывает автор, в славе были у чувашей в Ядринском уезде два аристократа.

"Первый, деревни Туван Петр Федоров Охвер, давно уже умерший, который служил несколько лет в земском суде заседателем, имел высочайше пожалованный кафтан и был богатый и весьма умный человек. К нему часто ездили в гости исправники, заседатели и другие чиновные люди, потому что Охвер был у народа в большом доверии, и чувашаи его слушались. Жил он почти по-русски, был он хороший пчеловод. Но со смертью дом его расстроился. Теперь сыновья его живут [*зачеркнуто*: гораздо хуже, почти в бедности]. Один из внуков Охвера хорошо обучился грамоте, женился на русской и был волостным писарем.

Второй, села Асакасов, околodka Юманлых, Сергей Афанасьев, попросту Сергушка, был несколько лет волостным головою и, к удивлению чуваш и русских, дерзал бить своего волостного писаря, потому что Сергею дано было на это высшим уездными властями особенное право, за его расторопность и сметливость при разных мирских поборах. Бывало, он прикажет собрать по рублю с души, и чувашаи собирают, не смея противоречить своему повелителю. А чтобы поддержать Сергею в народе вес, уездные власти частенько посещали его и дружились с ним, то есть *досишсь*, равно и Сергея принимали сами власти у себя как дорогого гостя. Например, сажали его на стул и подавали стакан пунша с ромом. Но, увы! Все это угощение наконец падало на чуваш, потому что Сергей должен был собирать за сделанный ему прием порядочную контрибуцию с своего народа, да и сам обязывался дарить господ своих или лошадью, или пчелами. Конечно, при сборах и сам Сергей не клал на свою руку охулки, ловил в

мутной воде рыбу весьма удачно и разживался основательным образом.

Приводил случай и мне бывать у Сергея Афанасьевича и рассматривать его домашнее хозяйство. У него был большой дом с балконом, кроме того, на дворе несколько избышек для работников и домашней челяди. Много было у него амбарушек с хлебом и пчел в огромном саду. Но со смертью его все его благосостояние расстроилось, так что не осталось после обширного дома ни одного строения – сыновья и внучата спустили с рук все благосостояние, как нажитое недобрым путем” (192-193, 383).

Следующие два художественные произведения, созданные С.М. Михайловым в 1858 и 1859 годах, можно назвать рассказами. Первый рассказ (новелла) под названием “Человек предполагает, а Бог располагает” был написан в 1858 году и представлен автором в Русское географическое общество, неоднократно опубликован в советское время. Русский мужик имел двух коров, одна заболела. Он продал больную корову тороватому мяснику за 10 рублей. Вырученные деньги положил не в сундук, а в горшок молочный. Утром жена подоила здоровую корову и молоко вылила в горшок, где лежал 10-рублевый билет. Узнав от мужа, что в горшке билет, она достала его и повесила сушить на лучинке. Тут кошка схватила с лучинки билет, убежала и изжевала билет. Смысл дидактического рассказа: не обманывай, не хитри, иначе все обернется на твою же голову (333-334, 392).

В конце 1859 года Спиридон Михайлович завершил второй рассказ – “Разговор на постоялом дворе”. Проезжающий остановился в приволжском селе в приличном постоялом дворе. Хозяйка-вдова, порядочная женщина, рассказывает приезжему чиновнику, как волостной голова в этой чувашской волости сейчас собрал от чувашей 1000 рублей в ожидании будущего набора. Да и лесной начальник отпускает чувашам дрова только за взятки. Остановившийся на ночлег чиновник говорит, что в этом году никакого набора не будет, о наборе придумал голова. А старуха говорит, что калым собирали для головы писаря.

– За что? – спрашивает приезжий.

– По умышленному-то набору. Застращали их, бедных, как овец: с кого 10, с кого 20, а с кого 30, с кого 50, а с кого сорвали и по 100 целковых. Недаром говорят, что наш голова отправил несколько тысяч в ломбард.

– А кто у вас голова, ведь такой же чувашин?

– Нет, родимый, не такой чувашин, а из городских мещан, был прежде писарем, да записался в крестьяне, в чувашскую деревню, да и сделался головой, да и стал пуще прежнего всех надувать. Прежде головы были из чуваш, не умели так плутовать. Где чувашину так обманывать!

– Есть ли у вас еще такие головы?

– Коли нет. Таких плутов ведь любят. Ныне в чувашах все такие головы поделаны, чтобы с живого шкуру драть. Нет житья от них бедным чувашам. Они хитры на злые выдумки. Вот хоть бы наш голова Федор Иванович побудет годов в пяток и выйдет в купцы, торговать лесом.

– Разве у вас хорошо торговать лесом?

Старуха:

– Коли нехорошо. Купцы сильно громят казенные леса: дана им воля от лесных (325-338, 392).

В приведенном рассказе Михайлов предельно четко выразил свое отношение к волостным головам и писарям из русских, расставленных в чувашских волостях. Об этом он писал и в своих научных статьях.

В феврале 1860 года Спиридон Михайлович написал очерк “Злополучный сын” и представил его в Русское географическое общество. Очерк стал достоянием читателя только в советское время. Нам удалось выяснить, что этот замечательный и поучительный очерк С.М. Михайлов посвятил семье любимого тестя. Тесть его Петр (фамилия его ни в одной работе автора не раскрывается) был происходившим из купцов ростовским мещанином. Переехал с семьей в Козьмодемьянск и служил здесь поверенным по питейным сборам у знаменитых откупщиков Мясниковых. “Продолжая службу добросовестно, он состояния не имел, а где честные бывают богаты? По пословице – “Не пустишь душу в ад, не будешь богат”. У него были два сына, Иван и Петр, и четыре дочери. Когда дети стали

подрастать, то он сыновей определил на службу, а двух старших дочерей в Козьмодемьянске выдал замуж. (Не знаем, за кого была выдана старшая, а ее дочь Федосию Михайловы взяли на воспитание, вторую, Екатерину Петровну – за Спиридона Михайловича.) “Младшего сына, Васю, 16-летнего мальчика, по назначению хозяйской конторы проводил в дальнюю Сибирь, в Иркутскую губернию... с одним приказчиком, старше его летами, посланным в Иркутск тоже на службу”.

“По прибытии на место Вася служил хорошо... писал он родным письма... радовал их своим благополучием”.

“Приказчик, с которым он прибыл в Иркутскую губернию, будучи мужчина уже совершенных лет, познакомился там с одною ловкою сибирячкою и содержал ее у себя в экономках. Она знала и ведала, что у любезного своего дружка довольно суммы хозяйской... В один вечерок любезный ее подкутил; на балу случилось быть у него и молодому Васе, так же, как он и всегда к нему хаживал. Ловкая сибирячка, когда друг ее в бахусе заснул, подобрала у него денежки и скрыла их очень хорошо. Вася наш, ничего не замечавший за собеседницею, спокойно уходит к себе на квартиру...”

Утром приказчик обнаружил пропажу денег. Сибирячка не призналась в краже, объявила воров Васю. Обыск у Васи денег не обнаружил. По приговору суда “невинного и беззащитного мальчика Васю заключают в острог, как вора, хотя и не было на это никаких законных причин, но известно, что деньги (то есть взятка. – В.Д.) и камень долбят”. “Несчастный Вася томится в тюрьме ровно два года”. Выходит срок его паспорта. Его высылают по этапам вместе с разбойниками, убийцами в Ростов Ярославской губернии. 6000 верст с прибавкой шел он чуть не два года, “натерпелся всего того, чего изобразить трудно”. В эти годы отец с семейством был переведен на службу в город Яранск Вятской губернии, где он и умирает. Старший сын его, Иван Петрович, служил в другой дальней губернии и имел свое немалое семейство. Узнав и о кончине отца, он возвратился в Яранск к матери, оставшейся с двумя дочерьми – девушками. Здесь он поступил на должность и стал поддерживать многочисленное семейство. Сестер своих выдал замуж. Вдруг к

ним приходит неожиданная весточка, что Вася шествует по этапам в горестной нищете и уже приближается до родного города Ростова. Ростовские начальники приняли Василия Петровича недоброжелательно. Пойти в рекруты за общество Вася отказался. Бородачи-начальники все же выдали ему паспорт. Он является в Яранск к родным 20-летним молодцом.

“Вскоре после того хозяйские дела переменились, и это доброе семейство, по распоряжению комиссионера, переехало в Пензу, где стал служить и Вася с братом своим, и служил очень хорошо”.

По случаю начавшейся войны стали производиться чрезвычайные наборы, и оба брата были потребованы в свое общество в город Ростов к отправлению рекрутской очереди. Вася поступил в рекруты за свое семейство. Но года через два после того старшего брата вновь требуют в общество, якобы для отправления рекрутской очереди по жеребьевой системе... Бородачи объявляют ему [ложно], что меньший брат его Василий пошел в рекруты не за семейство свое, а за общество, и что за семейство должен идти он сам, поелику-де он в обществе дома, приносящего дохода 50 руб. серебром, не имеет, а таких-то одиночек велено призывать к жребию”. Иван Петрович обоснованно возражает, но его не слушают. Он “представляет им, что не дом воспитывает семейство его, а он сам, имеет престарелую мать, жену и семь человек малолетних детей; в семействе он единственный работник и кормилец и что подобных людей жеребьевое положение избавляет от призыва в рекруты... Но сколько он ни говорил правдиво, все было напрасно. Бесчеловечная толпа распорядилась отдать его в распоряжение рекрутского старшины, угрожая отдать непременно в рекруты. Наш Иван Петрович видит, дело плохо: дулся, дулся, наконец должен был дать (добавим: взятку. – В.Д.) 200 руб. серебром да еще вексель в 40 руб. серебром одному чиновнику, принявшему якобы за него какое-то ходатайство... Иван Петрович ... затевать кляуз не хотел... видя, что по рекрутской части правды нет, а торжествует одно зло...”

“После таких испытаний это несчастное семейство переезжало из Пензы в Тамбов, по обстоятельствам службы

Ивана Петровича, и целый год терпело самую крайнюю нищету. Наконец провидение послало оному отраду: Иван Петрович, как гражданин, зарекомендовавший себя честными правилами, ныне имеет хорошее доверие и занимает выгодную должность в Воронежской губернии. А брат его Вася, злополучный Вася, недолго служил царю: он помер в молодых летах”.

“Пишущий строки сии знавал самого покойного отца семейства: происходил он из купеческого звания и был близок к знаменитым Мясниковым. Действительно, муж сей был человек честных правил: детей воспитывал в страхе божием как русский славянин, любил трудолюбие, кроме занятий по должности, в часы досуга занимался токарным и столярным мастерством и однажды сделал деревянные стенные часы. Любил он читать анекдоты Петра Великого, сочинения Штелина, и самого его звали Петром. Дочери его умели читать и писать и знали хорошо женское рукоделие. Но мир праху твоему, добрый и честный гражданин” (339-345, 393).

Очерк **“Масленица в Козьмодемьянске”** написан С.М. Михайловым не как этнографическое описание, а в форме рассказа. Он был представлен в Русское географическое общество. Опубликован в **“Трудах”** в 1972 году. Автор сетует на то, что в прошлые времена в городе масленицу праздновали торжественно, народ плясал, веселился, катался на санях. “Ныне уже катаются на масленице в нашем городе одни только зажиточные граждане, имеющие своих лошадей и хорошую упряжь. Веселятся не в таком виде, как в простые давно минувшие годы. Не токмо купцы, но даже и низшее сословие стремится к высшим удовольствиям: чтобы послушать музыку, попеть хорально какие-нибудь романсы, поиграть в игре, поплясать и даже потанцевать. Ныне у нас на масленице давались спектакли от господ офицеров квартирующего батальона и были танцевальные вечера в доме уездного училища. Только жаль, что в настоящих гражданах не истребляется глупая спесь и надменность, совершенно неприличные в настоящий век народного просвещения. Гордым Бог противится, а смиренным дает благодать” (275-277, 396-387).

К жанру очерков или фольклорных записей можно отнести работу **“Воспоминание о пугачевщине”**, опубликованную в “Казанских губернских ведомостях” в 1860 году, при жизни ученого и писателя. “Пугачевский бунт доселе памятен старожилам, а чувашаи и черемисы даже ведут от него свое летосчисление: старики их от пугачевщины считают свои года и определяют хронологию разных народных событий”. Пугачев оставил Козьмодемьянск в покое. “Горные черемисы и чувашаи, часть которых обращена была в христианство до Пугачева только лет за 25, а другие оставались еще в язычестве, охотно и во множестве приставали к самозванцу; те, которые не хотели пристать к нему, скрывались в тогдашние дремучие леса, оставляя дома свои пустыми. Это было на руку мятежной шайке... Главнейшее злодеяние пугачевской шайки в инородческих улусах состояло в истреблении православного духовенства. Только что построенные тогда деревянные небольшие церкви были разграблены, а некоторые даже сожжены, духовенство вешали, дома их грабили, женщин подвергали насилию”. Козьмодемьянцы вместе с крестьянами русских селений разгромили скопление повстанцев в Кожважах. “Козьмодемьянцы, возвратившись с победой, заключили бунтовщиков под стражу, и все они потом были казнены. Говорили, что многие из них были повешены, а другие до смерти засечены кнутом и нагайками”.

“В это смутное время чувашаи Ядринского уезда, вместе с шайкой Пугачева, действуя также против своего духовенства, явились большою толпою по берегу реки Суры, против самого Ядрина, с намерением грабить в нем жителей, соляные магазины и питейные дома. Ядринские жители притворно изъявили покорность и предложили им свой перевоз через Суру, но, переезжая по небольшому числу, в городе тотчас их хватили и душили, и оставшиеся на той стороне чувашаи не могли догадаться о таком обмане, пока все не подверглись той же участи. В тридцатых годах настоящего столетия (XIX-го. – В.Д.) был еще жив один чувашин, бежавший в пугачевщину из Ядрина. Он рассказывал, что ядринцы запирали их в дымные избы, морили голодом, вешали за ноги, крутили руки и головы,

немилосердно били нагайками, посыпая спину солью и поливая раны вином... После одного из таких страшных истязаний он притворился мертвым и ночью, собравшись кое-как с силами, тихонько, ползком, спустился на Суру, переплыл через нее и прибежал домой” (281-284, 387).

Песни на чувашском языке, записанные от певца-чуваши Федя, были опубликованы Д.П. Ознобишиным в 1833 году в журнале “Заволжский муравей”. Затем, в 1840 году, А.А. Фукс в книге “Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии” поместила шесть песен на чувашском языке, спетые тем же Федей. В.А. Сбоев в книге “Исследования об инородцах Казанской губернии”, печатавшейся вначале в “Казанских губернских ведомостях” в 1849 году, опубликовал чувашские тексты восьми песен.

В 50-х годах XIX века наибольшее количество записей произведений чувашского фольклора и “разговоров” на чувашском языке издал С.М. Михайлов. Он умело использовал кириллицу для записей текстов верхового говора, можно сказать, создал вирьяльскую письменность. Им в 1853 году в “Казанских губернских ведомостях” были опубликованы чувашские тексты песен “Чим-чим кызыя” (“Постой, чижик”) с объяснением смысла каждой строки, “Айда, инге вурмана” (“Пойдем, сноха, в лес гулять”), “Песни ребят чувашских”, “Гостевая благодарственная песня” – всего 53 строки, 35 пословиц и примет. Они вошли и в изданную в том же году книгу С.М. Михайлова “Чувашские разговоры и сказки”, вторую часть которой составили записи “разговоров”, “рассказов”, преданий, сказок, загадок и прибауток. При жизни С.М. Михайлова никаких недоразумений об авторстве этих записей не возникало. Вся книга была издана под авторством С.М. Михайлова. После его смерти этнограф В.К. Магницкий в пяти работах, опубликованных в 1867-1901 годах, указывает, что составителем перечисленных разделов был священник села Ишак Козьмодемьянского уезда В.П. Громов, который якобы сам подтвердил это (370). Магницкий также утверждал, что рукопись второй половины “Чувашских разговоров и сказок”, приобретенная им от владельца дома покойного

С.М. Михайлова, написана рукой В.П. Громова [68]. Историк П.Г. Григорьев согласен с Магницким. Однако экспертизы почерка не проведено. Черновые записи С.М. Михайлова можно приписать кому угодно. Мы имеем и другие сведения. Сам Михайлов в цитированном выше письме А.И. Артемьеву от 29 декабря 1851 года обещал выслать ему собранные им разговоры и песни чувашей. А. Невзоров в самом начале 1853 года, задолго до опубликования книги, писал, что “Михайлов доставил в редакцию “Казанских губернских ведомостей” этнографические описания чуваш с большим собранием песен, пословиц, сказок и загадок, разговоров и поговорок чувашских, что все вместе составит толстую и очень интересную книгу” [69]. И.Н. Березин в рецензии на книгу “Чувашские разговоры и сказки” отмечал: “В чувашских текстах, представленных г-м Михайловым и собранных прямо из уст народа, дышит самобытная фантазия темных чувашских лесов...” [70]. В.П. Громов, проживавший в селе Ишаки, не мог описать сборы на Балдран-базар у деревни Сарлайкино, расположенной в 40 с лишним километрах от села Ишаки. И многие другие записи совпадают с сюжетами михайловских трудов. Нам удалось установить, что так называемые “разговоры” (предания и воспоминания) связаны с деревней Юнга-Ядриной, выселком Юнгапось и окружающими их селениями и не имеют никакого отношения к селу Ишаки. Лишь “разговор” между низовым и верховым чувашами записан в селе Ишаки, которое Михайлов посещал часто. Диалектолог Л.П. Сергеев сообщил нам, что тексты второй половины книги Михайлова относятся к сундырскому, а не ишаковскому говору. Спиридон Михайлович знал Громова, пользовался его библиотекой и мог прибегнуть к его услугам, в частности, по орфографированию записанных им самим чувашских текстов. Из переписки с А.И. Артемьевым, например, известно, что свое “Описание обретения иконы Святителя и Чудотворца Николая в дачах Юнги-Ядриной Козьмодемьянского уезда в 1777 году” он посылал “для точной проверки на место к одной духовной особе” (по-видимому, к священнику Чемеевской церкви) [71]. В.П. Громов в 1855 году был лишен сана священника за

вымогательство и обирание прихожан. Он мог говорить В.К. Магницкому неправду.

“Чувашские разговоры и сказки” получили восторженный отзыв И.Н. Березина: “...Книга составлена со знанием дела... Чувашский быт... описывается очень рельефно... Очень любопытна глава о происхождении чуваш... Изданием чувашских текстов господин Михайлов оказал большую услугу восточной филологии...” [72].

Во второй части книги “Чувашские разговоры и сказки” представлен “разговор” между низовым и верховым чувашами на чувашском языке с соблюдением диалектных особенностей обоих говоров. Разговор ведется в дружеском духе о погоде, сельском хозяйстве, пище, трудной жизни крестьян. Михайлов низовыми считал чувашей *анат-енчи* – средненизовых Чебоксарского и Цивильского уездов.

Второй “разговор” между Танехпи, Ювашкой и Мидушем написан на чувашском верховом говоре о сборе на Балдран-базар. Парни договорились выехать на гульбище на телеге, запряженной двумя лошадьми. Двое из них приделались в самую лучшую одежду, а у третьего такой одежды не оказалось.

Третья запись – “Старик Павел Фролов рассказывает молодому своему свату приключения, случившиеся с его отцом в 1769 году”. Старик рассказывает, как его отец ездил из района Юнги-Ядриной в приволжские деревни за яблоками и как ограбили его воры в районе деревни Олгаши.

Четвертая запись – “рассказ” дедушки Фрола о том, как Пугачев всякими обещаниями привлек чувашей на свою сторону и как они боролись под его флагом.

Интересна и пятая запись – “рассказ” дедушки Ивана о приличной жизни в прошлом и происхождении названия *вирьял*. Название неверно выведено от слова *вёрүсĕ* “наговорщик”. На самом деле оно произошло от слова *вир* “верх” (сравни: *çуç вир тăрать*).

Шестое фольклорное произведение – “Выговор Матрены дочери Ольге за отлучку к пузырнику”. Матрена, по сведениям С.М. Михайлова, его двоюродная сестра, укоряет девушку Ольгу за то, что без согласия родителей “гоняется” за

пузырником Никитой, “не очень хорошим человеком”, сыном Черного Ивана.

Вслед за “разговорами” и “рассказами” помещены две чувашские сказки. В первой сказке вдова-пьяница заставила своих двух дочерей выйти замуж за родных братьев, хотя дочери предупреждали: “За такой большой грех нас проглотит земля”. Младшая дочь убегает из дома, избавляется от преследований колдуньи, питающейся человеческим мясом, и вместе с дочерью колдуньи возвращается в деревню. По предсказанию юмзи дом вдовы вместе с грешными детьми проглотила земля. Младший сын вдовы женится на умной и красивой дочери колдуньи, живет с женой счастливо. Вторая сказка – о “дружбе” лесного жителя с медведем. Человек расчищал чищобу. Подходит к нему медведь и говорит: “Я тебя съем”. По просьбе человека медведь соглашается дружить с ним. Вместе посеяли ячмень, чтобы плоды разделить пополам. Медведь согласен получить корни. В следующем году посеяли репу. Медведь согласился получить верхушки. Он рассердился на человека и решил расправиться с ним. Но человек уговорил его продолжить “дружбу”. При совместном раскалывании чищобных корней медведь погибает.

За сказками идут чувашские загадки, за ними – прибаутки.

Для середины XIX века все это – самое крупное собрание произведений фольклора верховых чувашей. При этом следует заметить, что С.М. Михайлов ввел фольклорный жанр “разговоры”, в котором участвуют два-три лица. Все чувашские записи переведены на русский язык. Записи ценны и для исследования особенностей и словарного состава верхового говора середины XIX века.

Жизненный путь государственного крестьянина околodka Юнгапось дер. Юнги-Ядриной Козьмодемьянского уезда Спиридона Михайловича Михайлова, в каком-то звании он, приписанный к семье отца, всю свою 39-летнюю жизнь выплачивал государственные налоги, мирские повинности, выполнял все натуральные повинности (часто отец вместо него), был труден и тернист. Он ученье считал божественным откровением, рвался с пяти лет в город, чтобы научиться читать и писать по-русски, в семь лет ему посчастливилось попасть в семью козьмодемьянского купца Т.Ф. Михеева, где добрейшая купеческая вдова Анна Кузьминична Дворникова научила его читать и писать. В тринадцатилетнем возрасте он “вышел в люди”, четыре года проработал помощником писаря в волостных правлениях, четыре года – писцом у чиновников земской полиции в Козьмодемьянске, где овладел тайнами канцелярского делопроизводства и в 1842 году мог быть избран на ответственную должность переводчика чувашского языка и письмоводителя Козьмодемьянского земского суда – основного административно-судебного органа уезда – под начало самого исправника, где прослужил до конца своей жизни, заслужив высочайше дарованную награду – серебряную медаль. В 1843 году С.М. Михайлов женился на грамотной ростовской мещанской девушке Екатерине Петровне, ставшей со дня венчания государственной крестьянкой дер. Юнги-Ядриной. Спиридон Михайлович, овладевший мастерством делопроизводства, еще до женитьбы прочитал немало религиозной, художественной, историко-этнографической литературы, а вместе с Екатериной Петровной усидчиво читал общественно-научные и литературные журналы, исторические монографии. У Михайлова созрела мысль самому писать статьи и книги. Этого требовала и жизнь родных ему чувашского и марийского народов, среди которых не было еще местного ученого и писателя (великий ориенталист из чувашей Н.Я. Бичурин чувашско-марийской тематикой не занимался).

Публикация в начале 1852 года в “Казанских губернских ведомостях” “Повести о пребывании в городе Козьмодемьянске государя императора Павла Петровича с великими князьями Александром Павловичем и Константином Павловичем” и восхитительно доброе отношение к начинающему автору редактора газеты А.И. Артемьева вдохновили Спиридона Михайловича на сочинение новых трудов. Редакторы газеты А.И. Артемьев и профессор И.Н. Березин по-отечески направляли талантливого автора, первого из чувашей, на исследование географии, экономики, статистики, этнографии, фольклора, истории края и его народов. С.М. Михайлов оставался благодарным им до конца своей жизни. Тома “Истории государства Российского” выдающегося историка и писателя Н.М. Карамзина оказали огромное влияние не только на познание С.М. Михайловым истории, но и на освоение им исследовательского метода, выработку литературного стиля, отточенного, яркого, живого языка. Как отмечали современники, С.М. Михайлов стал высокообразованным, европейски мыслящим представителем русского общества, ученым и писателем с народной, крестьянской идеологией.

В настоящем учебном пособии рассмотрены все основные научные труды, очерки, рассказы, корреспонденции, фольклорные записи ученого и писателя. Как явствует из обзора трудов, С.М. Михайлов нередко в один и тот же год создавал и публиковал этнографические, исторические, статистико-экономические, географические, публицистические, художественно-литературные работы, переходя от одной отрасли науки к другой. Выбор тем определялся то наличием фактического материала, то появлением в печати программ экономических, статистических и этнографических описаний, то запросами редакций.

В изучении географии, географической среды, природных и климатических условий, полей, лесов, рек и озер, флоры и фауны, экологии Чувашского и Марийского краев в своих многих статьях С.М. Михайлов был предельно конкретен и точен. Географическую среду, природно-климатические условия края он рассматривал в развитии. Его тревожило ухудшение

природно-климатических условий края не только вследствие естественных, объективных законов природы, но и вследствие разрушительного воздействия человека. Во многих своих трудах С.М. Михайлов озабочен безрассудным уничтожением лесов, вследствие чего произошел катастрофический упадок охоты на птиц, пушных и мясных зверей, пчеловодства и сбора лесных плодов. Сокращение площади лесов привело к осушению и обмелению рек, речек, озер, вымиранию в них ценных пород рыб, прекращению судоходства. Уменьшение площади лесов, вызвавшее нарушение режима осадков, влаги, оказало отрицательное влияние на урожайность полей, привело к сокращению площади сенокосов, кормов и ухудшению качества и продуктивности скота. Автор указывает, что в прошлые времена, когда лесов и сенокосных угодий было значительно больше и кормов заготавливалось предостаточно, чувашские лошади, коровы, овцы, козы, свиньи были значительно крупнее, чем теперь. До сокращения площади лесов ключей было много, и в ряде мест обходились без колодцев. В середине XIX века ключевых источников воды стало мало, а в чувашских деревнях не научились строить хорошие колодцы. Они летом высъсали, и чувашки вычерпывали из них одну грязь. Автор отмечает и уменьшение липовых лесов, а в прошлом из липовых бревен строили добротные, теплые избы. С.М. Михайлова сильно беспокоит предоставление лесному ведомству права разрешения лесопромышленникам рубить строевой лес для вывоза в неограниченном количестве.

С.М. Михайлов в своих трудах показал себя как прекрасный экономист, знаток сельского хозяйства: земледелия – полеводства и овощеводства, а также садоводства, скотоводства и птицеводства. В описаниях чувашских, русских, марийских селений он, используя статистический метод, глубоко анализирует состояние сельского хозяйства, урожайность полей, продуктивность скотоводства, делает полезные рекомендации; обнаружив передовое, положительное в ведении хозяйства у русских или горных марийцев, автор хочет, чтобы и чувашки овладели новыми приемами земледелия и промыслов. Желая

видеть чувашей развитыми, более всего замечаний высказывает им. Как экономист и статистик, ученый. большое внимание обращает на промышленность, особенно лесную, промыслы, торговлю, рыночные отношения, финансы, рост класса буржуазии, формирование отряда наемных рабочих. Он всесторонне изучал экономику и демографию городов, сельских населенных пунктов. Население им рассматривается в социальном разрезе. Очень большое внимание обращает автор на положение русской, чувашской, марийской бедноты из сословия государственных крестьян. Вся беднота бурлачила, и заработанные ими деньги шли полностью на уплату налогов и других податей и на питание во время бурлацкой страды. Многие чувашские, марийские и русские государственные крестьяне получали урожай, недостаточный для содержания семьи; в то же время они для уплаты налогов и податей вынуждены были продавать хлеб, а купцы, особенно чебоксарские, покупали у крестьян хлеб по очень дешевой цене, а продавали этот же хлеб в три-четыре раза дороже. Все географически-статистические и экономические труды С.М. Михайлова являются теперь надежным, достоверным источником для изучения социально-экономической истории Чувашского и Марийского краев середины XIX века.

Бичом чувашской, марийской и отчасти русской государственной деревни являлось неимоверное мздоимство, вымогательство, взяточничество губернского, в особенности уездного и волостного (волостных голов и писарей) чиновничества. Всевозможные махинации совершались при наборе рекрутов. С.М. Михайлов боролся с этим позорным укоренившимся явлением, обличал его во многих своих сочинениях. Он даже разработал специальные правила для управления чувашами. Михайлов задолго до В.В. Берви-Флеровского высказал мысль о передаче управления чувашами самим грамотным чувашам.

С.М. Михайлов выступал за распространение среди чувашей истинного православия путем проповеди христианского учения на родном языке. Михайлов стоял за искоренение языческих суеверий, распространяемых юзьями, разработал специальное руководство для духовенства, служившего среди чувашей и марийцев.

С.М. Михайлов видел социальное и национальное неравенство в обществе, поддерживал демократические требования передовой части русской общественности, подходя к ним с позиций крестьянства. Эти аспекты научного творчества ученого важны теперь для исследования общественно-политической истории чувашского и марийского народов.

При всей творческой многогранности, Михайлов был прежде всего этнографом, изучавшим быт и культуру верховых чувашей, горных, отчасти и луговых, марийцев и русского населения Волжско-Сурского края, а также района соприкосновения границ Свияжского и Тетюшского уездов. В первые годы своей научной деятельности он преимущественно изучал чувашскую этнографию, затем – марийскую, в последние годы – русскую. Многонациональный состав уезда, в котором он жил и работал, способствовал формированию у него тонкого этнографического чутья. Он исследовал хозяйственные занятия, материальную культуру, семейный и общественный быт каждого народа, отдавая предпочтение исследованию духовной культуры народов – религиозных верований, обычаев и обрядов (особенно свадебных), праздников, игр, народной музыки, фольклора.

Одинаковые природно-климатические условия в крае привели к единообразию ряда элементов материальной культуры чувашей, марийцев и русских, но и в ней у каждого народа было немало специфичного. В духовной культуре каждого народа особенное преобладало. Однако контактные связи вели к заимствованиям элементов культуры.

Ученый не ограничивался фиксированием фактов, старался в ряде случаев объяснить их генезис и рассматривать их в эволюции. Он очень чуток к фиксации и объяснению и пережитков старинного быта (например, кочевого), и новых явлений в быту и культуре народов. По его мнению, народ сам, в процессе труда, сообразуясь с жизненными потребностями, развивает свою культуру, но это развитие происходит не изолированно, в нем значительную роль играет взаимовлияние народов. В быту и культуре родного народа Михайлов видел не только положительное, но и отсталое, отрицательное,

подчеркивал передовое, полезное в жизненном укладе русских и марийцев. Этнограф ратовал за сближение чувашских, русских и марийских трудящихся. Он был свободен от расистских воззрений, распространенных в этнографии середины XIX века. Для него характерны подход к этнографическим явлениям в социальном плане, обособленное рассмотрение этнографических показателей богатого и бедного слоев населения.

Михайлов никогда не разделял страсти этнографов к экзотике и выдумкам. Он, например, обоснованными фактами разоблачил вымысел о “сухой беде”. Он изучал жизнь, быт и культуру народа не как посторонний наблюдатель, а как человек, живший в его среде, вследствие чего труды его не содержат неточностей, все зафиксированные в них факты верны, суждения и выводы правильны.

Спиридон Михайлович не делал широких теоретических обобщений по этнографии (такой цели он и не мог ставить), его работы носят преимущественно описательный характер. Однако они своей оригинальностью, свежестью и совершенством, точностью и правдивостью заслужили широкое признание современников автора и последующих поколений, они имеют неопределимое значение для науки и нашего времени как добротный этнографический и исторический источник.

Замечательные этнографические труды Михайлова сегодня служат ценнейшими источниками для обобщенного исследования этнологии чувашского, марийского и русского народов.

К этнографическим исследованиям ученого близки его фольклорные записи. Ряд его этнографических трудов сопровождаются отвечающими вопросам исследования автора текстами песен на чувашском, русском, реже марийском языках. Как фольклорист Михайлов в ряде своих сочинений опубликовал немало чувашских песен на родном языке и в переводе на русский язык, несколько марийских и русских песен, преимущественно общенародных и свадебных, десятки чувашских пословиц, поговорок, примет, загадок и исторических преданий, сказок, “разговоров”. В середине XIX века они представляли самое большое собрание произведений чувашского фольклора. Все приведенные им

тексты чувашских фольклорных произведений переведены им же на русский язык.

Творчество С.М. Михайлова, имеющее отношение к истории, можно подразделить на: 1) собственно исторические работы и исторические части в этнографических, статистически-географических трудах, описаниях городов и селений; 2) публикации исторических документов; 3) оригинальные его этнографические и статистически-географические сочинения, ставшие теперь ценнейшими историческими источниками. Исследуя прошлое, С.М. Михайлов опирался на исторические предания и отдельные письменные источники и литературные сведения, по которым делал интересные наблюдения и обобщения. Писал он главным образом об истории чувашей, марийцев и русских Волжско-Сурского региона. С.М. Михайлов считал марийцев, мордву и других финнов древнейшими насельниками края, а чувашей пришлыми с юго-востока, из Центральной Азии. “Чуваши в глубокой древности, – писал он, – вероятно, были народ кочующий” и указывал на пережитки у них кочевого быта в терминах *сурт*, *ял*, *лаç*, *çăкăт*, *шăрттан* и др., обычае возить поклажи (мешки), навьючив на лошадь с двух сторон, в кочевых пережитках свадебных обрядов и т.д. Непосредственными предками чувашей считал волжских болгар, отмечал немало фактов, сближающих первых со вторыми, указывал, что в болгарское время многие исповедовали ислам. Говоря о древности, болгарском времени, Михайлов не раз пишет о тарханах у чувашей: “В древние времена были у них особые наездники, называвшиеся тарханами, которые, будучи вооружены стрелами, разъезжали верхами, нападали на неприятелей и прогоняли их из своих пределов”. Чуваши отличились “уже после падения древнего царства Болгарского от грозной орды монголов, падения, сопровождавшегося кровопролитием; тогда они стали самыми беднейшими жителями, утратив первоначальное свое могущество”. О трагичности для чувашей монголо-татарского ига Михайлов пишет в ряде своих работ. Наше исследование “Опустошение Болгарской земли в конце XIV – начале XV веков” подтверждает правоту С.М. Михайлова.

В ряде своих трудов Спиридон Михайлович останавливается на положении чувашей и марийцев в Казанском ханстве. На землях чувашей и горных марийцев располагались укрепленные городки татар. Одним из них был городок на Сундырской горе, часто переходивший в руки горных марийцев и чувашей. По преданиям Михайлов заключает, что “цари казанские, у которых они (чуваш. – В.Д.) были в подданстве, взимали с них большие налоги, посылаемые от них вельможи для поборов теснили чуваш и будто бы уводили к царям в неволю девиц их. Чуваш, будучи не в состоянии переносить таковых угнетений, решились наконец искать покровительства у московского царя. Он их принял ласково, обещал им покровительство... Потом собрался воевать в Казань, и они, чуваш, при сем случае содействовали войску во взятии этого неприязненного для них царства...” Иван IV выдал горным людям жалованную грамоту, освободил от ясака на три года.

С.М. Михайлов указывает, что после присоединения чувашей и горных марийцев к России они подчинились московской власти, не участвовали в антимосковском движении, развернувшимся в левобережье Волги, вместе с русскими войсками участвовали в подавлении мятежей. Не только служилые, но и ясачные чуваш, марийцы служили в русском войске, участвовали во многих войнах. В Чувашии и в Горномарийском районе были основаны русскими города Свияжск, Чебоксары, Козьмодемьянск, Цивильск, Ядрин. Михайлов подробно исследовал историю Козьмодемьянска, историю русских в его уезде, историю козьмодемьянских ямщиков и раскольников. Ясачным людям приходилось платить царской казне тяжелые подати, выполнять повинности, страдать от произвола и вымогательств чиновников. Они не раз восставали. Большое внимание обратил историк на исследование участия чувашей в восстании Е.И. Пугачева.

С.М. Михайлов проявил себя и как первый чувашский археограф: он опубликовал документы о владении чувашами сенокосами на Маслове острове и по истории козьмодемьянских ямщиков, обнаружил и скопировал спорное дело XVIII века о землях чувашских деревень Хоракасы и Оринино.

Как уже указывалось, Спиридон Михайлович свои этнографические и исторические труды писал не только по научному методу логического мышления, но и по художественному методу образного мышления. В основном по методу образного мышления написаны его сочинения “Балдран-базар”, “Казанские инородцы перед памятником Державину в Казани”, “Масленица в Козьмодемьянске”, “О Сарые”, “Чувашские аристократы”, “Человек предполагает, а Бог располагает”, “Разговор на постоялом дворе”, “Злополучный сын”, “Воспоминание о пугачевщине”, посвященные социальным проблемам. Они отображали суровую правду жизни, касались вопросов культуры, нравственности. Перечисленные сочинения заняли бы достойное место в современных учебниках и хрестоматиях.

В своих публицистических “вставках” к сочинениям Спиридон Михайлович остро ставил злободневные вопросы общественной жизни, обличая пороки местного управления, показывал тяжелое положение чувашских и марийских трудящихся, выступал за замену порочных чиновников и священников добросовестными, хорошими, за допущение в низовые органы Чувашского и Марийского краев грамотных чувашей и марийцев. Он стремился вывести чувашей и марийцев из темноты и невежества, ратовал за распространение среди них грамотности, за развитие сети школ, видя их важное значение и в подготовке управленческого персонала, стремился улучшить постановку обучения в сельских чувашских и марийских училищах, открыв центральные школы в селах Ишаки и Чемеево, предлагал назначать учителями в сельских училищах не священников, перегруженных служебными делами, а окончивших семинарии учителей, с усердием относящихся к своим обязанностям. Он был первым просветителем чувашского народа.

В формировании мировоззрения и общественно-политических взглядов Михайлова определяющую роль сыграло то, что он был выходцем из крестьянских масс, сам всю жизнь состоял в сословии государственных крестьян и нес все его повинности, жил в гуще народной, его интересами, в повседневном тяжком труде, был честнейшим,

добросовестнейшим, неподкупным гражданином. Михайлов признавал эволюцию в обществе, хозяйстве, быте, культуре, высказывал демократические, просветительские взгляды, сочувственно относился к сельской и городской бедноте.

С.М. Михайлов осознавал полезность своей научной и литературной деятельности. “Из миллиона чуваш и черемис, – писал он, – я первый еще писатель в России. Следует и кому-нибудь из них писать для общей пользы”. Умер он в надежде, что потомки заинтересуются его научным наследием и скажут: “Вот с кем имел связи наш Спиридон Михайлов, писатель-самоучка”.

Творчество С.М. Михайлова получило достойную оценку видных русских ученых А.И. Артемьева, И.Н. Березина, П.С. Савельева, А.Ф. Риттиха и др. О Спиридоне Михайлове сказано в 35 дореволюционных изданиях – в книгах, статьях, энциклопедиях, в XX веке – в целой сотне статей и книг. Во второй половине XIX века труды С.М. Михайлова перепечатавали в десятках книг, даже без указания автора. В XX веке сотни авторов цитируют его сочинения.

Нам хочется привести чистосердечные слова А.Ф. Риттиха, автора “Материалов для этнографии России. Казанская губерния”, сказанные в 1870 году: “Как только ... успевали стряхнуть с себя вековой мох угнетения, дикости и затворничества, во многих случаях чуваша выказывались очень способными и не менее сметливыми, чем русский крестьянин. Между ними появился даже писатель Михайлов на русском языке, который помещал в “Казанских губернских ведомостях” ряд интересных статей о своих собратях и удостоился даже быть членом-сотрудником Императорского Русского географического общества. Мы же в настоящем разборе пользовались во многих случаях его указаниями” [73]. Действительно, в книге Риттиха весь раздел о чувашах почти полностью написан по трудам С.М. Михайлова. Творчество Михайлова – безупречное зеркало чувашского и горномарийского мира середины XIX столетия.

Значение С.М. Михайлова в истории и науке заключается в том, что он своим замечательным творчеством большого таланта опроверг распространенный в его время расово-

шовинистический предрассудок о неспособности чувашей и других народов Поволжья к научно-литературной деятельности, к высшим формам интеллектуального труда; открыл перед русским читателем подлинный чувашско-марийский мир: хозяйственный и социальный уклад, знания, дарования, быт, богатую духовную жизнь трудолюбивых, добрых народов, мечтавших о равенстве и братстве со всеми народами, и, насколько мог, заступался за интересы народных масс. Мы гордимся тем, что пионер чувашской науки и литературы был не серой фигурой, а ярким превосходным талантом, сразу же показавшим большие потенции чувашского народа в научно-литературной деятельности. Творческое наследие Спиридона Михайловича представляет большую ценность для наших дней. Его прекрасные творения имеют огромное познавательное значение, представляют ценнейший источник для исследования этнографии и истории чувашского и марийского народов, русского населения Волго-Сурья.

Как известно, Г.Р. Державин, А.С. Пушкин, Т.Г. Шевченко, М.К. Сеспель и другие гении оставили свои нерукотворные “памятники”. С.М. Михайлов “памятника” не писал. Но содержание сочиненного им на русском языке “Плача невесты”, по нашему мнению, позволительно считать обращением автора к родному народу перед уходом в мир иной:

Прощай, страна моих отцов,
Прощайте, дни мои молодые!
К тебе я сохранию любовь,
В пределы удалясь чужие.
Мой конь не всю меня увлеч:
Здесь я часть жизни оставляю,
Прими, прими меня навек,
Тебе в дань сердце оставляю! (60.)

Спиридон Михайлович оставил родному народу свою творческую жизнь, замечательные сочинения, переживания о нем, советы, наставления ему. Мы до настоящего времени не издали собрания его сочинений, наш народ не знает его произведений, не знает о нем. Мы не ответили ему данью памяти, любви, почета и славы. Да придет этому время!

1. Известия о чувашах, живущих в Казанской, Симбирской, Оренбургской и других губерниях // Казанский вестник. 1829. Часть XXV. Кн. 5. С. 107-108.

2. *Полевой Н.* История русского народа. М., 1829. Т. I. С. 45.

3. *Сумароков П.И.* Прогулка по 12-ти губерниям с историческими и статистическими замечаниями в 1838 г. СПб., 1839. С. 218-221, 224.

4. Красный архив. 1938. № 87(2). С. 91-92; Восстание чувашского крестьянства в 1842 г. Чебоксары, 1942. С. 23-25.

5. Список населенных мест по сведениям 1859 года. XIV. Казанская губерния. СПб., 1866. С. LXIV-LXV.

6. *Магницкий В.К.* Спиридон Михайлович Михайлов // Справочный листок г. Казани. 1867. № 103; *Он же.* К статье "Спиридон Михайлович Михайлов" // Справочный листок г. Казани. 1867. № 120; *Он же.* Дополнительные сведения о Спиридоне Михайловиче Михайлове // Казанские губернские ведомости. 1869. № 99; *Он же.* Чувашин-этнограф Спиридон Михайлович Михайлов // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ИОАИЭ). Казань, 1901. Т. XVII. Вып. 1. С. 75-78.

7. *Григорьев П.Г.* Новые материалы о С.М. Михайлове – первом чувашском этнографе и писателе // Записки ЧНИИ. Чебоксары, 1950. Вып. IV. С. 221-262.

8. *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов / Выявлены и собраны П.Г. Григорьевым, подготовка к печати, предисловие и комментарии В.Д. Димитриева. Чебоксары, 1972. 424 с.; *Михайлов С.М. и Второв Н.И.* о пребывании императора Павла I в городе Козьмодемьянске в 1798 г. / Предисловие, подготовка к печати и примечания Г.Н. Айплатова // Марийский археографический вестник. 1996. № 6. С. 95-103; *Михайлов С.М.* Описание быта раскольников в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии / Предисловие, подготовка к печати и примечания А.Г. Иванова // Марийский археографический вестник. 2001. № 11. С. 132-153; *Михайлов С.М.* Отчего чуваша даяться и какие правительство должно принять меры для предупреждения этого явления / Расшифровка текста рукописи, подготовка ее к печати, предисловие и примечания В.Д. Димитриева // Марийский археографический вестник. 2003. № 13. С. 150-165. Машинописные копии сочинений С.М. Михайлова, сделанные

П.Г. Григорьевым, хранятся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. II. Ед. хр. 47. Инв. № 126. Материалы С.М. Михайлова, собранные П.Г. Григорьевым. 259 л. Здесь хранятся также фотокопии и микрофильмы трудов, писем С.М. Михайлова, архивных документов о нем, сделанные В.Д. Дмитриевым: Отдел VIII. Ед. хр. 368. Инв. № 2928-2937. Фотокопии рукописей и писем С.М. Михайлова из Российского государственного архива литературы и искусства. 1971 г. 78 листов; Ед. хр. 369. Инв. № 2938. Фотокопия рукописи С.М. Михайлова "Писатель-самоучка из чуваш" [Автобиография] из Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (Москва). 1971 г. 14 л.; Ед. хр. 370. Инв. № 2939-2942. Фотокопии рукописей С.М. Михайлова из Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). 1971 г. 75 л.; Ед. хр. 372. Инв. № 2961. Микрофильм черновиков рукописей С.М. Михайлова из Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета. 1971. 66 кадров; Ед. хр. 373. Инв. № 2962. Микрофильм писем и рукописей С.М. Михайлова из архивов Санкт-Петербурга. 1971 г. 90 кадров; Ед. хр. 374. Инв. № 2963-2968. Фотокопии трудов С.М. Михайлова. 1971 г. 61 л. В НА ЧГИГН хранится фотокопия рукописи статьи С.М. Михайлова "Отчего чуваша давятся и какие правительство должно принять меры для предупреждения этого явления", сделанная Д.Е. Егоровым в Петербургском отделении Архива Российской академии наук в 1956 г. // Отдел VIII. Ед. хр. 376. Инв. № 2973. 10 л.

9. Григорьев П.Г. Чăвашсен чи малтанхи писателĕ Спиридон Михайлов // Тăван Атăл. 1946. 23-24 №. 113-126 с.; *Вăлах*. Спиридон Михайлович Михайлов. Шупашкар, 1960. 56 с.

10. *Сироткин М.Я.* Очерки дореволюционной чувашской литературы. Чебоксары, 1948. С. 19-33.

11. *Егоров Д.Е.* Спиридон Михайлович Михайлов: Историко-педагогический очерк. Чебоксары, 1968. 96 с.; *Он же*. С.М. Михайлов – просветитель и исследователь чувашской народной педагогики. Чебоксары, 1998. 64 с.

12. С.М. Михайлов – первый чувашский этнограф, историк, писатель. Чебоксары, 1973. 88 с.

13. *Данилов А.П., Тенюшев И.Я.* Зарождение, развитие публицистики и журналистики в Чувашии. Чебоксары, 1999. С. 19-48.

14. *Родионов В.Г.* Чăваш литератури (XVIII-XIX ĕмерĕн пĕрремĕш сурри): Вĕренĕ пособийĕ. Шупашкар, 1999. 171 с.

15. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1355. Д. 12. Дача № 81. См. также дачи №№ 50, 6.

16. Список населенных мест по сведениям 1859 года. XIV. Казанская губерния. С. 46; Крестьянское землевладение Казанской губернии. Вып. 10. Козьмодемьянский уезд. Казань, 1907. С. 98-101; Справочная книга Казанской епархии. Казань, 1909. С. 172-173.

17. Российский государственный архив литературы и искусств (РГАЛИ). Ф. 1215 (Н.Я. Агафонова). Оп. 1. Д. 15. Л. 560-561.

18. Там же.

19. Записки ЧНИИ. Чебоксары, 1950. Вып. IV. С. 243-244.

20. Казанские губернские ведомости. 1852, 7 января.

21. Артемьев Александр Иванович (1820-1874) – известный русский статистик, археолог, этнограф и географ. Он родился в г. Хвалынске Саратовской губернии, окончил Казанский университет, там же получил звание магистра русской истории. В 1850 году был избран членом-корреспондентом Петербургского археологического общества и членом Русского географического общества. В годы работы в Казанском университете и редактором “Казанских губернских ведомостей” с 1844 по 1852 год написал ряд статей по вопросам истории и этнографии народов Поволжья, в том числе чувашей и марийцев. С 1852 г. А.И. Артемьев работал в отделе статистики Министерства внутренних дел России, участвовал в качестве редактора и автора предисловий в составлении “Списков населенных мест Российской империи” по Казанской, Симбирской, Ярославской и других губерний. Сотрудничал в газетах “Русский дневник” и “Северная почта” и некоторых журналах. Крупные труды А.И. Артемьева: “Обозрение трудов Русского географического общества” (СПб., 1873) и “Описание рукописей библиотеки Казанского университета” (Казань, 1882).

22. Записки ЧНИИ. Вып. IV. С. 233-235.

23. Там же. С. 237-238.

24. Березин Илья Николаевич (1818-1896) – востоковед, с 1852 по 1856 год редактор “Казанских губернских ведомостей”. Родился в Перми, окончил Казанский университет. С 1842 года – магистр восточной словесности в Казанском университете, с 1846 года – здесь же экстраординарный профессор по кафедре турецкого языка. С 1855 года – профессор Петербургского университета, заведующий кафедрой турецко-татарской словесности. В 1864 году защитил докторскую диссертацию на тему “Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева”. В 1872-1876 годах издавал 16-томный “Русский энциклопедический словарь”. Важнейшие работы: “Грамматика персидского языка”, “Грамматика турецкого языка”, “Ханские ярлыки XIV в.” (изд. 1852 года), “Булгар на Волге” и др.

25. Записки ЧНИИ. Вып. IV. С. 243.
26. *Невзоров А.* Из Казани // Московитянин. 1854. № 14. Кн. 2. С. 48-56.
27. *Савельев П.С.* Казанские чуваша // Журнал Министерства внутренних дел. 1851. Ч. 36. Кн. 12. С. 391-412.
28. Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1966. Вып. XXXI. С. 264-265.
29. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). Ф. 37 (А.И. Артемьева). Ед. хр. 796(2443/1). Л. 8-9.
30. Записки ЧНИИ. Вып. IV. С. 242-243, 258-259.
31. Там же. С. 243-244, 258.
32. Там же. С. 244-245, 259.
33. Список населенных мест по сведениям 1859 года. XIV. Казанская губерния. С. LXV.
34. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Фонд № 231, М.П. Погодина. III. Картон 8. Ед. хр. 40. Л. 153-159.
35. Записки ЧНИИ. Вып. IV. С. 245-253, 259-262; Труды... С. 349-360, 393-396.
36. *Магницкий В.К.* Чуваши-этнограф Спиридон Михайлович Михайлов. С. 76.
37. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Фонд № 231, М.П. Погодина. II. Картон 21. Ед. хр. 33. Л. 1.
38. *Муравьев А.* Ученый хотел пожить и умереть в своем доме // Советская Чувашия. 1998, 2 июля. К сожалению, автор не указал даты двух приведенных им документов.
39. Марийский археографический вестник. 1996. № 6. С. 98-102.
40. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 37 (А.И. Артемьева). Письма А.И. Артемьеву.
41. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 37 (А.И. Артемьева). Д. 796. (2243/2). Л. 1-7.
42. Там же.
43. Там же. Ед. хр. 108. Л. 10-13.
44. Москвитянин. 1854. № 14. Кн. 2. С. 68-72.
45. РГАЛИ. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 14. Л. 650-651. Черновик.
46. *Михайлов С.* Местная археология // Казанские губернские ведомости. 1854. № 32.
47. Ученые записки ЧНИИ. Вып. XXXI. С. 264-265.
48. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 37 (А.И. Артемьева). Ед. хр. 61. Л. 50-76.
49. *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1892. Т. I. Кн. 2. С. 1020; Вестник Императорского Русского географического общества. СПб., 1855. Ч. 15. С. 22; СПб., 1857. Ч. 19. С. 26.

50. Записки Московского археологического института. М., 1909. Т. IV. Вып. 1.
51. Ученые записки ЧНИИ. Вып. XXXI. С. 263-265.
52. Казанские губернские ведомости. 1856, 9 апреля. № 15.
53. *Михайлов С.М.* Отчего чуваша давятся и какие правительство должно принять меры для предупреждения этого явления. С. 150-165.
54. Восстание чувашского крестьянства в 1842 году: Сб. документов. Чебоксары, 1942. С. 23-31.
55. *Берви-Флеровский В.В.* Избранные экономические произведения: В 2 т. М., 1958. Т. I. С. 199, 201.
56. Вестник Императорского Русского географического общества. СПб., 1856. С. 61.
57. *Михайлов С.* Местные известия // Казанские губернские известия. 1857, 8 июля. № 27.
58. РГАЛИ. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 14. Л. 688-692; Д. 15. Л. 1160-1162.
59. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 359. Оп. 1. Д. 9. Л. 75-77.
60. *Магницкий В.К.* Чувашин-этнограф Спиридон Михайлович Михайлов // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ИОАИЭ). Казань, 1901. Т. XVII. Вып. 1. С. 77.
61. *Сбоев В.А.* Исследования об инородцах Казанской губернии: Заметки о чувашах. Казань, 1856. С. 15-16.
62. ПСРЛ. Т. XIII. С. 214, 239, 510; То же в т. XX. Ч. 2; Т. XXIX. С. 200, 217. См. также: Писцовая книга Казанского уезда 1601-1603 годов. Казань, 1978.
63. ПСРЛ. Т. XIII. С. 269.
64. *Худяков М.* Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923. С. 149-152.
65. *Димитриев В.Д.* Антимосковское движение в Казанской земле в 1552-1557 годах и отношение к нему ее Горной стороны // Народная школа. 1999. № 6. С. 111-123.
66. Марийский археографический вестник. 2001. № 11. С. 133.
67. Там же. С. 134-149.
68. Рукопись, которую В.К. Магницкий приписал В.П. Громову, хранится в РГАЛИ. Ф. 1215 (Н.Я. Агафонова). Оп. 1. Д. 14. Л. 758-763.
69. *Невзоров А.* Указ. соч. С. 53.
70. *Березин И.Н.* "Чувашские разговоры и сказки", составленные Спиридоном Михайловым // Москвитянин. 1854. № 14. Кн. 2. С. 71.
71. Записки ЧНИИ. Вып. IV. С. 237.
72. *Березин И.Н.* Указ. соч. С. 68-72.
73. *Риттих А.Ф.* Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Казань, 1870. Ч. II. С. 72-73.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Жизненный путь крестьянина-чиновника, ученого и писателя.....	12
Глава II. Историко-этнографические и географические труды 1851–1855 годов.....	40
Глава III. Научные труды и корреспонденции 1856–1860 годов.....	111
Глава IV. Художественные очерки, рассказы, фольклорные записи.....	180
Заключение	201
Источники, литература, примечания.....	212

Национальная библиотека ЧР

к-038015

Учебное издание

Димитриев Василий Дмитриевич

**О ЧУВАШСКОМ УЧЕНОМ И ПИСАТЕЛЕ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА
С.М. МИХАЙЛОВЕ
И ЕГО СОЧИНЕНИЯХ О ЧУВАШАХ, МАРИЙЦАХ И РУССКИХ
ВОЛЖСКО-СУРСКОГО КРАЯ**

Учебное пособие

Редактор М.М. Фёдорова
Корректоры И.В. Алатырцева, Т.В. Пенкина
Дизайн-проект серии, вёрстка А.Ю. Храбровой

Подписано в печать 22.10.03. Формат 60×84/16. Бумага писчая. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 11,0. Тираж 500 экз. Заказ № 850.

Издательство Чувашского университета
Типография университета
428015 Чебоксары, Московский просп., 15

